

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

3. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бекултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
21.03.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ИЭС

Бана ГАЙТУКАЕВА. *Дахар*. Стихаш.....2

Зарина АЛИЕВА. «*Беттан нур дитийша, беттан
сих хьабгначу дагна...*».....4

ПОЭЗИЯ

Шамсуддин МАКАЛОВ. *Колыбель моя*. Поэма.....8

Валид ДОКАЕВ. *Странный ангел*. Стихи.....43

Фатима ДЖАБРАИЛОВА. *Я не спрошу*. Стихи.....64

ПРОЗА

Вахид ИТАЕВ. *Вивасван – Владыка Солнца*.
Заключительная глава романа «Майдан
предков».....10

Лейла КУСАЕВА. *Тихие ночи*. Рассказ.....58

ДЕБЮТ

Асет АЛИЕВА. *Дехар*. Стихи.....30

Марха МАЗАЕВА. *Я никак не могла понять*. Стихи.....39

Анзор ГАЗИЕВ. *Из прошлого с любовью*.....41

ПУБЛИЦИСТИКА

Салих ГУРТУЕВ. *Уезжало детство на восток*.....31

ДРАМАТУРГИЯ

Бана МАГОМАДОВА. *Марнана*. Пьеса.....45

РЕЦЕНЗИЯ

Хаджи ХИЗРИЕВ. *Александр Чеченский*.....66

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Юсуп АМАЕВ. *Об особенностях чеченской грамматики,
или Несколько слов по материалам одного
научного исследования*.....69

ИСТОРИЯ

Руслан ЯСАКОВ. *Шейх Мансур: штрихи к портрету*....76

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«*Нохчмох – моя «болевая» точка на карте мира...*»
С Райкомом ДАДАШЕВЫМ беседовал
Иса ОКАРОВ.....90

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза МЕЖИЕВА. *Долг любви*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Зура ИТСМИАЛОРД. *Мысль и холст*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Гайтукаева Бана

*2014 шарахь ткъа шо кхочу Гайтукаева
Бана вайца йоцуш. Амма вайца ю, ша
цхьаннах а тера йоцу, еккъачу лазамех
юьззина, Банин поэзи.*

Дахар

Ас ЛАЗАМ алий хьох, ДАХАР?
Оьггаздо-м ийир яц ахь суна?
Ас ШИЙЖАМ алий хьох, ДАХАР?
Дог догу. Ницкъ лохьа суна.
Ас ТУЬИРА алий хьох, ДАХАР?
Сийначу геналлехь дладай сан туьйра.
ХАЗАЛЛА алий хьох, ДАХАР?
Ахь киллой бийр баций декьал?
...Хун ала ас хьох, хун ала,
Сел мерза, сел къаьхьа туьйра.

Хийла со ца езарш ас кхардийна,
Сайн безначарна ас эзар вас йина...
Амма цу массарна а ас гечдина –
Со ца езаш – сайх кхаьрдинчарна а,
Суна беззашехь,
сайх кхета ца хиьначарна а...

«Хьуна а магахьа нахана меггарг,
Ахь а ма дехахьа кхечарна тоьарг», –
Хьехарш до суна гергарчу наха,
«Къахеташ» яха ца хуучу сох.
Ца тоьа суна нахана тоьарг –
Суна го малх боьлхуш,
цIен Iовраш Iенош.
Латта а текхаш го,
кийрахь дерг даьгна.
Ца тоьа суна нахана тоьарг...

Малх сихьиккхина,
Суьйре цIийелча,
Хьо шех хервина,
Сайн дог чIагIделча,
НеIарш къовлу ас,
Зайлаш доьхкина,
Хьоб догдаха сайн
Лаам бихкина.
Буьйса дIагIур ю,
Сан сих дакъош деш.

Цу бIаьрсино
Лайцна аьрха йоI,
Цу хьан бIаьрцIерлахь
Поллах хьаьвзар ю.
Цунна дицлур ду
Ша хьох довхо вар,
Малх сих бахана,
Суьйре цIийялар.
Безам бахна дог –
Иза-м полла бай,
Хьан бIаьрцIерлахь дерг –
Цуьнан дуьне дай...

Бутт лайцна-те тховса? –
ХIара дуьне ма чIоIгIа Iаржделла,
Бетгаса гуш ма дац,
Сан дагах дог кхиьча санна,
Хун хилла-те хьовха –
Седарчийн бIаьргаш а шелделла,
Сан бIаьргех бIаьрг кхиьча санна,
Сан деган лазамна
ЦIе тоьхча санна,
ХIара буьйса ма чIоIгIа дIатийна...

Суна ела лаьа. Суна елха лаьа.
Кху сан даг чохь дерриг
тховса цхьаьнайина.
Ас хьан байташ ешча,
Йиси дош а эшна,
Ойла яха лаха и сан тайнигаш.
Суна хьега лаьа, суна кхета лаьа
Мичхьа сеци, сан бераллин сийна

Алиева Зарина

«Беттан нур дитийша, беттан сих хъаьгначу дагна...»

Иза къонах стаг яра, бохуш дуьйцу, дош лелаш, ша тлелаьчна глуплакх кхочушдеш, диканехь-вонехь хьалхаяьлла, гло-накъосталла оьшучохь гуттар кийчча, массеран а накъост, массеран а доттаг1. Иштта и евзачара дуьйцу. Бана иштта яцара ала ца г1ерта вай, амма зудчух къонах алар нийса, дог1уш ца хета. Иштта олушволчунна зуда, нана, йиша, йо1 – цу дешнийн доккха маь1на, церан сийлалла кхоччуш евза аьлла ца хета суна.

Бана нохчийн йо1 яра, йиша, нохчийн халкъан кхетамо кхоьллина йишин сийлахь васт шен амалшца долуш, къемата дийнахь вешин къинойн мохь шега д1аоьцуерг йиша хир ю аьлла ду. Ишттачарех яра Бана: «Со яла хьан къинна...» олучарех. Шен декхарш, йоь1ан, йишин декхарш къонахчун декхарел а лахара а ца хеташ, уьш кхочушдар шен дахаран некъ а лоруш, шен са а, дог а ца кхоош, и кхоо дезий ца хууш яьхнера Бана.

Нохчийн мотт буьйцуш верг милла а вара Банин гергара, цундела хир ду Банех дика дош олуш болу нах тайп-тайпана хилар, шайн-шайн амалшца, амма Бана массарна а цхъаь хилла, шен йоккхучу цхъана ц1арца.

Зударийн, божарийн поэзи олий къестамаш нисло литературехь, церан тайп-тайпана хат1 хилар а къастош. Масала, зударийн поэзехь коьрта билгало безаман тема ю, «со» бохучун гондхьа хьийзар, чохьъара дуьне, синхаамаш, сингаттамаш 1орабохуш. Божарийн поэзехь коьрта дуьне, дуьненан хьелаш, граждански тема, синхаамел хьалха ойла, иштта кхид1а а. Амма и къастам литературехь ч1аг1бина т1еэчна бац, х1унда аьлча цхъайолчу стихашкахь зудчун, стеган аз хезаш ца хуьлу дела, поэтан аз бен. Гена ца кхийдича а цхъана Марина Цветаевин стихаш ешча а тоьур ду тоьшаллина. Иштта Банин стихашкахь дуккхачара билгалйоккхуш граждански тема ю, доьналлин, къонахаллин тема, дуьненчохь стеган вахаран декхарш. Амма безаман лирика а ч1ог1а нуьцкъала ю Банин, цунах к1езиг дийцахь а. Цуьнан поэзехь безаман тема йоцуш санна хетало нагахь, х1унда аьлча Банин ц1е йоккхучохь гуттар Нохчийчоьнах, цуьнан декъазчу кхолламах йолу стихаш хьалхайоьху дела.

Безаман лирикехь классически стихотворени лара мегар ду аьлла хета суна Банин «Со – аренца кхиьна акха зезаг». Оцу стихотворенин орамаш нохчийн фолькларан безаман лирикин эшаршкара ду аьлла хета. Масала, фольклорехь иштта ду:

Цу тоьпан чакхми т1е
Юрт юьллур вайшимма,
Цу уьрсан диттаца некъ
Боккхур вайшимма,
Хьан буора ши ч1аба
Г1ов хьерчор вайшимма,
1аьржачу латтанах
Атта мотт бер вайша,
Сийначу стигланах
Тхера тхов бер вайша...

Банас шен лирикин турпалхочун ц1арах иштта жоп ло:

Со – аренца кхиьна акха зезаг –
1ехалур дац цу хьан х1усамах,
Айсса къастор ас сайн дагна везарг,
Айсса бийр бу цуьнца маьлхан мах.

Сан верасаш хир ду лекха лаьмнаш,
 Тешаш хоржур ду ас седарчий,
 Ахь урдонна яхкахь суна б1аьвнаш;
 Хьуна лур ду сайн мутт аренийн.
 Тир яккхина беттан чилла хьовзуш,
 Мархех юрг1а охур ду ас хьуна,
 Маьлхан г1енаш хьан г1евланга дохкуш,
 Буьллур бу ас бацалахь мотт хьуна,
 Со – аренца кхиьна акха зезаг,
 Ма кхийдае соьга месийн г1овла.
 Б1е шо ду-кх со кху дуьненчохь еха,
 Хьан б1аьра хьажа кхоьруш лела...

Стихотворенин лирикин турпалхо майра ю шен синхаамашкахь, цо безам коьрта лору дуьненан хьелийл. Стихотворени ешча, гуш ду нохчийн фольклоран безаман лирикехь санна, везачуьнца цхьаьна хила, муьлхха хало а, дуьхьало а эшо кийча ю стихотворенин турпалхо.

Стихотворенехь коьрта исбаьхьаллин г1ирсаш бу поэтана карийна, дустарш, цо далийна шатайпа басарш: турпалхо 1аламах ийна ю, 1аламан хазалла дуьненан хьелашна дуьхь-дуьхьал х1иттайо поэта. Безамах елахь а стихотворени, нохчийн йо1ан безам хилар а, х1ора шен стихотворенехь санна нохчолла хьалхадоккху поэта х1окху стихотворенехь а, нохчийн сийлаллин символаш а ялош: «сан верасаш хир ду лекха лаьмнаш...», «ахь урдонна яхкахь суна б1аьвнаш...». Шен безам дуьненца кьовсур болуш елахь а, везачунна хьалха г1орасиз ю лирикин турпалхо. Т1аьхьарчу шина мого1анехь нохчийн йоь1ан васт, цуьнан амал гучуйолу – экаме, эхь хеташ: «Б1е шо ду-кх со кху дуьненчохь еха, хьан б1аьра хьажа кхоьруш лела...». Банин дуккха а ю безамах стихотворенеш, уьш х1ора а талла а йог1ура. Амма вай лакхахь ялийначу цхьана стихотвореница а юьсур Бана йоь1ан шатайпа докккха, амма цуьнца цхьаьна экама дуьне гайта хаарца.

Банас ша-шех дуьйцург ду бакь, цо ша хьенан, мила, мичара хилла, дуьйцург, иза дерриге а цо шен йозанашкахь дуьйцу, дуьхьал гуш, 1орадаьлла Банин са а долуш.

Банин стихаш а, цуьнан прозехь йолу ойланаш а, яздархо хила а г1ерташ, литературина аьлла кхоьллина ю ала хала ду, цуьнан йозанаш литературин бакьонашца нисдина, тодина, дош лобхуш, дешнаш луйтгуш яц. Банин х1ора мого1а – маьрша ойланаш ю, дневник тайпа, цо ша-шеца йина ойланаш шел т1аьхьа йитина, шена чохь боккха лазам а, ирсен м1аьргонаш а йолуш. Цо цкъа а ша стихаш язеш ю ца олура боху, шен ойланаш д1аязьяр доцург. Д1а ца язйича, дагахь мел дерг мича хьур дара, хьанна делхор, к1айн кехато д1а ма худу дерриг а. Т1аккха иштта ца кхоллаелла, муха кхоллалуш хуьлу поэзи, аьлла хаттар дуьсу.

«Син цхьа мукьам хуьлу», аьлла Бексултанов Мусас. Иза иштта муха хуьлу, хила йиш юй, ойла кхоллало. Син хазхетарш, халахетарш, тайп-гайпана синхаамаш хийцалуш ма хуьлу, х1ора синх1оттаман шен-шен мукьам ца хуьлу? Беккъа цхьана синхаамца ваха йиш ма яц дуьненчохь. Хазахетар, лазам – оцу синх1оттабийн шен-шен мукьам хила ца бог1у т1аккха? Оцу хаттаршна жоп художникан кхоллараллехь карор ду. Шен сине ладуг1уш волчу художникан кхоллараллехь цхьа мукьам хуьлу. Муьлхха темина, муьлхха синхаам буьйцуш цо язьяхь а, мукьам цхьаь хуьлу, дешнаш дуьйцург цхьаь долуш, синна хаалуш болчу мукьамо шен маь1на а деш, цхьана произведенехь шиь сюжет йолуш санна, шена чохь гушдерг а, гушдоцург а долуш, и гушдоцург Абдулаев Лечас ма аллара, синна хаалуш.

Банин син – лазаман мукьам бу. Бана дуьнен чу яьлла де 23-г1а февраль дара, вайн халкъан бохаме де. Ша дуьненчу ялар цу дийнахь нисделла хилар, цуьнан кхолламехь шатайпа символ лоруш хилла аьлла хетало цунна. Цуьнан кхолламо иза бакь хилар тоьшалла а до. Вайн халкъан историн бохаме зама ю Банин

кхолламах хъарчина, дуьненчу ялча дуьйна сха. Банас ша-шех дуьйцург ду бакъ, цо ша хьенан, мила, мичара хилла, дуьйцург, иза дерриге а цо шен йозанашкахъ дуьйцу, дуьхьал гуш, Горадаьлла Банин са а долуш.

«Со йинчу дийно
 Дуьненчу а далаза
 Хьийзинчу сан синан мохъ
 Сан лере кхоьхьу
 Со йинчу дийнахь...
 Той дицдой, миска са
 ДІадоьду ГІум-Азе делха
 Со йинчу дийнахь...
 Йина де-м сан дан а дац,
 Амма ду дуьненчу далаза
 Са дийна де...».

Банин дахарехула, кхоллараллехула чекхболу и лазаман мукъам.

Йоьлан дог экама, жима ду, син Іаьткъинарг тарда кийра готта хилла, ара ца даьккхича даге лалург ца хилла лазамах буьзна синхаамаш. Цуьнан хІора мога кхайкхам бу адамашка, вовшашна тІех ма довла, вовшийн дог эца, адамаш вовшашна гІоьнна кхоьллина ма ду бохуш. Кханенга ма титта, кхана тІаьхьа хир ду, сихло тахана, хІинцца диканиг дан, вовшашна гІортораш хила, бохуш. Иза ша ма-яххара, дахарехъ ша ма-хиллара хила лаьара цунна нах а, иза хІоранна а дахаран маьІна долу дела, иштта хила деза дела:

«Ван нах, мича, стенга кхача гІерта шу?
 Ца го шуна сан долчу деган аматаш?
 Шуна гайта кераюккъе иза эцна йогІу.
 Шу тІехлелха, бен ца хеташ, суна бІаьрзе хилла.
 Кху сан дагал деза хилла-кх и шун гІуллакхаш?
 Кхана-х догІур дай шу орцах, и лахьти чу дилла,
 Бен а боцчу хенахъ суна аш бен хастамаш».

И стихотворени таханенна язйина йолуш санна хета, тІаьхьадисинчу вайгара бехк боккхуш. И тІаьхьабуьсуш болу бехк, дагахьбаллам хала бу лан, дуьненчохъ мел ву, са дууш адамца бежа, дІа ца къаьсташ, цунах кІелхъаравала некъ ца карабо. Даха сихделлачу вай дуьненан гІуллакхаш хьалхадоху цакхиарна кхоьруш, адамиин вовшашца йолчу марзонаш тІаьхьа а туйттуш. Амма, гІуллакхаш дІа а дирзина даха а ца ховшу, вовшах а хеда, херло. Дуккха а тІаьхьа кхета «дегнел» деза цхьа «гІуллакх» ца хиллий лаьттахъ, тІаьхьа... «ХІей нах, дІа ма дийша неІарш къовлий». Вовшийн дегнийн неІарш дІа ма къовла, сема хила доьху Банас вайга.

Банин гондхьа дуккха а нах хуьлура бохуш дуьйцу, бен-бен болу нах, шайн баланаш бекъа иза йолчу оьхуш. Цо массо а тІе а лоцура, хІоранна а гІуллакх дан хьожуш. ДІа ца тоттура цхьа а. Бана къонах яра бохучаьрга ала лаьа, и вай лакхяхъ хьахийна йолу цуьнан амал зудчун амал ю. ХІора йоІехъ, зудчуьнгахъ, бераллера дуьйна сха, цуьнан амалехъ наналла деха, доладарца, шен са кхоа ца до цо, диллина лаьтта гІо оьшучунна. Стаг вон вара, дика вара ца хьожуш, цуьнгара девлла гІалаташ ца лобруш, къинхетамах ца йолу иза. Банина милла а вара йиша а, ваша а, цо Іуналла а дора царна. Иза зудчун амал ю, къинхетаме амал. Къонахчун амал яц иза, къонахчо верриг а шех вусту, декхарех хьалха ца вуьту, цхьа бахъанаш ца лобру. Къонахчуьнгахъ товш а ю иштта амал, цуьнан некъ цхьаь болу дела. Амма Банина дика хаьара къонах верг, «къонахийн амалех ловзург» къасто, нах дика бевзара цунна. Амма цо бехкаш ца дохура, иза кхоьлура «къонахийн амалех ловзарш» вайн махкахъ баржарна, дебарна, дуьне дохарна. Бана кхийринарг хила а хилира. Вайн халкъо сагийсина долу дуьне, маьрша дин лело, вайн Іадаташна, гІиллакхашна, маттана, кхоллараллина,

сатийсина долу дуьне дуьйхира. Юха а ларжа денош, лазамаш, баланаш... Кхолийра Нохчийчоь.

Мохк, нана, йо1, йиша ларъян, шайх дозалла дан юххехь къонахий ца хилча, зуда т1ам бойна олхазар санна юьсу. Цуьнан сийлалла, дозалла дан дуьненчохь х1ума ца дуьсу, иза цхьалха юьсу, шен орцан мохь йилбазмохье а боьрзий.

Х1инца а лерехь дека Банин орца, цуьнан йишйохна дехарш, кхайкхам, цо маслалате кхоьссина йовлакх «...ц1ийлахь 1уьллу сан кортоли, соьга хьобжу доьхна», – хьалаэца цхьа воцуш йисира Бана.

Дуккха а болчу поэташа, яздархоша Даймохк ненаца, йо1аца бусту. Нана санна кьинхетаме, йо1 санна экама, ц1ена. Банас шен кхоллараллехь сийдолу зудчун вастехь даймехкан васт х1оттадо, шина вастах цхьаь деш. Даймакхо мел лайнарг шен сих чекхдаьлла хилар гойтуш:

«Хьан ц1ийнах яра-кха со, Нохчийчоь, хьан ц1ийнах яра.
Нахана д1айийца ворх1е а ден ц1е а хилла.
Хьан ц1арца яьхна со, Нохчийчоь, хьан ц1арца яьхна.
Хьешана х1оттадан комаьрша шун а сан хилла.
Хьан юьхь ас ларьица сайн эхь-бехк, сайн сий санна...».

«Дуьненчохь мел болчу зударел со маьрша къасто,
Бахьана цхьаь хилла-кх – со ларъян къонахий хилла».

Жимчохь дуьйна, туьйранашкара, баккхийчеран дийцаршкара бакьо-харцо хилар 1амадо вайна. Жимчохь харцо гуттар эшна карайо, бакьо тоьлла а йолуш. Бакьо толо накьостий оьшу, хьо санна догц1ена, бакьонна шен са а д1алурдолуш. Банина иштта накьостий карабо. Иза йоккхае царах, церан ойланех. Жимчохь шена бабас дийцина туьйранаш бакь хиллий кхета иза, оцу туьйранан турпалхошца бусту цо, дуьххьара «Пхьармате» еьча, шена бевзина хилла яздархой: «Пхьарматан куьйгалхо Ахмадов Муса вара. Мел къаьхьа делахь а, бакьдерг д1ааларца билгалваьлла вара и. «Ловзарш» х1ун ю а ца хаьара цунна. Кхоллараллин стаг иштта хила а везара. Суна Мусас 1амийра, т1еч1аг1бира сан дагчохь бабас шен дийцаршца кхоьллина лаьмнашка, б1аьвнашка безам. Мусас кхиа серлабаьккхира и.

Со йоккхайина а ца йолура. Сан дог дозаллех дуьзира х1ара дешнаш хезча:

Вежарий, дуьйлало, некь бу вайн хьалха,
К1адьелла хир ага техкина нана,
Хан хилла вайн довла дайн, дедайн пхьалг1а,
Керлачу г1ирсашца шира б1ов ага!...

Цу дешнашца даг чу вижира г1айг1ане, хаза куц-кеп долуш волу Абдулаев Леча.

Нохчийчохь хаза мехкарел, к1айчу 1ахарел сов, оьзда, лекха къонахий а хилла хиларх тешийра со Бексултанов Мусас. Тешийра диканах, хазаллех, ц1еналлех. Мусас кура хила 1амайора нохчийн йо1, к1иллу к1ант вист ца хиллийттал кура!»

Иштта зяйо «Пхьарматах» болчу шен дагалецамашкахь Гайтукаева Банас. Оцу яздархошна лерина эссе ю Банин «Илланча» ц1е йолуш. Вай лакхахь ц1е яьхначеран яздархойн кхолларалло г1о дора Банина жимчохьлера Бабин туьйранах тешам ч1аг1бан. Ша 1еха ца еллийла, туьйра бакьдеш ша яха езийлах тешна яра иза. Цуьнан д1аяхар а кху харц дуьненара иштта хилла аьлла теша лаьа. Бана яха юьсура вайн иэсехь нохчийн йо1, йиша санна, йо1ан, йишин деза декхар цо кхочушдина ша дуьненчохь мел еха, вайна масаллина яха а юьсуш.

Вахид Итаев

В 2007 году в московском издательстве «Авити» (Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами) вышел роман известного чеченского писателя и поэта Вахида Итаева «Майдан предков». Это философско-фантастический роман, в котором автор повествует «о земном и о небесном – о мировом Разуме, который по воле Творца разлит по живым планетам». Предлагаем вниманию читателей заключительную главу романа, которая войдет в новую редакцию этой книги.

Вивасван – Владыка Солнца

(заключительная глава романа «Майдан предков»)

Прошло восемь лет. У Дени родился сын. Он назвал его Хаси. Ему уже было семь лет. Зизи и О Токи уже взрослые девушки, почти всегда пропадали в Атлантиде, у Буси. Да, все было хорошо. Ибо хороша была и сама планета. Хлеб насущный на ней не надо было добывать в поте лица. Хлеб этот без участия людей на планете Эльтусси добывали биороботы. Все делали они: и пахали, и сеяли, прокладывали дороги, строили дома, да и самые простые уборки по дому выполняли биороботы. О Тоси часто приглашала их, и тогда они, как стая гусей, налетали на фазенду, и через считанные минуты на фазенде нельзя было найти хотя бы пылинку – она блестела, как стеклышко.

Как-то Дени сказал Царре:

– Как разна судьба планет Земля и Эльтусси.

– Как, впрочем, и судьбы людей. Таков закон вселенной, – сказал Царра.

Дени не стал больше продолжать этот разговор, лишь подумал: «Много знает ямщик, но правду не скажет, навьдумает кудрявые небылицы и уйдет от ответа».

Да, он успокоился на далекой планете. Мятежные вихри души ослабли до легких дуновений. Он принял планету Эльтусси как свое последнее кочевье. Знал, когда умрет, тело его отдадут океану, а сердце поместят в мраморную шкатулку и поставят на полке в черной пирамиде. За детей тоже не надо было беспокоиться. Их не могла поглотить никакая война, ни чума, ни холода или иная напасть – всего этого не было на этой планете. Да, он думал о матери своей – Земле, но с каждым годом все легче и легче для сердца. Он уже простился и с Землей, и с Солнечной системой.

Но однажды Царра смутил его.

Как-то вечером они сидели в пагоде. Царра курил, пуская кольцами дым, а Дени смотрел в густые заросли звезд. Каждый думал свои мысли.

– На днях лечу к Солнцу, – прервал молчание Царра.

– Сигары, что ли, закончились? – вяло съязвил Дени.

– Сигар еще предостаточно, но надо слетать. Если хочешь, полетим вместе.

– Я тебе говорил и повторяю: я больше не лечу никуда. Бог дал мне походить по трем планетам, под тремя звездами – по планете Земля, по планете Эльтусси, по планете Изиды. С меня достаточно. Все планеты и звезды не объедешь, их миллиарды. Да и алчность – штука нехорошая. Эльтусси – моя последняя пристань. Все. Вот Хаси подрастет, с ним и летай. Ему будет интересно. И что тебе все неймется, все не сидится на месте, вечно ты в разлетах! – сказал Дени.

– Должность такая. Ведь я ямщик: то одного подвезешь, то другого, – сказал Царра.

– И многих ты развез по Вселенной? – с ревнивыми нотками в голосе спросил Дени.

– Не считал, но многих, – ответил Царра.

– А я думал, что ты одного только меня завез к черту на кулички, – все с той же ревностью сказал Дени.

– Значит, по-твоему, Эльтусси – это чертовы кулички? – засмеялся Царра.

– К словам не придирайся.

– Есть вещи, друг Дени, которые и не снились вашим мужикам из Аргунского ущелья, – вздохнул Царра. – Другими словами, тайнами Вселенной можно перепрудить саму Вселенную.

– Понятно. Работал Царь, не ленился, – сказал Дени.

– А на этот раз меня приглашает... Вивасван, Владыка Солнца.

– Кто, кто? – насмешливо спросил Дени.

– Я же сказал – Вивасван, Владыка Солнца.

– И где его замок? Ведь у Владыки Солнца должен быть замок?

– Где же быть его замку? На Солнце его замок!

– Прямо в огне и стоит? – засмеялся Дени.

– Огонь бегаёт по крыше, а внутри Солнца волшебные царства.

– Ха-ха-ха! Таких сочинителей небылиц, как ты, думаю, во всей Галактике не больше одного, – сказал Дени. – Ну что ж, послушали сказки-салазки, пора и ужинать. О Тоси грозилась приготовить нечто головокружительное.

– Да и Пунитаки грозилась приготовить нечто пузокружительное, – сказал Царра.

– Так, где будем кружить головы и пуза?

– Ты у себя, я у себя, – сказал Царра.

Расставаясь у тропы, Царра многозначительно изрек:

– Думай о царстве Вивасвана.

– Ты эту сказку Расскажи своей лошади, она поддержит твои небылицы длинным ржанием.

– О, Фома неверующий, – засмеялся Царра. – Кстати, Вивасван приглашает и тебя.

– Ха-ха-ха! Не мастер ты искушать, грубо лепишь.

– Что делать, родился я на перепутье, плохо отесан, – парировал Царра.

«У-у-у, ямщик, ямщик», – думал Дени, направляясь к замку. Задели, сильно задели за сердце слова Царры, перевернули давно утоптаный в душе пласт.

После ужина он вышел из дома, прошелся до парка, походил вокруг баньяна и вернулся в дом. О Тоси была наверху. Прилег в кабинете на диван, слушал музыку с надеждой отцепить от сознания главную мысль, втертую Царрой, будто на Солнце, точнее, внутри Солнца, находятся величайшие царства. «Конечно, он врал, чтобы заманить меня в путешествие», – решил он, но тут же подумал и другое: «На такой дешевый трюк, на который способны сельские парни, вряд ли способен межзвездный ямщик. Но как поверить, что внутри Солнца величайшие царства? Разве это не дико? Не вранье космического размаха? Может, полететь все-таки, уличить ямщика во лжи и уже никогда никуда не лететь, дожить свои годы на Эльтусси. А если Царра говорит правду? О, тогда главная моя интеллектуальная мука, непостижная тайна – почему такая громада Солнце служит крошкам планетам? – будет разгадана».

Нет, душа ничего пока не решила. Он перестал думать, отдал свою душу музыке, а та на своих волшебных крыльях понесла ее в высокие светлые миры, в царство целебного света. И когда душа вернулась и обняла ум и сознание, написалась мысль: «Полечу с Царрой к Солнцу, выведу на чистую воду ямщика – сочинителя небылиц. Ну что ж, то в высшем свете решено, душа решила», – сказал он в сердце, встал и позвонил Нису, тот отозвался сразу.

– Ты свободен?

– Да.

– Тогда покружи меня над Атлантидой, хочу немножко рассеяться.

– Выходи, я как раз в воздухе.

На лестнице он встретил О Тоси.

– Я с Нисом полетаю, мысли развею.

– Может, и детей возьмешь?

– Нет, я один.

– Хорошо.

Шар Нисы уже сидел у парка, а сам он стоял рядом и широко улыбался Дени.

– Ты один?.... А Хаси, мой друг? – спросил Ниса.

– Сегодня я один, – ответил Дени.

Через минуту шар кружился над Атлантидой, иногда далеко забираясь в просторы океана, иногда близко облетая пирамиды. Да, душа решила: лететь к Солнцу с Царрой, но оставалась шерстинка сомнения, надо было заклеить ее. А лететь так не хотелось. Расставаться с детьми, с Хаси, которому было всего семь лет. Тихо сидя на одном месте, он мечтал увидеть Хаси юношей, скачущим быстрее птицы на Бунчуке. Да и лететь с центра Млечного пути к Солнцу триллионы, триллионы километров – это не в Москву поехать на поезде. И он уже знал, что и межзвездные корабли терпят крушение, а иногда их проглатывают черные дыры. «Реши, реши, душа!» – призвал он душу, а потом попросил Нису:

– Покружи вокруг черной пирамиды.

Тот оглянулся, ничего не сказал, подлетел к черной пирамиде и закружил шар вокруг нее. «Да-да, в ней хочу хранить свое сердце», – подумал Дени.

– Отвези меня домой, – попросил он Нису.

Шар сел у парка, Дени попрощался с Нисом, прошел в дом, поднялся к себе и позвонил Царре, тот сразу отозвался.

– Когда ты летишь к Солнцу? – спросил Дени.

– А-а, решил? – засмеялся тот.

– Почему ты так заключил?

– Тон выдает.

– Я могу и передумать.

– Сегодня передумаешь из-за принципа, завтра опять надумаешь.

– Почему ты так решил?

– Потому что сладкое яблоко – родное Солнце, да еще с такой начинкой.

– И сколько времени мы потратим на все это? – спросил Дени.

– Ну, это смотря, как будем ехать. Если проселочными дорогами, тундрами, болотами, это одно время. Если по трассе, это другое время. Да еще черные вдовы могут залечь на перепутье. Еще...

Тут Дени отключился от Царры, зная его привычку шутить на всех переправах. И, подняв кулаки вверх, произнес:

– У-у-у, связался я с тобой, ямщик-разбойник!

На следующий день в столовой, когда дети, отобедав, выбежали, Дени объявил О Тоси, что летит с Царрой к Солнцу. О Тоси вздрогнула, карие глаза ее потемнели, а рука, державшая стакан с напитком, так задрожала, что она в испуге выплеснула содержимое, быстро поставила стакан. В глазах О Тоси стоял страх и мольба взять слова обратно.

– Мы ненадолго, мы скоро вернемся, – заверил жену Дени. – И я никуда уже никогда не полечу.

Последним словам О Тоси поверила. Это было видно по выражению ее глаз.

– Но как это далеко? – спросила О Тоси, и губы ее задрожали.

– Этим путешествием я решу один вопрос, всю жизнь мучивший меня, и успокоюсь до конца своих дней, – вздохнул Дени.

О Тоси долго глядела в его глаза и тоже вздохнула. Он понял, что душа ее благословила его на этот полет.

Ночью он услышал звуки флейты, доносившиеся из парка, и вышел на балкон. Давно О Тоси не играла Луне на флейте. Какая печаль и какая мольба была в этих звуках. Да, О Тоси молила и Луну, и Вселенную, чтобы путь его к Солнцу и обратно был счастливым. Когда звуки флейты умолкли и О Тоси показалась под кроной баньяна, он вернулся в спальню и лег под одеяло. Через полчаса

встал и пошел в детскую. О Тоси лежала, крепко обняв Хаси. Он чувствовал, что она не спит, лишь только делает вид, Дени молча вернулся к себе.

Через два дня Пунитаки, О Тоси и дети провожали Царру и Дени. Шар, который должен был доставить их на межзвездный аэропорт, сидел наверху, в полуверсте от замка. От лимузина отказались и шли пешком. Было утро. Звезда Эстиаз улыбалась всему миру.

– Ты остаешься за главного на двух фазендах, – говорил Царра в шутку Хаси, ероша его хохолок, – смотри, не подведи.

У трапа шара, улыбаясь, стояла черноглазая девушка в сером платье, плотно прилегающем к ее стройной фигуре, и с красной розой в черных волосах. Это была пилот. Царра и Дени поцеловали детей, обняли женщин и шагнули к трапу. Шар поднимался медленно. Девушка-пилот, как дочь Эльтусси, была культурна и понятлива, она длила прощание. И Дени видел, как постепенно уменьшались фигуры, оставшиеся внизу.

Но вдруг шар мгновенно ушел в небо и минут через десять опустился у межзвездного корабля Царры.

– Я к себе, – сказал Дени, когда они вошли в корабль, и ушел в свою комнату, в которой уже трижды путешествовал от планеты Земля до Эльтусси, потом обратно на Землю и снова на Эльтусси. Теперь вот к Солнцу. Никакого желания лететь не было. Этого хочет Царра и, конечно, любопытство тоже есть. Но не было горящего желания. Он лежал уже на своей койке, закрыв глаза, и, закинув руки за голову, думал: «Царра говорит, что путешествие займет два месяца. Ох, какие ямщики во Вселенной: почти от центра галактики до Солнца и обратно – только два месяца. Что это за сила движет их? Может, я узнаю эту тайну на Солнце от его Владыки Вивасвана?» И тут, по неизъяснимой игре ума, он вспомнил один анекдот. Студент с геологической экспедицией прилетел в пустыню, все оглядывался, все ахал от бесконечности песков, а потом спросил: «А море далеко?» Ему назвали километры, которых было очень много. Тогда он всплеснул руками и вскричал: «Ничего себе, отгрохали пляж!»

«Да, да, ничего себе, отгрохали пляж! Ничего себе, отгрохали Вселенную! Ничего себе, отгрохали скорости», – твердил про себя Дени и не заметил, как уснул.

Разбудил его Царра.

– Великий воин, пора трапезничать, – приглашал тот, стоя у двери.

Дени сел, посмотрел на Царру, потом в иллюминатор. За бортом было темно.

– Тьма, – как-то вяло произнес Дени и встал.

– Летим со скоростью тьмы, а так как тьма рождает свет, то скорость тьмы больше скорости света. Впрочем, этот ликбез мы как-то с тобой проходили, – говорил Царра, идя впереди Дени в зал.

– Проходили. Но интересно, в километрах какова скорость тьмы в километрах?

– А черт его знает, у пилотов надо справиться. Может, миллионы километров в секунду, может, сотни миллионов километров, – ответил Царра.

В зале почти ничего не изменилось: тот же карликовый дуб с тусками, перелетающими с ветки на ветку, тот же стол, те же кресла, только на стене вместо предыдущего портрета Зизи теперь висел плакат со всеми обитателями двух фазенд, а впереди, на задних лапах, стоял Брунтаки с веселой и любопытствующей мордочкой. Обслуживала старая знакомая, она поздоровалась с Дени и спросила, какой напиток он предпочитает, и назвала знакомые ему напитки. Он сказал, женщина прошла в боковую комнату и скоро вернулась с большим полным стаканом на подносе.

Пужинали молча и удобнее устроились в креслах.

– С твоего разрешения, – сказал Царра, закуривая сигару.

– Может, в шахматы сразимся?

– Нет. И какой тебе интерес, я же плохо играю.

– От скуки.

– Даже от скуки нельзя дурака валять.
– Да ты не переживай, у Вивасвана тебе понравится, он отличный парень.
– И, если и вправду есть этот Вивасван, Владыка Солнца, и есть внутри Солнца роскошные царства, и, по большому счету, эта громада Солнце служило себе и своим царствам, а не крошкам планетам, бегающим вокруг него, то все равно Вивасван жесток. Это я и скажу ему, – сказал Дени.
– Понял тебя, он не утер слезы планеты Земля. И это ты вменишь ему в вину. За него не отвечаю, сам разберешься с ним, – сказал Царра.
Дени промолчал. Через минуту засмеялся.
– Смотри, ямщик, если ты меня дуришь, ох, смотри!
– Да не дурю я тебя, не дурю. И какой смысл? Заплесневел ты, стареешь, что ли?
– Ну что ж, Вивасван так Вивасван, – сказал Дени и встал.
– Ты куда?
– К себе. Буду слушать музыку небесных сфер. На крыльях музыки душа быстрее долетит до Солнца и до этого Владыки Солнца – Вивасвана.
– Ладно. Иди. О, если бы ты знал, какой страстный любитель лошадей Вивасван и какие у него кони! Тебе он приготовил черного Бунчука.
Дени засмеялся и прошептал: «У-у-у, ямщик, смотри, смотри у меня».

В один из дней зашел Царра к Дени.

– Пройдем к пилотам.

В пилотской прежняя картина: за пультом по бокам два биоробота, посередине старший пилот Дамири, всегда приветливый и обаятельный. Он оглянулся, когда Царра и Дени вошли, и хотел подняться навстречу, но Царра остановил его жестом. Впереди светилась крупная звезда.

– Солнце, – произнес Царра.

И сразу же напряжение в теле Дени усилилось, он видел родную звезду, которая вскормила его своим светом. Да, родную и любимую, чью главную тайну он всегда хотел узнать. Вдруг впереди появился крупный темный объект.

– Там... – встревоженно и предостерегающе кинул рукой Дени, не успевая подобрать слова.

– Это футляр, корабль сейчас войдет в него и полетит дальше, он защитит корабль от адского пламени мантии Солнца, – спокойно сказал Царра.

– А-а, – произнес, понимая, Дени и уже тихо наблюдал. Корабль приблизился к футляру, вошел в него, небо скрылось, остался только свет в пилотской. Царра по-прежнему стоял на своем месте и Дени рядом с ним. Дени иногда сбоку смотрел на лицо Царры, но на нем не было никаких волнений, оно было спокойно.

Вдруг все изменилось, темный футляр медленно сполз с корабля, а потом мелькнул и исчез. Дени захватила другая картина, наполнившая его радостью: на бесконечном просторе, точно бабочки, летали сияющие шары, свет был совсем другой – мягкий, бодрящий. Далеко внизу – горы с чудными извилинами ущелий и лентами белых водопадов.

– Смотри, это царство Вивасвана, Владыки Солнца. И это все внутри Солнца. Царство Вивасвана где-то шестьсот тысяч километров в диаметре, а наверху горит мантия Солнца, освещая всю солнечную систему. Впрочем, дальше все увидишь и узнаешь сам, Вивасван – отличный парень, – Царра тронул Дени за плечо, приглашая его следовать за собой.

Корабль сидел на вершине высочайшей горы, вид отсюда был волшебный: справа до самого горизонта толпа вершин, некоторые из которых переливались, словно алмазы, слева тоже до самого горизонта зеленые-зеленые равнины с сетью белоснежных рек. Дени набрал в полную грудь воздуха и стоял. Мечта всей его жизни исполнилась: он узнал тайну Солнца.

Впереди, на площадке, стояли два крошечных шара: один побольше, другой меньшего размера. Рядом с большим шаром находился мужчина – высокий

красавец в красной мантии и богато украшенном халате, с жгуче-черными глазами.

– Адъютант Вивасвана – Инзар, – представил его Царра, направляясь к шару.

Инзар только мельком взглянул на Царру и Дени и чуть наклонил голову, когда они проходили мимо него в шар. «Прошли мухи, ну и ладно», – подумал за Инзара Дени и ощутил обиду. Но все обиды казались мелочью перед этим необъятным фактом: он на Солнце, он в царстве Солнца. Шар, в котором сидели Царра и Дени, летел за шаром Инзара. Шары были прозрачные, даже кресла, в которых они сидели, были прозрачными, и те шары, что пролетали мимо или видны были вдалеке – тоже прозрачны. Все было сказочно и волшебным.

Шар совершил посадку на огромный полосованный гранитный козырек горы. Когда они вышли из шара, адъютант Вивасвана Инзар стоял в сторонке, а встречал их сам Вивасван. С ним не было никого, он был один. О, это воистину был Владыка Солнца, Великий царь.

Высокий, в красной мантии, в халате из тканей разных цветов, в оранжевых сапожках. Лицо величественное, широкий лоб, глаза жгучие и одновременно ласковые, цвет которых менялся, и трудно было сразу определить, какой цвет преобладает – черный, серый или голубой. Широкие брови и лицо без бороды и усов, нежное и поражающее этой нежностью при общей суровости и властности облика. В руках Вивасван не имел ничего.

– Приветствую, гости дорогие! – улыбнулся Вивасван, подняв руку.

Царра и Дени отдали ему поклон.

– У каждого монастыря свой устав. И в чужой монастырь со своим уставом не ходят, это вы знаете, – с улыбкой продолжал Вивасван. – Свой устав и в моем монастыре, то есть в моем царстве. А посему вот первый параграф: куцую одежду вашу надо сменить на что-то приличное.

Эти простые слова, как плетью, огрели Дени, но Царра был спокоен. И это удивило Дени, как и то, что тут же, неизвестно откуда, явилась скамейка, сложенные на ней две стопки одежды и две плетеные корзины. Царра спокойно сел, снял свой богатый пиджак, бросил его в корзину и стал дальше раздеваться. Дени последовал его примеру, но был в великом смущении.

– Тут могут смутить и самого черта, – пробурчал он про себя.

– На Солнце чертей нет, – спокойно сказал Вивасван.

Дени вздрогнул на эти слова.

– А слух, как у бобра, – тише тихого сказал Дени.

– И бобры тут не при чем, – тут же отреагировал Вивасван, парализовав от удивления Дени. – Да чего вы смущаетесь, переодевайтесь спокойно. Баб кругом ни одной. А мой адъютант Инзар вообще не смотрит на вас. Можете отжарить хоть гопака, хоть лезгинку в костюме Адама.

Нет, это была какая-то дикость или бесовский репертуар – можно было полететь с любых панталыг: Владыка Солнца говорил языком бригадира полеводческой бригады.

Царра тряся в тихом смехе и делал свое дело, то есть бросал в корзину, точно завшивевшее, великолепное европейское платье и облачался в новое.

Дени раздражал его смех, но делать было нечего, он, подражая ему, думал то же, что и он. Только однажды, не удержавшись, процедил: «Уу, ямщик!» Странно, но на эти слова Вивасван не отреагировал. Наконец, процедура переодевания завершилась.

– Во! Теперь вы грозные воины, можете рвать в клочья женские сердца, – воскликнул Вивасван, оглядывая их. Да, теперь они были в мантиях, в роскошных халатах, в оранжевых сапожках.

– Да, точно воины, – повторил Вивасван. – А чего нам не хватает, чтобы предстать перед царицей Солнца Сарасвати? Не хватает великих скакунов, – Вивасван взглянул на Инзара.

И тут же с правой стороны уже скакали кони: конь белый, конь красный и конь черный. Они доскакали до Вивасвана, заржали, поднялись на дыбы, опустили

копыта и застыли. Все они были заседланы и ждали седоков. Конечно, это были кони, но какие кони – чудо кони! Земному глазу трудно было поверить, что могут быть такие кони – с такими гривами, с такими изгибами шей, с такими стройными ногами и глазами горящими и почти женскими.

– Белый конь – мой конь, это само собой. Но я слышал, что ты любишь черный цвет, – сказал Вивасван Дени, показывая на черного коня.

– Да, – ответил Дени, который уже не мог оторвать свой взгляд от черного скакуна.

Когда он подошел к этому красавцу и тихо произнес «Бунчук», тот очень тихо заржал и мягкими бархатными губами перебрал его щеку. Это было невыразимое блаженство. И будь он с этим солнечным конем один, он бы заплакал.

Сели на лошадей. Тут подлетел прозрачный шар, все трое въехали в него, и шар устремился в небо. На Солнце у Вивасвана, страстного любителя лошадей и верховой езды, как позже узнал Дени, был порядок – большие расстояния покрывать в шарах, а короткие – верхом на лошадях. Видно, царство Сарасвати было недалеко, и потому летели на шаре. Через какое-то время шар опустился у дороги, с двух сторон окаймленной высокой шелковой травой. Выехали из шара и поскакали дальше. Это было чудо: скакать по царству Солнца на чудо-лошадях. Вивасван оглянулся и сказал:

– Если сзади не вьется пыль от лошадиных копыт, то верховая езда не дает наслаждения.

Дени тоже оглянулся и точно: сзади клубилась пыль и это, действительно, было великое наслаждение. Вдруг проселочная дорога оборвалась, дальше побежала ровная и гладкая, как натянутый ремень, дорога. Кони неслись, в ушах гукал воздух. Вот роща, один поворот, вот вторая роща, второй поворот.

Выскакали на небольшую гору, и взору предстал как бы парящий в воздухе ярко-красный шатер размером в приличное облако. Вивасван стал сдерживать своего коня, Дени и Царра тоже. Когда до шатра оставалось метров пятьдесят, придержали лошадей, спешились и пошли пешком. Их, разумеется, ждали. Из шатра вышла... уж лучше сказать пушкинскими словами: из шатра вышла Шамаханская царица, вся сияя, как заря... Одним словом, царица Сарасвати вышла навстречу гостям.

Чуть позади нее шли девушки, держа небольшие подносы в правых, поднятых к плечам руках. Дени и Царра и, разумеется, Вивасван, хоть и муж, но, как джентльмен, низко поклонились царице. Девушки подошли и протянули подносы с большими высокими бокалами. Ух, как этот напиток ударил волшебю в кровь – все в Дени как-то возвысилось. Он выпил бы еще целое ведро, будь он один с этим напитком где-нибудь на кухне.

Царица своими огромными глазами держала его цепко в плену и что-то сказала.

– Желание царицы, чтобы ты осмотрел ее царство и сказал ей свое мнение о нем, – сказал Вивасван.

В голову ему полезла земная тарабарщина поллитровых кавалеров, дескать, о Вашем царстве можно судить и не исследуя его, что оно прекрасно, как и Вы, и тому подобная чепуха, но спас Вивасван, чьи мозговые клетки не пустились в пляс после напитка, а сохранили трезвый разум. Он что-то сказал царице, а потом Дени:

– Отклоняемся царице и исполним ее желание.

Когда поскакали обратно и за горизонтом скрылся шатер Сарасвати, Вивасван придержал коня и сказал:

– Итак, друзья, дальше я скачу один, а вы смотрите царство царицы. Впрочем, на тысячи, тысячи километров одно и то же: коровы, коровы, коровы; злаки, злаки, злаки; и муравьи – пастухи коров. И, разумеется, прекрасные деревни и счастливый сельский люд. Все не объедете, да и незачем: как в одном месте, так и повсюду. Устроено женским умом чисто и правильно. Но ты, – обратился он к Дени, – в следующий раз скажи царице, что нет во Вселенной места лучше, чем

ее царство. В награду получишь огромный бокал сомы тысячелетней выдержки. Этот напиток убьет всю твою подкожную вошь и надолго помолодеешь. Кстати, людей старит и убивает подкожная вошь. Ну все, я поскакал. Все ваши нужды исполнит мой адъютант Инзар. Он всегда будет рядом. Он и теперь в своем шаре вон, на холме.

И белый конь Вивасвана птицей полетел по дороге. И как странно было видеть Владыку Солнца, скачущего на белом коне.

– Странный сон, – сказал Дени Царре, глядя вслед Вивасвану. – Я на Солнце, я в царстве Солнца.

– А ты не хотел посмотреть этот странный сон.

Дени пожал плечами.

– Какая загадка – жизнь!

– Творенье, сказал бы я, – заметил Царра.

– А знает эту загадку Вивасван?

– Нет, не знает. Вряд ли знает эту загадку и Урбини, Владыка Галактики. Один Творец Миров знает. Но кому он скажет? – вздохнул Царра.

– А мне так хочется отдохнуть, полежать вон на той шелковистой траве, – сказал Дени.

– Я сам хотел это тебе предложить. Шутка ли, такой путь и такие страсти за такое короткое время, – согласился Царра.

И они сошли с лошадей, прошли к небольшому холму и легли на траву, вытянувшись во весь рост. Там, на небе, как орлы, летали светящиеся объекты, дул легкий свежий ветерок с зеленой долины.

– Слушай, а нельзя добыть этот напиток, которым угостила нас Сарасвати? Тонну выпил бы, – сказал Дени.

– Тонну ты вместе с Бунчуком не одолеешь. А по одному кувшинчику на брата постараемся добыть.

Дени не знал, как исполнит обещанное Царра, но по тону понял, что будет так, как он сказал. Все-таки «ямщик» имел непонятную для него власть и в этом царстве.

Через некоторое время Инзар расстелил перед ними небольшую зеленую скатерть, поставил два небольших кувшина и корзинку с красными яблоками.

– Ты, это, дюже не налегай, – сказал Царра.

– А как? По одной капле в четверть часа? О, нет! Как пузо решит, так и будет, – ответил Дени и с жадностью начал выпивать из кувшина. Все до доньшка выпил – не удержался.

– О, требуховцы! Всегда нарушаете меру вещей, – сказал Царра.

– Ты храни эту меру и пей, как велит тебе твоя печенка. Я же ориентируюсь по пузу, – сдавливая в груди смех, парировал Дени. Затем с хрустом, как лошадь, загрыз насмерть два больших яблока, допил оставшийся сок, поставил кувшин на землю, вытянулся с великим наслаждением в теле.

– Посмотрим теперь, какие сны мне нарисует Владыка Солнца Вивасван или его послушная челядь, – сонно сказал Дени. Но тут издалеча прилетел к слуху петушинный крик.

– Ха-ха! Люди! На Солнце кукарекают петухи! Фантастика! Клянусь вам копытами Бунчука, друзья мои, на Солнце кукарекают петухи! – почти неслышно проговорил он и тут же уснул сном ребенка.

Когда проснулся, он увидел, что там, высоко-высоко в небе, плавали светящиеся огоньки, а землю обнимали прозрачные сумерки. В пяти шагах от себя он увидел большую красную корову и рядом с ней огромного муравья. Он вспомнил иронический отзыв Вивасвана о царстве его жены: коровы, коровы, коровы и муравьи – пастухи коров. Да вот она корова и пастух ее – муравей.

Он вспомнил легендарную силу муравья: легко тащит на себе сорок своих весов. «Если этот, который с доброго телка также поднимает сорок своих весов, как его земной сородич, то моя нога для него травинка», – подумал он и медленно, боясь вызвать шорохи, подтянул ноги и тихо позвал Царру.

– Не робей – воробей, – засмеялся тот. – Пока медальон от Вивасвана на твоей шее, он тебе не опасен, он твой друг.

– Да я не боюсь, – холодно отозвался Дени, задетый за живое.

– Ты, конечно, не трус, но признайся как на духу, продрал тебя мороз по коже, когда спросенок увидел рядом с собой этого мушкетера? – засмеялся Царра.

«Ну все, будет теперь мусолить. Ямщику только дай повод», – огрызнулся про себя Дени, а вслух произнес:

– У меня мысль поездить одному по царству Сарасвати.

– Это хорошая мысль. А я в это время отдохну в царстве марсианок.

– Каких еще марсианок?

– Самых обыкновенных. Когда гибла цивилизация на Марсе, Вивасван спас треть обитателей ее. И они с тех пор живут на Солнце, в своем царстве. И скажу тебе по секрету, не видел я прелестнее женщин, чем марсианки.

«Ох, ямщик, как умеешь ты сладко заливать», – подумал Дени, но, чтобы подтрунить, спросил:

– А Пунитаки знает, что ты в плену у марсианок?

– Ха! – воскликнул Царра. – Знает? На сковородке изжарила бы.

– И я бы ей помогал.

– Не спеши судить, пока не увидишь марсианок.

– Так договорились, я один качу по царству Сарасвати?

– Пожалуйста, ты будешь всегда в поле зрения Инзара.

Инзар принес на скатерть два кувшина с напитком и продолговатые длинные пироги. Муравей со своей подопечной коровой ушел вниз в лощину.

Дени поскакал туда, откуда ночью доносился петушиный крик. Он видел повсюду пасущихся коров и рядом с ними муравьев чудовищных размеров. За третьим поворотом дороги он увидел городок, такой аккуратный, как будто он был нарисован. И оттуда навстречу ему неслась стая белых и черных собак. Но лай их не был злобным, а радостным.

Летучая мысль отметила, что строением тел они были похожи на лаек – северных собак планеты Земля.

Когда он подъехал к городку, к нему навстречу высыпал народ – стройные юноши, девушки – черноглазые, сероглазые, голубоглазые сельские красавицы. На всех лицах была радость. «Неужели Инзар не оповестил их обо мне?» – пролетела мысль. Его буквально сняли с коня и повели под огромный зонт, под которым стоял круглый стол, и усадили в плетеное кресло.

Девушки говорили хором, перебивая друг дружку, показывали на небо. Он ничего не понимал, а только согласно кивал в ответ. Парни молча, с улыбкой, смотрели на него и ни словом не беспокоили. Одна черноглазая красавица и хохотунья принесла ему большой бокал с напитком, вторая красное яблоко. Он выпил содержимое бокала. Это был напиток сома. Видимо, на Солнце этот божественный напиток был вроде кваса на Земле. Еще чем-то вкуснейшим кормили его. Потом девушки устроили вокруг него хоровод и спели. О, как пели! О, как пели! Пели так, что одно было желание – умереть! Чтобы последними звуками жизни были звуки этой песни! Пока девушки занимали Дени, парни в стороне расседлали и искупали Бунчука, протерли и высушили его белыми полотенцами, напоили и накормили.

Он встал и показал, что ему надо ехать, его никто не задерживал. И, когда он сел на коня, он увидел двух мальчишек. Оба широко улыбались и согласно закивали головами. Девушки пели прощальную, как понял Дени, песню и махали руками. Дети и собаки бежали сзади, два мальчика, приглашенные на ристалище, ехали рядом.

Дени сделал знак мальчишкам и с места пустил Бунчука в галоп. Казалось, что ничто быстрее Бунчука бежать не может, и муравьи должны были сразу безнадежно отстать. Но не тут-то было: муравьи не отставали и на метр. Мальчишки улыбались Дени и, показывая большие пальцы, хвалили Бунчука за резвость. Они протягивали между усов муравьев длинные тонкие шесты,

видимо, они так управляли своими необычными скакунами. И Дени вдруг понял, что они легко могли обогнать его, но не делали этого из уважения к нему. Скорость Бунчука была бешеная, по прижатым ушам было видно, что он недоволен муравьями и всеми силами хочет уйти от них. Но у него ничего не получилось – эти мушкетеры были сильны и резвы. Вдруг мальчишки подняли свои шесты и замедлили бег своих скакунов. Они махали на прощанье руками, а Дени поскакал дальше.

Много дорог проскакал Дени, много деревень, где ему радовались, где его лелеяли и веселили, много видел прекрасной и могучей жизни царства Сарасвати: стада слонов, стада антилоп, миллионы прекрасных птиц и, само собой, этих тучных коров и их помощников муравьев. Часто купался под водопадами, рядом с которыми были домики со всем необходимым. Он готов был продолжать это путешествие – что-то чистое, светлое, детское, давно забытое было во всем этом. Но однажды, переночевав в домике у водопада, под утро он вышел под небо, прямо над ним висел прозрачный шар и в нем были Вивасван и Царра.

– Совсем отбился парень от рук, – засмеялся Вивасван. – Ты что, поднялся в небо до звезды Эстиаз, а потом пробился в мое царство, чтобы зачехнуть в деревьях моей супруги? Давай, займи свое место.

Дени бросился назад в комнату, оделся, выскочил, заседлал Бунчука, въехал в шар и занял свое место по левую сторону от Вивасвана. И тут понял, что ему стало надоедать это однообразное скаканье.

– Не забыл, какой комплимент ты должен отгрохать царице в адрес ее царства? – спросил Вивасван.

– Нет, не забыл.

– Смотри.

Через минуту шар уже сидел в ста шагах от шатра Сарасвати. Они втроем вошли в шатер. Сарасвати сидела, как луна среди звезд, среди своих девушек. Дени низко поклонился ей и сказал:

– Великая царица, я ездил по Вашему царству... По Вашему волшебному царству, – исправился Дени. – И я убежден, что во Вселенной не может быть царства прекраснее Вашего...

Когда слова Дени перевели царице, эта чудо-женщина засияла высшим светом. А одна из девушек поднесла Дени бокал. Он жадно выпил и почувствовал необыкновенную легкость в теле, как будто он вернулся в босоное детство. «Сома тысячелетней выдержки и во мне погибла вся подкожная вошь», – подумал он, вспомнив слова Вивасвана.

Когда попрощались с царицей и летели в шаре, Вивасван покачал головой и сказал:

– О Владыка Синея Бездны, что может сотворить с женщиной один комплимент, сказанный искренне. Ты это сказал таким голосом, с таким чистым сердцем, что даже я целых пять минут верил, что царство коров и муравьев может быть самым прекрасным во Вселенной. Молодец! Врал, но как врал, какие были интонации. А Сарасвати! Что с ней случилось, как расцвела под твоим комплиментом. Я даже подумал: она ли это, не подмени ли? Я свою супругу знаю тысячу лет, а в этот момент запутался. Молодец! Врал, но врал мастерски.

– Я не врал, я говорил искренне! – почти возмутился Дени.

– Хорошо, хорошо, не будем спорить. Зато теперь у тебя погибла вся подкожная вошь. Ты выпил сому тысячелетней выдержки. Долго будешь молодым. Ну а теперь я покажу тебе свое царство, более интересное, чем царство коров и муравьев, – сказал Вивасван.

Шар прилетел на широкий козырек горы, не тот, на котором Владыка Солнца принимал в первый раз гостей. Эта была другая плита, и на ней в центре стояло два телескопа и кресла.

– Иди, садись в кресло и смотри, – пригласил Вивасван.

Дени подошел, сел в кресло и стал смотреть в небо. Вивасван уселся в соседнее кресло и тоже стал смотреть в телескоп.

– Что видишь? – спросил Вивасван.

– Разное вижу, шары и так далее, – ответил Дени.

– Шары и так далее, – передразнил Вивасван. – Звезду видишь?

– Вижу.

– А вокруг звезды что видишь?

– Летают какие-то шары.

– Ха-ха, какие-то шары, – снова передразнил Вивасван. – Уважаемый профессор, ты видишь маленькое Солнце, а вокруг него летают планеты: Юпитер, Марс, Земля, Венера и прочие. Это внутренняя система внешней солнечной системы, так сказать, макет ее. Эта внутренняя система и задает весь ход и режим внешней системе. Малейший сбой во внутренней системе мгновенно отразится и на внешней системе. Вот взорви Юпитер, этот внутренний, который ты видишь, и взорвется тот, внешний; сломай кольцо внутреннего Сатурна, и сломается кольцо внешнего Сатурна. Одним словом, система, которую ты видишь – душа внешней системы: что случится с ней, случится и с той. Ты очень хотел знать тайну Солнца. Считал, что великая громада Солнца служит крошкам планетам, и считал этот парадокс неправильным. Как видишь, парадокса нет, Солнце служит и себе, и другим. Смотри, смотри, я тебе пока не буду мешать.

Вивасван поднялся с кресла и отошел. Трудно было сказать, сколько Дени с величайшим любопытством созерцал на небе Солнца точную копию внешней Солнечной системы. Но за эти минуты или часы в нем совершился глубочайший внутренний переворот. И это был второй духовный переворот – первый был, когда корабль Царры одел футляр и прорвался во внутрь Солнца. Но в том первом духовном перевороте была наивная детская радость. А теперь пришла и печаль, и эту печаль он еще не понимал.

Вивасван пригласил его следовать за ним и привел в необъятный зал, на противоположной стене которого на экране кипело Солнце – оно как будто варилось в плазменном море.

– Вот оно, – протянул руку к экрану Вивасван, – устроено очень просто. Очень просто, – повторил он. – Тысячелетия назад земляне считали Солнце раскаленным камнем, болванкой, плавающей по небу, влача за собой планеты. Потом, по сей день, ядерным котлом, который как-то сам себя устроил. А на самом деле Солнце – необычная печь, в которой царствует великое царство, и Солнце дает свет и жизнь своим внешним планетам.

А знаешь, как устроена эта печь? На правом боку у нее шестнадцать ядерных котлов и на левом столько же. Видишь, куда бегут плазменные волны? От котлов, разложенных по бокам, они бегут навстречу друг другу, встречаются посередине, схлестываются и поднимаются, затем поднимаются волны или так называемые «протуберанцы» на сотни тысяч километров. Но люди на Земле думают, что Солнце использует свой материал, свое топливо, и этого топлива хватит на несколько миллиардов лет, а потом оно умрет. Дорогой Дени (Вивасван в первый раз обратился к нему по имени), вот это и есть главная ошибка – своего топлива Солнцу хватило бы где-то на 50 миллионов лет. Со стороны берет Солнце главное топливо. Оно берет его из пространства, из нейтронного моря пространства. Пространство, выворачиваясь наизнанку в ядерных котлах, превращается в плазму. А магнитные поля гонят ее куда надо. Я думаю, что ты понял принцип.

– Да, понял, – сказал Дени, который не только понял принцип, но и разочаровался, как путник, который, дойдя до цели, не нашел ничего таинственного и «сложного», ничего такого, что он рисовал в своем воображении. Он невольно вздохнул. Вивасван засмеялся, он понял, почему вздохнул Дени.

– Пойдем на другое крыло, – пригласил его Вивасван.

На другом крыле стоял круглый стол с напитками и яствами.

– Не все вопросы твоего духа я удовлетворил, впрочем, все и не удовлетворишь, но кое-что добавлю, – сказал Вивасван, – ведь ты так хочешь знать, как сотворилась Вселенная. Там у вас на Земле говорят, что была некая сверхплотная точка, сверхплотный атом, он взорвался и пошло-поехало, и сотворились звезды, галактики и так далее. Это детский миф. А было все по-другому. Владыка Синей Бездны родил свет, родил роскошный светопад. И миллиарды лет лился свет в трехмерное пространство. Свет старел, мутнел, превращался в газ, пыль, под действием гравитации собирался в объекты – так сотворилась Вселенная.

– И на всех звездах внутренние царства? – спросил Дени.

– Нет, не на всех. На Эстиазе, например, нет внутреннего царства. Эстиаз – звезда, которая ходит по шву двух параллельных миров и у нее, как тебе уже известно, всего лишь одна планета – Эльтусси. Эстиаз – счастливая, легкая звезда.

– И Эльтусси – легкая счастливая планета, – сказал Дени.

– Владыка Синей бездны творил просто, не мудрствуя лукаво, ничего не взрывал, никакой историей не занимался. Родил свет, светопад, потом родил ангелов, чтобы все приводить в гармонию. А миф о первом взрыве – детский миф, детский миф и то, что ничто во Вселенной не может двигаться быстрее света. Как могла бы Вселенная собраться в такую гармонию и держаться в этой гармонии, если бы ничего во Вселенной не двигалось быстрее света? Любое движение находится во власти более высшего движения. Кабы не так, то и не было бы никакого движения, и над всеми движениями властвует воля Владыки Синей Бездны. Она мгновенна. Кстати, скорость света в разных частях Вселенной неодинакова. Впрочем, с первого набега не пытайся добыть все тайны Вселенной.

– Мне достаточно и тех тайн, которые я получил, – сказал Дени и точно был уверен, во всяком случае в эту минуту, что не желает больше никаких тайн.

– Ну тогда я на работу, – поднялся Вивасван. – А где наш друг Царра?

Вивасван посмотрел на стоящего в стороне Инзара.

– А, понял, он у марсианок. Великий ловелас. Инзар тебя проводит к нему.

– Нет, я хотел бы, если это возможно, заночевать на роскошном холме один и чтобы рядом пасса Бунчук. Думать свои думы и слушать пофыркивание Бунчука.

– Пожалуйста, все устроит Инзар, – сказал Вивасван. Тут же появился его белый конь и шар. Он сел на коня, въехал в шар и мгновенно растаял в небе.

Дени выпил еще бокала два напитка сомы, съел пирог и встал. Бунчук прискакал через несколько секунд. Он поднялся в седло, въехал в шар Инзара и через минуту оказался на красивом холме, на котором уже стоял гамак и рядом с ним столик с кувшином. Инзар расседлал Бунчука, что-то сказал ему, седло положил у изголовья Дени и исчез.

С каким наслаждением он растянулся на гамаке, сняв верхний халат и положив его на седло. Он видел прекрасное внутреннее небо Солнца, видел мини-Солнечную систему, которая управляла внешней Солнечной системой, множество блестящих шаров, как майские жуки, чертящие небо, слышал шум далекого водопада, хрумканье пасущегося Бунчука, и пьянящий волшебный аромат травы наполнял ему грудь. Нет, ничего больше он не желал – никаких тайн. Пусть и еще были тайны у Владыки Солнца, у Владыки Галактики Урбини, у Владыки Синей Бездны – он отказывается от них. Он видел миллионы коров в царстве Солнца, миллионы гигантских муравьев, ухаживающих за ними, слышал петухов, кукарекающих на Солнце, чистых мужчин и женщин, счастливых детей. Он вздохнул. «Что мне еще надо?» – спросил он себя и ответил: «Ничего». Да какая теперь была разница – скорость света триста километров в секунду или миллион километров, смотря, где он бежит, в каких краях Вселенной. Все разрешилось, муки дум многих лет, что звезды не горящие болванки и не кучи материи, случайно собравшиеся, а объекты,

заботливо построенные и управляемые заботливым Владыкой. На душе был покой и цвела одна мечта: домой, домой, домой.

Он все лежал, закинув руки за голову и все думал новые радостные мысли, когда к нему подошел Бунчук, протянул к его лицу свои мягкие губы и шумно вздохнул. Дени обнял его за шею, а потом стал гладить.

Бунчук не отвел свои губы от его лица. Дени понял, что тот хочет, чтобы он поцеловал его. И он поцеловал его в лоб. Бунчук издал чуть слышные звуки ржания и отошел. «Он что-то знает о человеке. Да и понятно, ведь он конь царства Солнца», – подумал он. И только так подумал, но тут же вздрогнул: он услышал знакомый голос Даймона и засмеялся нехорошим смехом.

– Понятно, ты немножко раздражен моим поведением. Как-никак я тогда простился навсегда. Но жизнь... но жизнь... но муки духа... Ах, эта жажда последних или, точнее сказать, первых концов бытия. Как не знаешь, что движет звездами, так не знаешь, что движет сердцем. Впрочем, теперь, что движет звездами, в общих чертах я понял. Вивасван – талантливый рассказчик. Но сердце! О сердце! Это другое дело, другой объект! Сокращаю вступление. Вдруг я понял, бродяжничая по новому Грозному и созерцая три высоты, заглядывающие в Аргунское ущелье, что прилетит Царра на Майдан Предков за скипетром, который послал в дар твоему отцу Ташкбатуру фараон Тутмоз. И я бросился к Майдану. Много дней ждал, но наконец дождался, прилетел великий путешественник, взял скипетр из-под плиты. И тут у меня мысль: я вспомнил твои мечты о Солнце и я подумал: «Нет, Царра удовлетворит мечту Дени, покажет ему Солнце, его тайну». Тут я бросился за ним в корабль и затих. Я всегда был в его корабле, ждал своего часа, то есть нашего часа, и вот я здесь. Но это мое последнее кочевье, клянусь Вивасваном – Владыкой Солнца! Эх, какой парень! А сейчас я из царства марсианок. Вот это, брат, женщины! О марсианки! Что Дульсинея, О Тоси, Пунитаки, Анси Ра в сравнении с ними! Извини, просто сонливые куры среди прекрасных голубей! Я остаюсь на Солнце. Я никуда ни шагу больше... Повторяю, это мое последнее кочевье. Какое блаженство – созерцание марсианок! А богиня Сарасвати! При виде ее хочется плакать, плакать и плакать счастливыми слезами. Вселюсь в одну марсианку, и пусть она меня родит во плоти.

– Царра, значит, у марсианок? – прервал его Дени.

– А где же ему быть, великому ловеласу? – засмеялся Даймон. – Лежит на золотом гамаке, а вокруг хороводят марсианки. То одна поднесет ковш с напитком, то другая. Скажу правду: его стол не так скуден, как твой. И лежит он не на голом холме, как ты, а в роще, у серебряного фонтана.

– Расписывай дальше, – сказал Дени и неестественно засмеялся.

– Я от себя ничего не прибавил.

– А кто меня проводит к этому ловеласу? – загорелся Дени.

На эти его слова заржал Бунчук – сразу явился Инзар. Он мгновенно заседлал Бунчука, и шар тут же подлетел. Дени въехал в шар.

Мелькали горы, реки, озера и наконец шар сел на невысокий плоский холм. Внизу красовался сказочный крохотный городок, Дени увидел Царру. Он точно лежал на гамаке. В одной руке он держал сигару, в другой бокал, вокруг него хороводили женщины – чудо-красавицы. Играли флейтистки.

– Видела бы Пунитаки своего мужа-пуританина, – сказал Даймон.

Дени долго смотрел на эту картину и захохотал.

– Эй, богдыхан, где душа твоя теперь? – крикнул он.

Царра встрепенулся на голос, поглядел вверх и стал манить рукой. Дени по крутой тропе проскакал вниз и соскочил с коня у рощи. Женщины и девушки бросились к нему: одна с корзиной с полными лепестками роз, часто запуская руку в корзину, бросала вверх лепестки над его головой. Флейтистки усилили звуки, а девушки хоровод.

– Ну, брат, согласись, чудо-девушки. А какие они пекут пироги и рыбные котлеты и какие в их царстве ягоды и фрукты! Да ты не стесняйся, выбрось

из головы все сухие абстракции, сушащие души, и наслаждайся истинной гармонией жизни, – смеялся Царра, подавшись на локти.

Как это получилось, Дени не заметил, он бросил куда-то свой верхний роскошный халат и влетел в хоровод. «Нет, все-таки, прав ямщик и Гете: суха теория, мой брат, а древо жизни пышно зеленеет», – пролетело у него в голове, и после этой строчки он ни о чем не думал, а только созерцал гармонию, о которой мучительно мечтают земляне. В марсианском царстве были не только чудо-женщины, но и чудо-мужчины, чудо-цветы и чудо-деревья и фонтаны, но тут было то, чего, очевидно, не было нигде: любящие друг друга души, для которых не быть причиной страдания других – психологическая норма. Наконец, угасло веселье, народ разошелся, Царра и Дени остались одни.

– Утром проскачем несколько городков царства марсианок. Во всех городках что-то новое, целебное для души. Вивасван устроил рай на Солнце марсианам. Скорее всего, в нем работает чувство вины.

– Какой вины? – с некоторым удивлением спросил Дени.

– Это так, мысль, полного убеждения нет. Что-то не то было сделано во внутренней системе, допущен какой-то промах. И цивилизация на высшем Марсе погибла. Многих спас Вивасван, поднял на Солнце. Вот для них и устроил он это прибежище. Может, это и не так, и нет вины Вивасвана. Но мысль такая у меня и раньше, и теперь трепещет где-то там, в глубине сознания.

Утром, когда собрались ехать, неожиданно появился Вивасван. На этот раз он был в широкополой шляпе.

– Принимайте воина в компанию, – громко сказал он, осаживая своего белого скакуна.

Царра и Дени сели на лошадей, и все трое иноходью поскакали по дороге мимо садов и небольшой речки, бегущей у самой дороги.

– Ну как, понравилось тебе царство марсиан? – спросил Вивасван у Дени.

– Очень! – ответил тот.

– Много труда вложил я в это царство, много хлопот, но наконец, как видишь, достиг нормальных результатов.

– Да что там говорить, царство волшебное!

– А знаешь, какая самая неугасимая мечта у марсиан?

– Скажи.

– Переселиться на Марс, на тот, откуда они родом.

– Не может быть, – удивился Дени.

– Клятву не требуй, говорю тебе правду.

– Поразительно. Отказаться от такого места и переселиться туда, быть может, к новой трагедии. В этой мечте есть что-то мистическое.

– Наверное, сладостно видеть над головой настоящее звездное небо, опасное и загадочное.

– Может быть, может быть, – сказал Дени, мысленно прикладывая эту мечту к своему сердцу. – Но ведь это неосуществимо.

– Но я работаю над этим проектом восстановления цивилизации на Марсе. И вообще, чтобы Солнечная система впредь работала безопасно и целебно для человека, зажечь звездой Юпитер, а свет Солнца уменьшить вдвое. Скорее всего, я и команда Урбани пойдем этим путем. И тогда уже легко будет восстановить цивилизацию Марса.

«Он говорит об этом, как бригадир полеводческой бригады о картофельном поле. Да, у каждого свой масштаб», – подумал Дени.

– Ты молчишь и что-то не хвалишь мой проект, – спросил Вивасван.

Дени громко, заразительно засмеялся. Засмеялся и Вивасван. Он понял смех Дени.

– Голова трещит по швам, мыслил над одной проблемой, так и не разрешил ее. Пустим вскачь лошадей, освежим головы утренней свежестью, – сказал Вивасван и выпустил своего коня. Царра и Дени последовали его примеру.

«Да не болит у тебя голова, парень. Это ты так, чтобы соткать нейтральную речь, для разрядки. Однако, молодец, парень. Истинно великим свойственна

простота. Великие объемлют все от болота до звезды», – думал Дени под яростную дробь двенадцати копыт.

Подлетел шар, они въехали в него, и шар устремился в небо. Он завис вблизи внутренней Солнечной системы. Дени четко видел все планеты – и Юпитер, и Сатурн, и Марс....

– А можно, вот на внутреннюю планету Земли так воздействовать, чтобы на внешней планете Земли.....

– Начали расти булки на деревьях? – не дал закончить Дени Вивасван и засмеялся. Засмеялся и Дени, но смех его не был веселым.

– Ну, хотя бы, – сказал он.

– Эта внутренняя система контролирует только движение высших планет по их орбитам и ничего другого. Воздействуя, например, на внутренний Юпитер, можно взорвать или прогнать с орбиты внешний Юпитер. Это, пожалуйста. А заставить деревья плодиться булочками и пирогами – это никак невозможно.

– Понятно, – как-то грустно согласился Дени. – А вот кольца Сатурна, они какую роль выполняют?

– С первого набега на Солнце хочешь узнать все ее тайны, – засмеялся Вивасван. – Но так не бывает. Повтори свои набеги девятьсот раз.

На эти слова Вивасвана длинно заржал Бунчук.

– Вот видишь, Бунчук готов возить тебя, сколько бы ты ни совершил набегов на Солнце.

Бунчук снова длинно заржал. Дени засмеялся, нагнулся и поцеловал коня в шею.

– А теперь я покажу тебе, как работают печи, то есть ядерные реакторы Солнца, – сказал Вивасван.

Шар мгновенно ушел вправо, и через десять минут остановился перед необъятной и прозрачной ширмой. Там, за ширмой, бушевал океан огня, то есть плазмы.

– Вот печи Солнца, и печи эти топятся пространством, по-другому праматерией. Она выворачивается наизнанку и превращается в плазму и свет. Не собственные дрова жжет Солнце, своих дров ненадолго хватило бы ему. Все берется из бездны, почти все.

В это время слева от шара подлетел огромный объект. В ширме образовались ворота, и объект, как самосвал в запруживаемую реку, ссыпал за эти ворота обломки скал, камни и разную породу. Дени посмотрел на Вивасвана вопросительно.

– Щепки же подкладывают под дрова, чтобы разжечь их, – сказал он.

– Но ведь в Солнечной системе не останется ни камней, ни астероидов, если их, как щепки, подбрасывать в ядерные котлы, – возразил Дени.

– Да я из своей системы не беру и килограмма породы. И кометы, и астероиды, и прочий материал мне нужны самому. Еще нужно сызнова вылепить планету Фэзтон, кое-что добавить Марсу, спутники разные вылепить. Свои дровишки я берегу.

– Тогда откуда все это, у соседей воруюсь?

– Нет, у соседей не ворую, беру из нейтральных миров.

– А-а.

И поразительно, после этой картины так мучившая его тайна Солнца и звезд стала прозаичной и неинтересной. «Все оказывается было просто, а сколько мучительных дум я передумал, требуя от неба этой тайны». Он глубоко вздохнул, совсем не ощущая, что он вздыхает. Бунчук заржал, и Вивасван засмеялся.

– Что смотреть на огонь, посмотрим другое. Мне есть, что тебе показать, – сказал Вивасван.

И точно, у Вивасвана, Владыки Солнца, было что показать: безбрежные океаны, плавающие города, города на дне океанов, города вдоль высочайших гор, да такие прекрасные, как будто их рисовали великие художники. А главное, люди – чистые, сияющие радостью. Земной народ назвал бы их ангелами. Возможно, они и были ангелами, иногда посещающими Землю, чтобы

явить себя святым и пророкам, кто знает. Видно было, что хлеб насущный они добывают не в поте лица, как земное человечество, а в радости. Какие праздники они устраивали, какие гулянья, какие ставили спектакли, какие проводили спортивные соревнования. На всю жизнь Дени поразил хор. Десятки тысяч мужчин и женщин – женщины в длинных белых платьях, мужчины в багровых мантиях – стояли на высоких холмах и пели, заполняя голосами весь бесконечный купол Солнца, а Вивасван, Царра и Дени стояли верхами в шаре, висевшем в небе, и слушали. И когда Дени случайно сбоку поглядел на лицо Вивасвана, его поразило сияющее на этом лице вдохновение. Его сердце пело вместе с этими мужчинами и женщинами для Творца миров, и он вряд ли помнил, что он Владыка Солнца.

И еще одно удивляло Дени: куда бы ни приехали, дети, а их было много, старались прикоснуться к нему. «Очевидно, они знают, что я не из их царства», – думал он в эти минуты.

– Так чье царство роскошнее – мое или царицы Сарасвати? – ревниво спросил Вивасван.

– Но в твоём царстве нет муравьев, пасущих коров, – смеясь ответил Дени.

– Зато у меня небесные кони, миллионы коней! И лихие наездники и наездницы, – парировал Вивасван.

И точно, кони были небесные, и юноши, и девушки, скачущие, соревнуясь на них, были ангелоподобны.

Да, в царстве Вивасвана, Владыки Солнца, умели и работать, и отдыхать. И, наверное, потому что в его царстве человек человеку был не волк, а брат. И люди его царства давно, на уровне инстинкта, знали, что нельзя делать другому того, чего не пожелаешь себе.

Прилетели на один козырек, выступающий из горы. Вдали вдоль стены стояли огромные чаши с цветами, ближе к пропасти – стол, кресла. И еще чуть поодаль стоял идол-урод, рядом с ним стол, а на столе булава с зубьями. Этот аксессуар очень удивил Дени. Он подошел к идолу-уроду, потрогал булаву, ничего не сказал, вернулся к креслу и сел.

– Ну как мое царство? – спросил Вивасван, с улыбкой глядя на Дени.

– Слов нет, прекрасно твое царство, никто не болеет, никто не плачет, никто не голодает. Хлеб насущный добывают не в поте лица. А на Земле всю льются и льются слезы людские.

– И детские слезы тоже, – как-то грустно сказал Вивасван.

– Да, и детские слезы, – согласился Дени.

Наступило долгое молчание. Вивасван выпил один стакан напитка, потом второй, потом третий, прекрасные глаза его потемнели, приняли цвет омота. Он смотрел вдаль и молчал.

– Знал я, что ты заведешь эту музыку, – вскричал Вивасван так, что Дени удивился.

Он подскочил к столу, взял булаву и яростно опустил ее на голову идола-урога. Булава впилась в голову идола до корней зубов. Инзар подскочил, оторвал булаву от головы идола и положил на стол. А Вивасван ходил в волнении.

– Знал! Все знал! И мысли твои знаю: вот царство Солнца великолепно устроено, а на Земле море страданий, льются и льются слезы людские. А главное, слезы детей. А кто виноват? По твоей мысли, конечно, я или Урбини, Владыка Галактики, или Владыка Синей Бездны. Ну а вы ни при чем! Невинны! Без вины виноватые! Утрите наши слезы! Дайте хлеба, хлеба, хлеба! Лучше сдобные булочки, манной каши и перепелов жареных. – Вивасван подскочил к столу, схватил булаву и яростно опустил ее на голову идола. – Перепелов жареных им! – вскричал он.

– Планету подарили им, полную всякого добра. Да, подарили. Они не платят ни за газ, ни за электричество, ни за воду. Да ни за что. Только попросили: живите, размножайтесь, но всегда помните, что вы братья, любите друг друга, не убивайте друг друга, будьте выше зверей. И что?! Двое не поделили огромную

планету. Один брат пырнул под дых другому брату нож, Каин пырнул под дых Авелю нож. Когда размножились, продолжили и продолжают точить ножи друг на друга. Ха! Ха! Ха!

Вивасван схватил булаву и яростно опустил ее на голову идола. Инзар подскочил, вырвал булаву и положил на стол.

– Сколько пророков послал к ним Владыка Синей Бездны, призывая быть людьми. И что? Влетело в одно ухо, в другое вылетело. И все то же и то же у них. Жареных перепелов им! – вскричал Вивасван, схватил булаву и яростно опустил на голову идолу. Инзар вернул булаву на место.

И тут у Дени мелькнула мысль, что этот идол-урод для Вивасвана – образ земного человечества. Ему немножко было обидно. Но правда была на стороне Вивасвана. И не было возможности отвертеться от этой правды. Воистину, земное человечество, если судить по высшей правде, – какая-то необъятная харя, не ведающая ни правды, ни любви, ни сострадания. И эту харю в образе идола-урода и мозжил сейчас Вивасван.

– Ты хочешь правду? Вот она: кабы моя воля, я закрыл бы вашу шарашку. – Вивасван схватил булаву и яростно опустил ее на голову идола: – Да, закрыл бы. Но нет у меня власти на это деяние. Думаю, что нет власти на это деяние и у Урбани, Владыки Галактики. Один Владыка Синей Бездны знает эту тайну. Однажды он наслал на вас потоп, может наслать и огонь. Это его тайна. У, как жаль, что не моя власть! – вскричал Вивасван и вновь схватил булаву и яростно опустил на голову идола-урода. Инзар вернул булаву на место.

– А теперь смотри, – кинул вправо руку Вивасван.

Там горел большой экран и густая толпа людей текла по проспекту.

– Видишь?

– Вижу.

– Что видишь?

– Проспект, людей... – пожал плечами Дени.

– А еще что видишь?

– Дома вижу.

– А нимбы над головами людей видишь?

– Да, вижу нимбы, – несколько удивленно ответил Дени.

– И какого цвета эти нимбы?

– Разного.

– Разного. Ха-ха! Но ведь абсолютное большинство нимбов мутно-серые.

– Да, мутно-серые, – подтвердил Дени.

– Вот эти мутняки – главные творцы зла планеты Земля. Они вечно ненавидят. Но кого они ненавидят? Они ненавидят людей. Люто ненавидят. Жгут свои сердца ненавистью. Смотри, вон – какой ядреный мутняк. Нимб – сажа. И какой огромный. Всех бы зажарил, кабы власть! Ну, слава Богу, пока один. А, если вокруг него соберется тьма мутняков, о-о-о, что будет, реки крови потекут. Так, посмотрим и другие столицы.

Инзар переключал и показывал столицы планеты Земля. По улицам столиц тек народ, и у большинства людей над головой возвышались мутно-серые нимбы. Только у японцев было не так много мутняков. И, когда показывали города Японии, Дени весь вытянулся. Царра засмеялся. Смех его понял только Дени. Вивасван на смех Царры не обратил внимания. Этот смех был комплимент О Тоси.

– Мутняки, мутняки, мутняки... У-у-у, нет власти, закрыл бы шарашку. Времена знает один Владыка Синей Бездны. Да. Один Он.

Вивасван схватил булаву и яростно опустил на голову идола-урода. Инзар вернул булаву на место.

– Слезы людские, слезы людские! Просвети мутняков, и слезы прекратятся. Но ничего у тебя не получится. У тысячи пророков не получилось, и у тебя не получится. Мутняки – вечное племя! – Вивасван, схватил булаву и опустил на голову идола. Инзар вырвал и вернул булаву на место.

– Слезы людские, слезы людские... Но ты, ты то почему теперь печалишься, ты же удрал от мутняков и неплохо устроился на безопасной планете Эльтусси. Что тебе до планеты Земля и до этих мутняков?

Дени растерялся.

– Я не удирал и не собирался удирать. Я искал ответы на мучающие меня вопросы. И теперь сижу там, куда меня завезли, – сказал Дени и посмотрел на Царру.

– И непрочь, конечно, вернуться к мутнякам, чтобы вместе с ними точить ножи и лепить бомбы, – с ехидцей в голосе сказал Вивасван.

Дени молчал. Вивасван понизил голос и шепотом проговорил:

– И я бы не вернулся. Ты, наверное, думаешь, что я в восторге от своей должности?

Он не стал продолжать, но сказал другое громким голосом:

– Некоторые граждане Афин, то есть мутняки, завидовали старому, босоному Сократу, великому философу. Выдвинули против него ложные обвинения, судили и приговорили к смерти. И по сей день мутняки планеты Земля действуют именно так. Ничего на планете Земля не изменилось. И когда изменится, знает только Владыка Синей Бездны. Да, только он!

Вивасван схватил булаву и яростно опустил ее на голову идола-урода. Инзар оставил булаву торчать в голове идола-урода.

Через полчаса Вивасван, Царра и Дени скакали по лесной дороге, и она привела их к небольшому озеру, на берегу которого красовался дом-теремок. Тут их встретили женщины и мужчины в белых халатах. И стол уже был накрыт.

Вивасван допил напиток и, глядя сквозь стенки пустого стакана, сказал:

– Так, говоришь, льются и льются слезы людские?

Дени не хотел уже этого разговора, ведь все было разобрано с булавой и идолом. Все великолепно объяснил Вивасван. Но, видно, он что-то еще хотел добавить.

– А я, по-твоему, не плачу, все смеюсь. Но ведь я мыслю и, следовательно, печалюсь. А если печалюсь, то и плачу.

Вивасван сказал эти слова грустным тоном, и тон этот удивил Дени. «Неужели и Владыке Солнца грустно во Вселенной?» – подумал он.

– Да, я Владыка Солнца, но я и раб Солнца. Я галерный раб. Конечно, Солнце – великая роскошная галера. Но все же, все же... Вот Царра летает от звезды до звезды. Он свободен. Ни за что не в ответе. Счастливцев! Я завидую ему. А я в ответе и за Солнце, и за Солнечную систему. В какую ярость пришел Урбини, Владыка Галактики, когда погибла цивилизация Марса, а еще раньше, когда погибла планета Фазтон. Я тогда думал: все, пошлет пасти ослов на край Вселенной. Не послал, смилостивился. Переживал я тогда, просил уволить с должности. Когда я в третий раз послал просьбу уволить меня, какая-то сила утопила меня до дна океана, вынула и посадила за пульт.

В этом месте рассказа Вивасвана Царра наклонился к Дени и шепотом сказал:

– Эта сила сказала ему: сиди там, куда тебя посадили, дубина.

– Не было этих слов, ни о какой дубине не было и речи, ты это придумал для красного словца, – без тени обиды сказал Вивасван. А Царра залился громким смехом.

– Вивасван, смертна человеческая душа или бессмертна? – вдруг спросил Дени и сам удивился, что заехал совсем в другую степь. Вивасван посмотрел на Дени удивленно.

– Ответ лежит в твоём вопросе, – сказал Вивасван. – Смертной душе не придет на ум говорить о бессмертии. Душа бессмертна. Поэтому в ней столько печали.

– Тогда... – докончить Дени не успел.

– К нам царица марсианок Аганита, – перебил его Вивасван, глядя через плечо.

Дени быстро обернулся и увидел: с белоснежного облака, похожего на пухлую подушку, на холм сошла.... Ах, где эти слова! Их нет... Это была женщина-очарование. В первое мгновение Дени почудилось, что его опустили в ледяной сруб, во второе мгновение, что его запикивают в раскаленную печь, в третье мгновение он онемел и безумно восторженными глазами смотрел на царицу Аганиты. Платье – голубое море, глаза... О глаза, глаза! Когда-то, как коршун жалкого воробья, сокрушила его сердце Дульсиня – то была земная яростная любовь. А эта царица марсианок превратила сердце в созвездие. Аганита не сказала ни слова, она молча, с улыбкой, смотрела на Дени, а потом, не поворачиваясь к нему спиной, отплыла к облаку, села и улетела. Дени стоял и смотрел вслед, закинув голову.

– Ха-ха-ха! – смеялся Вивасван. Но Дени не слышал его смех, он все стоял и смотрел. Царра тронул Дени за плечо, он вздрогнул и вопросительно посмотрел на него.

– Послушай Вивасвана, – сказал Царра.

– Расскажи эту картину О Тоси, – смеялся Вивасван, обращаясь к Царре. Дени густо покраснел и не нашелся, что сказать.

– Расскажу, расскажу.

– Аганита приглашает тебя в гости, я думаю, ты откажешься, – сказал Вивасван Дени.

– Нет, не откажусь, – поспешно ответил Дени. И новый смех друзей накрыл его слова.

Чудо-замок царицы марсианок Аганиты был расположен на вершине горы. В два рукава замок обхватывала белопенная река. В замок царица не пригласила. Все представления царица и ее поразительные, как кинодивы, стройные девушки давали на небольшой площади перед замком. Был накрыт только один стол для гостей и на столе, кроме разнообразных фруктов и сомы не было других блюд.

У, как танцевали марсианки и как они пели. Как танцевала сама Аганита.

– В этих чудных песнях марсианок почти неуловимая печаль, и они всегда тревожит бездну моей души, – вздохнул Вивасван. – Но слушай, как пляшет и поет Аганита. Она поет для тебя.

– Но не я же Владыка Солнца. Она для тебя поет, ты их надежда. Я не могу восстановить цивилизацию на Марсе, – сказал Дени.

– Верь мне, она поет и пляшет для тебя и хотела бы, чтобы ты остался в ее царстве.

Дени рассмеялся, принимая слова Вивасвана за шутку.

– Верь мне, – повторил Вивасван.

В это время царица Аганита подошла к столу, налила в свободный стакан напиток и с поклоном поднесла его Дени. И снова закружилась в танце.

– Что я говорил, – сказал Вивасван. – Нам с Царрой шиш, а тебе – бокал. Верь мне, для тебя поет и пляшет царица Аганита. Я и Царра для нее в сей момент – архитектурные излишества.

– У, Владыка Солнца! – вскричал в сердцах Дени и засмеялся.

Но закончились все праздники и подошло время возвращаться. Попрошались с царицей Сарасвати, с царицей Аганитой. И шар с тремя богатырями за шаром Инзара прилетел на козырек, где сидел корабль Царры. Выехали из шара и сошли с коней.

Вивасван крепко прижал к груди Дени и сказал ему на ухо:

– Молись за меня, за галерного раба. Если бы ты знал, как хочется иногда в темную лунную ночь, где-нибудь на Черном море с какой-нибудь забунташкой поплавать по лунной дорожке.

– А Сарасвати? – спросил Дени, тихо смеясь.

– Но имеется в виду, в тайне от нее, – зашептал Вивасван.

Смех рвался из груди Дени, он еле сдерживался.

«О, Вивасван, Вивасван, Владыка Солнца», – повторил он про себя, восхищаясь им.

Инзар поклонился по очереди Дени и Царре и что-то сказал.

– Мой адъютант желает вам счастливого пути, – сказал Вивасван.

И тут по очереди заржали кони – сначала конь Вивасвана, потом конь Царры и последним Бунчук. Бунчук еще потерялся мордой о грудь Дени.

Когда корабль поднялся в небо, впереди его вдруг оказался тот самый объект-футляр, который встретил их при подлете к Солнцу. Корабль погрузился в футляр, внешний мир исчез.

Через некоторое время объект-футляр сполз с корабля и мгновенно испарился. И открылось темное небо с алмазными звездами.

– Ну вот и закончилась командировка на Солнце, – сказал Царра.

– Прекрасная была командировка. Какой парень Вивасван!

– А ты отказывался.

– Но кто знал, я же не шейх.

– А что шептал тебе Вивасван, когда прощался.

Дени залился смехом, вспомнив слова Вивасвана.

– Нет, этого я не скажу, это секрет. Но какой парень Вивасван, Владыка Солнца!

– Отличный парень! – сказал Царра. – Будешь в шахматы играть?

– Хоть триста лет.

– Что так, ведь ты все время отказывался?

– То было в прежней моей жизни, теперь я сызнова родился, я знаю великую тайну звезд. Стой, ведь есть такая притча или поверье: когда люди узнают, что движет звездами, сфинкс засмеется и жизнь иссякнет. Вот я узнал, что движет звездами, что теперь будет с жизнью?

– Но, во-первых, ты не люди, а одна людина, а, во-вторых, там было сказано: когда люди узнают, что движет звездами, сфинкс засмеется, прежняя глупая жизнь иссякнет и начнется новая, умная, истинно человеческая.

– О, какая новость. Я бы поцеловал этого сфинкса.

– Давай играть в шахматы, а сфинкса потом будешь целовать.

Они прилетели на Эльгусси, потом на фазенду. Пунитаки, О Тоси, Буси и дети их встретили у самого трапа. Велика была радость всех.

Через несколько часов Дени на Бунчуке проскакал до синих гор. Целый час созерцал Атлантиду – великий город. Он знал, что никогда уже не покинет Эльгусси.

Ночью Дени не спалось, он жадно листал картины царств Солнца. И вдруг позвонил Царре. Тот сонно отозвался.

– Скажи, мы точно были на Солнце или это был сон? – спросил Дени.

Царра вздохнул и сказал:

– Какая слабость, какая слабость! Только что прилетел и тут же рвется назад к царице Аганите. Какая слабость! Не буди меня до утра, слабейший из ловеласов.

– У-у-у, ямщик! – почти прорычал Дени, закутался в одеяло и тут же полетел в бездну сна. И кто-то, наверное, он сам, радостно и удивленно кричал:

– Люди, какая фантастика и какая радость – на Солнце кукарекают петухи!

Алиева Асет

Алиева Асет йина 1986 шарахь. Деина Теркйистерчу кIоштан Чуьлга-юртара юккгарчу школахь. 2011 шарахь Краснодарехь чекхъяьккхина Кубански пачхьалкхан политихнически университет. Ишколахь дуьйна стихаиш язйеиш ю нохчийн а, оьрсийн а маттахь.

Дехар

Хьажахь, сан бIаьргашчохь ирс!
Дийцийтахь даггара соьга.
Алахь, хIун оьшу кхин,
Хилча хьо дуьненан меха?

Хьан даг тIе боьду некь аьхна,
Буьллур бу безамца сайн.
Со хьуна ирс дохьуш еьна,
ТIе лацахь – безаман лай.

Малх гIаттале гIотту сан дог,
Ас сайна хьо Деле воьхуш.
Боьху ас вайшинан барт,
Хир бац техь вайн кхоллам, бохуш.

Сан кийрахь кхиьна безам,
Тоьар бу вайшинна бекьа.
Ма яккха ахь хьайха со,
Хьайна со жима а эшахь.

Везарна ас даггара олу:
Дахар сан хьайчуьнца ийна!
Алахь хьо хIун да волу
Деттало дог сан сацийна?

Безаман Iожалла

ХIора хIуманан шен хан ю, аьлла.
Кхечи вайн безаман Iожалла, аьлла...
Къаьхьа кхаь баьккхина
сан дог ахь аьтта,
Цунах со цец ялла
ёсуо йолчехь лаьтта.

Хьо воьду безамна
букь тухуш шийла,
Хьайна тIехь хьажначохь
со юьтуш гIийла.
ДIа гIо, ас «маьрша некь...»
хуьлийла аьлла,
Елахь а сан хьога оьгIазло мелла.

ХIун дийр ду,
ца хилла соь бахна безам,
Хьан дагчу боьссина массо а ханна.
Замано байбер бу кийрара бала,
Мега со мацца цкъа кIинтIера яла.

Къастар

Мелла а дицлур ду хьан амат суна –
Уьдучу деноша дIахьур ду шайца.
ГIийла ас йина ойланаш хьуна,
Безаман мукьамца юьссур ю соьца.

Ма холча хIоьтти
со хьох къаста езна,
Дац сунна дуьненчохь
хьо воцуш дахар.
Оццул вай хилча вовшашна дезна
ХIунда ца карий-те безамна дарба?

Диси вай вовшашна тIе дина некьаш.
Мерзачу безамца
вайн даьгна дегнаш...
Луш болчу хьехамех,
кегийчарна дийца
Туьйра бен ца дуьссуш
дIадеди хIинца.

Салих Гуртуев

Уезжало детство на восток

То утро 8 марта 1944 года выдалось, как мне в свои неполные пять лет казалось тогда, ясным, светлым, с запахом проклюнувшейся на пригорке травы, с веселым щебетом птиц и парным вкусом только что надоенного белопенного молока. И во все это великолепие неистребимой весенней кутерьмы вмешались окрики солдат, стенанья моей бабушки Курманкыз и матери Аба; стал непонятным взгляд всегда доброжелательных и мягких глаз моего старшего брата Салима, потерянно стоявшего около бабушки. Младшая сестренка Светлана бесшумно плакала, крепко уцепившись за подол бабушки, которая суежилась с грудным еще Азретом на руках. Именно на его, Азрета, личике я увидел в тот миг, когда проснулся от топота сапог в коридоре, жестокий лик происходящего. Правда, осознал я это позже.

Бабушка металась по наружной комнате двухкомнатного домика, построенного перед войной отцом в качестве временного жилья до постройки большого, более вместительного дома, необходимые материалы для которого были заготовлены до последнего гвоздя. Оказывается, отец ждал наступления удобного для начала строительства момента. Но такой момент не наступил – началась война, и отец на восьмой день войны был уже на фронте. Откуда уже не вернулся.

В то утро в его доме-временке хозяйничали солдаты, чтобы отправить в неизвестность семью воюющего за свободу Родины офицера – старшего лейтенанта.

Мама выбрасывала из внутренней комнаты какие-то тряпки и говорила бабушке неестественным, потухшим голосом:

– Одевай на своего старшего сына (и тут она оставалась настоящей балкарской снохой – при свекрови не называла своих детей по именам и не могла говорить, что они ее дети), на второго, на дочку свою.

Оказывается, она выбрасывала детские наши вещи из внутренней комнаты, чтобы по две-три пары одеть на каждого и взять побольше одежды.

– Хотя говорят, что уезжаете на три дня, берите побольше вещей и продуктов, – говорил (как потом рассказывала мать с благодарностью к этому молодому лейтенанту) молодой офицер срывающимся, глухим голосом, – сколько можете, берите теплых вещей, одеял...

Аба была учительницей начальных классов в школе и поэтому сносно знала русский.

В коридоре стояли еще два солдата с автоматами наперевес.

Такая картина предстала передо мной в то утро. Я тоже в силу своего малого возраста не мог понять, что происходило в то на всю жизнь оставшееся в памяти утро марта месяца 1944 года...

Обычно каждое утро будила меня бабушка. Когда сама, встав спозаранку, уже подоит корову, натопит печку до жару, приготовит кружку отдающего теплом коровьего вымени молока, чтобы я выпил его залпом натошак.

Она укладывала меня с собой и смотрела за мной особо, потому что, как объяснила мне мама много позже, увидев меня на семейном фото, посланном отцу на фронт, каким-то мрачным, он написал о своей озабоченности этим моей бабушке и попросил, чтобы уход был за мной особый.

«Что-то не нравится мне настроение твоего младшего сына», – написал отец в одном из своих редких треугольных писем.

Так, оказывается, я перекочевал спать на бабушкину тахту, которая стояла у задней стенки наружной комнаты.

Так я и привык, что каждое утро для меня приготовлена кружка парного молока, горячий, только что с пылу и с жару, кукурузный чурек.

А в то утро был нарушен мой утренний «распорядок» и, как оказалось, навсегда.

В то же утро я проснулся сам от тяжелого топота солдатских сапог, беспорядочной беготни в комнатах бабушки и матери. По привычке я перво-наперво нашел лицо бабушки и увидел на всегда спокойном красивом ее лице несвойственную для нее растерянность, граничащую с безнадежностью. Она впервые в моей почти пятилетней жизни не улыбнулась мне. Увидев меня, она резким тоном сказала:

– Вставай, сынок, поднимайся...

Солдаты, стоявшие у дверей в коридоре, ничего для меня не значили. Лишь молодой человек, чем-то напомнивший мне дядю, брата матери, на фотографии, присланной им с фронта. Он тоже улыбнулся мне, но как-то неловко, неискренне, как мне показалось, холодно.

И пресветлый лик моей бабушки потух для меня. А вместе с ним исчезло и мое ожидание теплого, парного молока да жаркого кукурузного чурека, испеченного в золе.

До меня, что ли, было ей?.. И тем не менее она легко, не по возрасту торопко подскочила ко мне, говоря:

– Тур, жашмы, тур, кьоп (вставай, сынок мой, вставай, поднимайся).

Тут же начала меня одевать, положив на тахту уже бодрствовавшего на ее руках маленького Азрета. В ее глазах были тоска и печаль, суровость и обреченность. Я потом напишу об этой, мной впервые увиденной, боли:

В день праздника беда больше бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника больше бьет беда,
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли мимо.

Тогда беда всего больше бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу, беспощадно, влет
Ее сражает горе в одночасье.

Как потом рассказывала мама, молодой лейтенантик не торопил, просил взять с собой столько, сколько можем унести муки, зерна, разрешил взять два теплых одеяла, чтобы, в случае чего, можно было укрывать ими нас, четверых, по двое.

Молодой лейтенант вскоре куда-то исчез. Остались те два солдатика с автоматами наперевес, чтобы сопроводить нас к месту сбора – на приречную, уже усталую молодой зеленью, поляну недалеко от нашего дома в сторону Нальчика. Там стояли студебеккеры. Туда сгоняли – именно сгоняли, как скотину! – всех, живших окрест.

– Открой двери сарая. Выпусти корову, теленка. Отвяжи собаку, – то кричала отрывисто моя бабушка отставшей маме, обернувшись у калитки, неся в одной руке Азрета, в другой – баул, а я шел рядом, держась за ее подол.

А мама задержалась потому, что один из солдат отобрал у нее второе одеяло, хватит, дескать, и одного. Мама не хотела отдавать. Но солдат был сильнее. Мама, спохватившись, побежала открывать сарай, и так и забыла

об этом одеяле. И вспомнила о нем уже в конце 1945 года под Алма-Атой, в построенном своими руками доме, когда сразу заболели бабушка, ее дочь Нафий, мои младшие сестричка и братик. И нечем было их укрыть. Тогда уже она выплеснула все, что знала, на голову того солдата. Но его не было рядом...

Вот так. Семью офицера Советской Армии Гуртуева Султанбека Караевича – четверых его детей, его мать, сестру Нафий с четырьмя дочерьми – погрузили во вместительный кузов студебеккера и повезли в сторону Нальчика.

Мне, поначалу радовавшемуся тому, что буду кататься на машине, на всю жизнь врезалась в душу такая картинка: посуровевшее лицо обычно мягкой и ласковой моей бабушки; с глаз выкатились слезы, но они не текли вниз по лицу, а как-то застыли, словно прилипли к щекам замерзшие капли дождинок; ее немигающий взгляд в сторону кладбища, где нашел свой последний приют наш дед Карай – она, видно, внутренне рада была тому, что дед остается лежать в родимом краю. Бабушка пыталась, как я теперь понимаю, разом вобрать в себя всю округу и увезти с собой в памяти; она стремилась не упустить ни единой черточки, что составляло ее гордость и судьбу с тех пор, как она стала Гуртуевой; она пропускала сквозь свою добрейшую душу и заречную ольховую рощу, и густо зеленеющую орешины на противоположном склоне, и Жемишли Тала (Фруктовую Поляну), где каждую осень белореченцы заготавливали на зиму плодovou дичку. Она потом в Алма-Ате вспоминала, что никак не забудет мокрые глаза коровы, которая привыкла каждое утро перед самой дойкой получать из ее рук полведра отрубей. Все это в какой-то мере запечатлелось и во мне. Потом они отразятся в стихах:

В глазах балкарок поселилась скорбь,
Вбирая путь кромешный и печальный.
Был горек час прощания и скор
С родной землей перед дорогой дальней.

Видно было, что бабушка предчувствовала долгую дорогу, а возможно, и то, что в последний раз обозревает неестественным взглядом родную до боли округу. Мне тогда смутно казалось, что сама она удивляется жадности своего взгляда на окружавший до того дня ее белореченский мир; для нее мир ограничивался Верхним Хуламом, откуда она родом, Белой Речкой, куда ее привезли оттуда на пароконке, да еще и Нижним Чегемом, откуда была родом моя мама Аба. И, как мне казалось, на эту территорию она не желала впускать никакой другой мир.

Однако приходилось – об этом говорила безысходность ее состояния, отрешенный взгляд иссиня-черных глаз. Она сидела в кузове американского грузовика в тесном одиночестве среди своих, с годовалым Азретом на коленях и одной рукой обняв меня.

Громыхая на стыках, бедою груженный вагон
На колеса наматывал горестные километры,
И в последнем отчаянье бросившиеся вдогон
Отставали родимых ущелий летучие ветры.

Знать балкарец не знал, что на свете так много земли,
Но вдали непроглядной остались сиротами скалы.
В неизвестность угрюмо составы продутые шли
Бесконечною степью, укрытою снегом подталым.

Смерть над целым народом распростерла крыла:
Сын на фронте убит, мать истаяла в страшном вагоне.

Поглощала надежду слепой безысходности мгла,
А составы гремели, отсчитывая перегоны.

А советскому командованию было известно: глава этого семейства, Гуртуев Султанбек Караевич, находился в группе наших войск, дислоцировавшейся в Баку и выполнявшей особое задание по приему помощи нашей стране антигитлеровской коалицией по ленд-лизу. В том числе принимали они и эти студебекеры, которые теперь увозили его семью неизвестно куда.

Впрочем, это я к слову говорю о нас и об отце. Мы ничем не были лучше тех, кто и до балкарцев, и после были лишены своих элементарных человеческих прав, не говоря уже о своих сородичах.

На любой недоуменный вопрос со стороны изгоняемых у солдат был готовый ответ:

– Мы – солдаты и выполняем приказ... Видно было, что эти слова они произносили нехотя.

Бывает, слово озарит, как утро.
Бывает, слово омрачит, как ночь.
Найти слова, что портят кровь, нетрудно,
Но как словами людям нам помочь?

Моя мать, которая, к моей великой боли, скончалась года три назад в возрасте 97 лет и 70 лет из них только тем и жила, что ждала моего отца с фронта, в тот день, 8 Марта 1944 года, была как каменное изваяние. Женщина необыкновенной красоты вмиг превратилась в суровое сказание о жестокой правде.

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа...

Эти строки тоже я напишу потом.

Моя тетя Нафий, ее четыре дочери, да и все женщины плакали в голос, как на похоронах. А они на самом деле хоронили свою кавказскую часть жизни, ибо некоторые, как оказалось, уезжали насовсем, их последним пристанищем окажутся земли те – чужие. Пространство между небом и Белой Речкой, казалось, сжалось, уплотнилось от плача вперемежку с ревом домашней скотины настолько, что людям не стало хватать воздуха. Мы, дети, видя это, застыли в немом оцепенении. Как оказалось, плакали все балкарцы, а не только белореченцы.

Моя мама не плакала. Наверное, тогда мне запало в душу: вселенская трагедия у некоторых изгоняет слезы, когда она, трагедия, касается не одного тебя. Вот почему, наверное, моя мама при нас ни разу не проклинала жизнь, не опускалась до истеричного негодования против властей. Я ничего такого не слышал при ее жизни никогда. Она жила ожиданием отца оставшихся в живых двух сыновей, которые сами уже старше своего отца на много лет и давно уже дедушки. Опыт такой большой трагедии дает мне право сегодня сказать, что я без оглядки отдаю свою жизнь ради спокойной жизни моих сыновей Расула и Марата, дочери Джамили, внучек и внуков Дианы, Айгюль, Эвы и Иман, Азрета, Амины, Алия; сестры Ады и ее детей – Алима, Жаннет, Ибрагима. Должен ли кто-то удивиться тому, если:

Ночью заснеженной дереву видится сон:
Каплями крови исходят, сочатся плоды.
Снег, окровавленный вьюгою, ввысь вознесен,
Словно предвестие неотвратимой беды.

Соки живые свой бег замедляют в стволе.
 Дереву снится: оно засыхает, гниет...
 Мартовской ночью не слышно ни звука в селе.
 Год до победы.
 Выслан балкарский народ.

Камень, морщинами трещин израненный густо,
 Камень, до блеска холодного времени стертый, –
 Вы и опора в безверии неотвратимом,
 И вожделенная слабость швыряющих камни.

А мое детство, оказывается, уезжало на Восток на долгие годы.

Невозможно было понять, куда в такую рукотворную – не природную – круговерть везут такую массу людей. Народ поручил, казалось, свою судьбу какой-то стихии, как щепка – волне, в ожидании – куда вынесет.

Нас вталкивали в вагоны. Бабушка одной рукой крепко держала меня, на другой несла Азрета. В то же время она периодически подавала голос, чтобы наше семейство держалось вместе, дабы попасть всем в один вагон. Вталкивали нас беспорядочно – там, дескать, разберетесь. И, действительно, надо было разбираться. Как потом я прочитал в документах того времени, на нас использовался опыт, приобретенный во время прошлых выселений карачаевцев и калмыков – нас грузили плотнее, чтобы сэкономить вагоны.

Вот этот документ.

«Заместителю наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулову

На основе опыта выселения карачаевцев и калмыков нами были проведены некоторые мероприятия, давшие возможность значительно сократить потребность в подвижном составе и уменьшить количество потребных поездов для выселения чеченцев, ингушей, балкарцев.

Так, по расчету численности спецконтингента требовалось для перевозки их 15207 вагонов (272 состава), считая, как и прежде, по 56 вагонов в каждом эшелоне. Фактически же было отправлено 12525 вагонов, или 194 состава (по 65 вагонов в каждом).

К недостаткам перевозок спецконтингентов следует отнести невозможность проведения санобработки их, в результате чего в дороге имели место случаи заболевания сыпным тифом. Однако в результате принятых мер эпидемия была предотвращена. Для оперативного состава и войск НКВД потребность составила 3711 крытых вагонов, 1984 платформы.

Начальника Управления Орджоникидзевской железной дороги Х.Т. Восканова и заместителя начальника дороги К.В. Ильченко необходимо представить к правительственной награде, как и других отличившихся служащих железной дороги.

18 марта 1944 г.

Начальник Управления народного комиссариата госбезопасности СССР Мильштейн».

Значительно позже придут мне в голову строки:

Огромная безгласная страна.
 Огромное клокочущее горе.
 Балкарские простые имена
 Хранят чужие небо, степи, горы.

В горчайших бесконечных поездах,
 Где каждый – горя общего частица,

Все было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не искажались лица.

Эпидемия тифа не была предотвращена, разве только была, может быть, локализована в пределах отдельно взятых эшелонов. И это тоже служило, быть может, лишним поводом не выпускать никого из вагонов даже на полустанках, чтобы не заразилась земля, по которой везли нас. Умиравших оставляли прямо у обочин железных дорог, слегка присыпав землей.

Нас выгружали в степи, примерно в километре от длинных каких-то строений, как оказалось, то были конюшни. Нас на бричках отвозили в эти конюшни, предварительно выделив каждой семье по одному стойлу. Нам досталось два. Нас было 11 человек. Дети расположились в стойлах, а взрослые сидели рядом на баулах, привезенных с собой. Тиф продолжал свирепствовать и там. В течение двух месяцев тиф унес моих младших брата и сестренку, бабушку, тетю и ее двух дочерей. Каково было моей маме хоронить их... Мужчин, способных копать могилы, не хватало, умирали ведь не только наши...

Мне сегодня думается, что моей матери помогли выжить ожидание моего отца, как я уже говорил, плюс жестокий лик трагедии, который заставляет человека начисто забывать о мирском. И это все очень крепко сидело в ней. А отцу моему в этом году – в год 70-летия депортации моего народа – исполнилось 105 лет. А в сердце моей мамы ему всего 30, каким он на восьмой день войны в 1941 году уезжал на фронт, свесив ноги с брички, и лицом назад. У меня есть давние стихи об этом:

Трава косы на склонах заждалась,
Стоит, желта, сухая, как солома.
О чем же, мама, не смыкая глаз,
Все думаешь, когда одна ты дома?

Хотя мне вполне понятно о ком: о детях и об отце этих детей. О собственной жизни – ноль. Жертвывая собственной жизнью во имя верности святому чувству материнства, преданности Ему, не подающему вот уже сколько лет ни малюсенькой весточки о себе. Извещение о гибели для нее нипочем.

Запомнилось еще: переселенцы строили для себя дома из самана. Глину месили женщины ногами, задрав непонятно из чего сшитые, латаные-перелатаные платья выше колен. И стены научились класть сами.

Так рождалась деревня на пустыре, жители которого превращены были в скотину при человеческом, излучающем добро, облике.

Это тысячная долька моих только детских воспоминаний и только первого года выселения, а таких, как я, ох как много было. И взрослых воспоминаний – тоже. Об этом времени написано много романов, повестей, стихов и поэм. Сложены песни. Но, уверен, никакой художественный вымысел не в силах передать всю глубину этой невообразимой трагедии. Тем более стоит удивляться той жизнестойкости людей: обессиленные родители отправляли детей в школы, а сами строили, пахали, сеяли, несмотря на свое бесправие, усталость, изнурительный голод, при этом не проклиная саму жизнь, Родину, власть, не черствея душой, не суровая сердцем.

Лишь один пример бесправия даже малолетнего: известный в нашей республике человек – бывший в течение долгих лет министром просвещения республики, а потом, до дня своей кончины, – председателем Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов города Нальчика Чеченов Шамиль Шахангериевич, демобилизовавшись из армии только в 1946 году, в поисках родителей приехал в наш Ленинский район, что на юге Киргизии, и стал преподавать историю в школе; может ли кто-нибудь представить себе сегодня что было на душе у этого человека, когда он говорил детям об истории страны...

Так вот он, совершенно естественно, особо относился к детям переселенцев, кем и сам он стал по приезде туда. Однажды, когда я был уже в третьем классе, прошел слух, что детям, чьи отцы погибли на фронтах, выдают обувь бесплатно. Шамиль Шахангериевич включил в этот список и меня. Однажды он сказал мне, чтобы я шел на примерку обуви, которую могли дать и мне, как сыну офицера, погибшего на полях сражений. Я так и сделал. Я выбрал одну пару и сказал, что они мне подойдут, и не хотел примерять – я стеснялся разувать свои болтавшиеся на ногах большие рабочие ботинки, потому что носки мои были порваны и пальцы мои были наружу, а я не хотел, чтобы это видели собравшиеся учителя. Там был и Шамиль Шахангериевич. Он настоял, чтобы я примерил, советуя при этом, чтобы я выбрал размера на два больше с тем, чтобы я мог их носить и зимой, обмотав ноги под носками тряпками. Для пущей убедительности он сказал:

– Так делали мы в армии.

Я снимал ботинки, а с меня катился от стыда пот. И туда отворачивался, и сюда. Пытался куда-то деть ноги, старался руками прикрыть дырявые места носков. Все равно увидели учителя все, а Шамиль Шахангериевич даже отвернулся. Я кое-как примерил и быстро обул свои огромные ботинки. Распорядители написали мое имя на бумажке и вложили в те ботинки. С тем я и ушел. При окончательном рассмотрении списка обнаружилось, что я – из переселенцев. И тут меня вычеркнули из списка. Я присутствовал при оглашении списка и уже видел себя в обновках. Жди... Моя фамилия не прозвучала. Я в недоумении оглянулся вокруг, ища глазами Чеченова. Его там не было: прознав о случившемся, он ушел из школы в тот день. Потом он всю жизнь каялся, что тогда заставил меня разуться, чувствовал себя виноватым. Ему было стыдно за себя, отстоявшего свободу Родины, и за власть, управлявшую тогда этой спасенной им Родиной...

Нет желания у меня дальше травить свою душу и беречь память еще живых переселенцев. Об этом много написано, как я уже сказал выше. Я привел здесь отрывочек из моей уже долгой биографии лишь для того, чтобы показать, что я имею полное право задать вопрос тем горе-политикам, которые и сегодня на самом высоком уровне пытаются продавить идею о выселении народов Кавказа.

А куда? Из России в Россию? Иначе ни Казахстан, ни Кыргызстан не примут такую массу за просто так, у них своих проблем выше головы. Эти на волне разгула пещерного понимания демократии появившиеся деятели думают, что мы не знаем о том, что идея о выселении народов Кавказа муссировалась с конца XIX века. Еще в 1898 году некий Карцов в газете «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовал статью, где открыто предлагал царскому правительству выслать в «обширные степи Средней Азии» народы Северного Кавказа. Так что начало сороковых годов не вдруг обозначилось в истории народов Северного Кавказа. Статью Карцова в пух и прах разнес известный в те времена на всем Кавказе юрист Басият Шаханов (отсылаю к его книге, изданной у нас в 1991 году НИИ истории и филологии, книга составлена доктором филологических наук Тamarой Биттировой из сохранившихся документов самого Шаханова). А в 1944 возразить было некому. Ныне, думаю, найдутся. И не просто найдутся, а могущие предложить этим политикам попробовать вкус изгнания самим вместе с немощными своими стариками и грудными детьми.

Лучше не повторять истории и не искушать судьбу. Бороться надо не с народами, а с конкретными бандитами и вырожденками. А предложения эти – от желания усугубить межнациональные отношения и без того неблагоприятной в этом вопросе России, которая пока еще находится под влиянием таких «политиков».

И наша маленькая республика держится пока без встрясок только на опыте том, да и на мудрости народов и трезвости власти. Хотя живет в ожидании

чего-то нежелательного, потому что вот уже сколько лет то там, то здесь вдруг возникают очаги напряженности на российской же территории. Тем более ценно нам наше сегодняшнее спокойствие и мы его будем беречь. Так говорила всегда моя мать, скончавшаяся три года назад, о чем я упоминал выше. Ее душа непрестанно болела за всех детей земли, которые недоедают, становятся сиротами. И смотрела она на своих уже правнучек, и желала им и их родителям никогда не испытать изгнания из родных корней.

Земля моя все тяжелей вздыхает.
Душа моя, тебе покоя нет.
Упал ребенок. Женщина чужая
Кричит: «Где мама?»
«Здесь я, здесь!» – в ответ.
У времени конца нет и начала,
За днем ушедшим новый день встает.
И, видя это, мать моя сказала
Святое заклинание свое.
Но прежде мать испуганно взглянула
На мир, в котором дракам нет конца,
Где вековое дерево согнулось
Под натиском железа и свинца.
Чаши весов – на них одновременно
Грудь матери и Жизнь сама – легли.
И эти чаши замерли мгновенно –
Друг друга перевесить не смогли.
В темнеющие дали с содроганьем,
Как много лет назад, смотрела мать
И мне свое святое заклинанье
Негромко продолжала повторять:
Богатства мира, все богатства наши
С тобой сравню ли, добрый человек.
Пусть землю буйвол времени пропашет,
Похоронив людское зло навек.
Добро – оно рождается на свете
Любовью, без которой все умрет.
А мужество – и в нас, и в наших детях
Пусть рядом с добротой всегда живет..
Упал ребенок. Женщина чужая
Кричит. Спешит ему на помощь мать.
Если Земля споткнется, я не знаю –
Кому кричать? И как ее спасти?..

*Переводы стихов с балкарского языка
Аркадия КАЙДАНОВА и Петра ГРАДОВА.*

Марха Мазаева

Родилась 15 января в 1997 году в станице Серноводская. Ученица 11 класса Серноводской СШ №1. Стихи пишет с 15 лет. Пробует свои силы в жанре прозы (в стиле фэнтези).

Я никак не могла понять

Я никак не могла понять:
то ли сердце не так стучит,
то ли голос не тот звучит,
то ли мысли ушли в мечту...

Иль, быть может, не я под стать,
или сердце опять кричит,
или, наоборот, молчит,
или просто не выбрал ту.

Я никак не могла понять!..
То ли снег не холодный здесь,
то ли я замерзала вновь,
то ли просто опять я сплю...

Эту грусть не смогу унять,
и любовь не смогла согреть,
не согрела густую кровь.
Может, все еще я люблю?..

Она смотрела на луну

Она смотрела на луну
и взгляд был полон ожидания.
Чего ждала – я не пойму,
Быть может, тайного свидания?

Мерцали светлячки в степи
и жизнь в реке – она мерцала!
Сияли сонные цветы...
Чего ждала, о чем мечтала?

Она смотрела на луну –
луна таинственно сияла,
И тень, и чернь в степях гоняла,
и расплзалась в глубину.

Она ждала ее прощенья,
не веря в сердца черный мрак.
И выстрелом пусть будет шаг,
пусть не дождется там спасенья!

Она ждала ее тепла,
и взгляд был полон восхищенья.

Она в душе еще спала,
но сердце ринулось в мгновенье
к луне. Луна ее звала.

Болею

Раскрасить бы небо в ярко-красный,
представить, что это огонь и пепел.
Тогда бы казалось, что небо краше,
тогда бы в груди уловила трепет.

Тянуться бы к небу, согреть бы руки,
направить замерзшие пальцы к пеклу.
Услышать рыдания неба. Звуки,
что так надоели блудному ветру.

Тогда я, наверно, живой была бы,
дышала бы полной грудью небом,
но ангелы очень... очень слабы...
Мы, умирая, уходим в небыль.

Когда мечты – мои крылья, что же...
Срывать их руками. Бросить в лету.
Смотря на небо, замерзнуть лежа,
и не под силу согреть ни свету,

ни солнцу. Только лежать,
как льдинка,
Тянуть лишь руки и плакать. Небу
не больно. Только дождя слезинка
сорвется с тучи и снова следом

за нею дождь. И слеза за нею.
Моя слезинка к щеке прилипнет

лишь ставшей льдинкой. А я болею,
болею небом. Болею. Гибну.

Ты – грусть моя

Если бы я могла передать тепло,
если бы сердце билось
чуть-чуть быстрее...
Просто я разбивала рукой стекло,
просто ведь боль становилась
чуть острее,

переливаясь в венах, металась прочь,
то оставляя шрамы на сердце мне.
Папа, скажи, могу я тебе помочь?
Пусть ты хоть там,
пусть помощь моя извне.

Я, разлетаясь на тысячи голубей,
в каждом небесном взгляде ищу тебя,
яро срываюсь душой от земных цепей,
при неудачах лишь ухожу в себя...

Ты защищаешь душой так,
словно волк.
Осень, зима... просто во времени я
вдруг затерялась.
Вой же в душе не смолк,
знаешь, ты – счастье, гордость,
ты – грусть моя.

С каждой минутой
люблю тебя сильней,
время с тобою в памяти... так тепло.
Где ты смеешься,
где ты смешишь друзей,
где не разбито счастья еще стекло.

Ты улыбаешься искренне (тяжело),
ты не покажешь боль свою,
ты сильней.

Вдруг все застыло,
и снегом все замело...
И я осталась одна до скончания дней.

Если бы я могла передать тепло,
если бы я услышала сердца стук,
если бы болью душу хоть не свело...
Если бы все на свете умолкло вдруг,

чтоб услышали люди мой крик немой,
чтобы узнали: грусть моя – это ты!
Я выхожу – и снова, и снова в бой!
Только в раю увижу твои следы.

Мне кажется, что дождик в октябре
на самом деле – это души мертвых,
что так тянулись издали к земле.

Воспоминания в памяти не стерты.

Они спадают с облаков немых
и, забываясь в чудном том полете,
стремятся в мир иной,
в наш мир живых.

Наверное, и вы тогда поймете...

В дождливый темный вечер, умерев,
я полечу к высоким облакам, и там
скажу одно, что дождик в октябре

на самом деле – это души мертвых.

Собирая осколки
жестоко разбитой души,
Улыбаясь всем встречным,
от старта к финалу спешить.
Путеводные звезды разбив,
потеряться в глуши,
С раной лишь на душе
в одиночестве там остаюсь.

Разделяя желанья на явь
или небыль, бежать –
Так, что ноги не чувствовать,
каждому встречному лгать,
Что в порядке и только!
Скрывая, душевно страдать,
Никому не поверю
и я ни в кого не влюблюсь!

Грезить ночью. В кошмарах
не видеть улыбку твою.
Умолять, умолять
согласиться тебя на ничью,
Собирая осколки
убитой любви на краю,
Обещаю тебе, обещаю,
что я не сломлюсь!

Анзор Газиев

Родился 3 октября 1991 года в станице Наурской Чеченской Республики. В 2010-м году окончил Наурскую среднюю школу №1 и в том же году поступил в Чеченский государственный университет ИЧиОФ (отделение журналистики). Студент 4-го курса. Помимо литературы интересуется кинематографом. В 2010 году попробовал себя в качестве кинодраматурга: написал сценарий к короткометражному фильму «Отражение», ставшему финалистом Всероссийского конкурса студенческих видеопроектов, проходившего в Томске. В 2011 году в соавторстве со школьным товарищем Расулом Курумовым написал сценарий к первому полнометражному фильму на чеченском языке «Генара суйёре» («Далекый вечер»). Любимые книги: «Зелимхан» Магомета Мамакаева, «Седой Кавказ» Канты Ибрагимова, «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера, «Скорбь сатаны» Брэма Стокера, рассказы Антона Чехова, Амброза Бирса.

Из прошлого с любовью

Рассказ

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как Адам Барзуков виделся с ним в первый раз, будучи на тот момент учеником четвертого класса. Тогда Адам представить себе не мог, чем закончится эта, казалось бы, вполне безобидная встреча. Сегодня, когда Адам встретился с ним в очередной раз, он смотрел на него, лишенный дара речи.

А начиналось все, когда в один из солнечных майских дней Адам возвращался со школы после уроков. Вместе с ним, как и всегда, был его товарищ Зубайр. В отличие от Адама, который учился на одни пятерки, Зубайр, его одноклассник, считал все эти уроки, домашние задания, оценки весьма бесполезным делом. Но... Зубайра нельзя было назвать глупым мальчиком. Если ты являешься его ровесником и принял решение ему сообщить о том, что ты так считаешь, тебя могли ожидать большие неприятности. Ведь Зубайра боялись даже ученики пятых и шестых классов. Именно поэтому Зубайра нельзя было назвать глупым мальчиком. Адам, как вы могли догадаться, был полной противоположностью Зубайра – он не любил драки, хорошо учился, слушался родителей, но, несмотря на это, они с Зубайром были друзьями. И еще. Зубайр обладал необыкновенным даром убеждения, именно поэтому сегодня Адам не совсем возвращался после уроков, как это было сказано выше, – он сбежал с уроков. Зубайр настоял на том, что лучше пойти поиграть в футбол, вместо того чтобы сидеть на скучной математике, которая, по его словам, никогда в жизни не пригодится.

Если вы думаете, что знакомство с персонажами в предыдущем абзаце имело какую-либо необходимость, то вы ошибаетесь, потому что это не имеет никакого отношения к основной сюжетной линии. Просто история очень короткая сама по себе и ее, в принципе, можно было бы рассказать и двумя предложениями, но тогда сами понимаете: рассказ не был бы похож на рассказ, а выглядел бы, как... В общем, неважно, так как вы поняли мою мысль, ведь ваш покорный слуга счел за честь ее доходчиво донести. Адам и Зубайр могли бы быть в этой истории круглыми отличниками либо круглыми двоечниками.

Все равно это не имеет никакого значения, как уже было сказано, а написано все было в основном для того, чтобы у рассказа был объем, который обычно бывает у рассказа. Наверно, читателя это не устраивает, зато автор с вами честен, в отличие от многих авторов, которые делают то же самое, но не имеют смелости признаться в этом и создают иллюзию того, что все это необходимо для цельного представления. Бред! Подлинную цель я выложил вам в этом абзаце. Скажите спасибо, что я обошелся без описания местности, погоды, внешности и прочих ненужных вещей, к которым прибегают мои коллеги. Но, не будем о них, лучше вернемся к нашей истории, вам, наверно, интересно, что было дальше.

Адам и Зубайр вдоволь наигрались в футбол в то время, как у них в классе шел урок математики, после чего они разошлись и каждый направился к себе домой. Адаму оставалось идти еще полкилометра, когда он случайно повстречался с еще одним своим одноклассником Марваном Бакаевым. Марван, в отличие от Адама и Зубайра, никогда не пропускал уроки и в отличие от Адама, никогда связывался с хулиганами, вроде Зубайра. Потому что Марван знал, что ни к чему хорошему такие компании не приводят. Марван сказал Адаму, что им интересовалась учительница математики и, подозревая, что он сбежал с урока, намеревалась поговорить с его родителями. Адам пытался быть таким же твердым, как его товарищ Зубайр:

– Пускай говорит моим родителям, что хочет, я все равно знаю, что игра в футбол куда интересней и полезней, чем математика.

– Ты так говоришь, потому что Зубайр так говорит. Сам же лучше всех знаешь математику.

– Она мне надоела в последнее время.

Пока они говорили о математике, к ним неожиданно подошел старик в лохмотья. Он обратился к Адаму – попросил помочь перетащить две небольшие сумки до остановки. Адам сделал вид, что не слышит старика, ибо вид его не внушал доверия. Но Марван решил помочь ему и двумя рейсами донес сумки старика. После чего старик поблагодарил мальчика и признался, что он на самом деле волшебник, а того, кто откажет ему в помощи, ждет страшное проклятие, которое постигнет его через четырнадцать лет. Тот же, кто согласится ему помочь вправе загадать желание. Марван не поверил старику, но, чтоб не обижать, его загадал желание, а потом спросил:

– А почему именно через четырнадцать лет?

– Не знаю! – сказал старик и тут же уехал, сев в автобус, притормозивший на этой самой остановке.

Марван вернулся к Адаму и все ему рассказал, Адам лишь громко рассмеялся. После чего они разошлись по домам.

И вот спустя ровно четырнадцать лет Адам возвращался из университета и вновь увидел старика на том же месте, но лишь на долю секунды, потому что старик скрылся в толпе. Но этого было достаточно, потому что Адам вспомнил его и понял, что старик тогда не соврал: Адама в этот день действительно постигло страшное проклятие. И что самое интересное, читатель знал, что за проклятие его постигло, причем знал с самого начала. А для того, чтоб читатель понял, что он действительно это знал, советую ему прочитать последнее предложение первого абзаца.

Что касается Марвана, его желание тоже сбылось. Желанием Марвана было стать писателем. Очень талантливым писателем.

Марван Бакаев. 28.03.2014

Валид Докаев**Странный ангел**

С небес, которым нет конца,
Упало нежное перо –
Как знак, что милые сердца
Всегда пребудут заодно...

Смеешься?! Знак не слишком явный?
А эти вянущие травы?! –
Ужель не знак твоей любви?
Опять в глаза смотрю твои –
Они смеются... от любви.
Они – моей мечты оправа...

Снежинка падает с небес...
Не смейся... это тоже знаки
Того, что чудо из чудес –
Мой ангел – вредный забияка...

Так и уйдешь...

Так и уйдешь, не зная, как любима!
Исчезнет свет того,
 что между нами было...
Я перестану думать о Тебе?!
Ты перестанешь думать обо Мне?!

Ты сможешь на минуту позабыть –
Как этот мир вдруг стал
 с ума сходить?!

Последнюю свечу
 не ставь мне в изголовье.
Глаза закрою... что мне этот свет?!
Пока живу я – одари любовью,
Которой скорби и преграды нет!

Душа в разлуке... вечная разлука.
Зачем еще и сердце разбивать?!
Мы ведь уже не сможем
 друг без друга –
Не верить, не любить, не ждать...

Последний поцелуй... Пусть будет он
 воздушный.
Отправь его в пространство –
 я найду.
Но сердцем не бросай...
 не будь бездушной!
Оставь в нем место на мою беду...

Хочу остаться для тебя

Мы не живем на свете дважды...
Меня не станет, и однажды
Проснется утро без меня.
Непреходящей нежной жаждой
Хочу остаться для тебя.

Хочу журавликом бумажным
Скользнуть из нежных рук твоих.
Пусть сделают улыбку краше
Воспоминанья дней моих.
Мы не живем на свете дважды...

Когда ты вспомнишь обо мне,
Прошу, мой ангел, улыбайся!
Ну, а пока, не расставайся
Со мной ни в сердце, ни во сне.
И только сердцу отзывайся...

Когда ты вспомнишь обо мне,
Прошу, мой ангел, улыбайся...

Оттого печальнее и дивней...

Расползлась, расплылась, разлетелась
Лужами, в туманах, журавлях
Осень... ну, а мне еще хотелось
Погоулять в осенних тополях.

Я хотел увидеть, как, взлетая,
Тает небо в лужах голубых.
Видеть, как пьяняще-золотая,
Гладишь кудри тополей слепых.

Магомадова Бана**Марнана**

Комеди

Дакъалоцуруш:

Хункар-Паша	– 40 шо
Жанета – цуьнан нана	– 60 шо
Тумиша – цуьнан х1усамнана	– 36 шо
Малика – юьртара йохкархо	– 37 шо
Камета – цуьнан накъост	– 37 шо
Бетар – юьртахо	– 45 шо
Леча – Хункар-Пашин шича	– 50 шо
Якъуб – юьртахо	– 39 шо
Тоита – юьртахо	– 38 шо
Бач1а – цуьнан майра	– 41 шо
Зайнап – лулахо	– 34 шо

1 сурт

Юьртара туька. Делкъа хан. Малика туьканахь болх беи ю. Туьканан да а ю Малика. Цунна накъосталла деш цу чохь ю Камета а. Сонехь лаьтта Хункар-Паша, безамца г1ийла б1аьрг а беттаиш Малике. Цаяшарца Хункар-Паше хьобжу и ший, ела а кьежаиш.

КАМЕТА. Хункар-Паша, ма г1ийла б1аьрг бетта ахь Малика йолчу аг1ор. Стенна сагатдо техьа ахь? Стен хьийзаво-те хьо? Алахьа, хьайна х1ун лаба? (Жима ши зуда ган а гуш йоблу). Х1ора дийнахь кхузахь ву-кх хьо. Эрна хан-м ца йойбу-те ахь. Ма къахета суна хьох. Алахьа, х1ун боху хьан даго?

ХУНКАР-ПАША (*ша лаьттачохь тохало*). Хьуна ма хетахь сох къа, хьайх хетахь, сох Маликина хетар ду хьуна. (*Цхьа б1аьрг а къовлий кьежаиш Малике хьожу*)

КАМЕТА. Маликина а ца хетахь х1ун дийр ду ахь? Хьуо ас Маликера схьаваккхарна-м ца кхоьру хьо? Схьаваккхича х1ун дара-те хьо? Ца го хьуна, ц1арула ц1ен басар беттах а хьаькхна кечьелла-кх со хьуна хазьялархьама. Хьом вац соьга схьахожуш а. Йог1ур а-м яцара со хьобга.

Юха а йоблу ший а, самукъадаьлла.

ХУНКАР-ПАША. Эрна къахьегна ахь. Хьан докъана хьакха и басар а! Ма товш а ду хьобгахь и дан-м ткъа. Хьом х1унда ца йог1ура соьга ас хьо йигча-м! Амма сан даго къастийнарг Малика ю-кх! Так что, эрна хьаькхна ахь и кондукторски ц1ен басар. Со Бетарца хьуна захало дийца воллу и басар д1а а ца доккхуш диталахь. Хьанна хаьа вог1ий хьакхочий а.

Ши зуда юха а самукъане йоблу. Малика лекхачу дег1ехь, юьзна дег1ан меженаш а йолуш ю. Горга-ц1ечу беснеш т1е к1аьгнаиш х1уьтту елаелча, гучуьбийлу мог1ара к1айн цергаиш. Сийна б1аьргаиш самукъане хьобжу дуьнене. Амма юьйцу маттана сиха ю бохуш.

МАЛИКА. Дийцалахь х1окхунна Бетарца, цуьнга йохуьйтур ю вайшиммо х1ара.

КАМЕТА. Дика дайна г1ан ду шуьшинне а. Суна-м ца оьшу 1еттийначу шайт1анах тера волу Бетар, и кьаркьан кад.

ХУНКАР-ПАША. 1ийр ду-кх, шаьшшинне цхьанне «кад» а бетташ. Со хьуна оьглазвахана ву. Дуьйцур дац хьуна захало ас. Ас хьобга сайна дийца аьллера Маликица захало. Ткьа хьо х1ун деш ю? И тхьоз мара болчу Якьубана захало дуьйцуш ю, седа дуьхьал и варг. Сан собар кхачош ду цунна. Сан куьг т1едодахь-м и цуьнан «видуха» ж1аьлин багара ваьккхича санна хир ю хьуна! *(Ши буй вовшахтуху оьглазе б1аьргаш а кьарздой)*

КАМЕТА. Мича ю со цунна дуьйцуш, хьуна дуьйцуш ю-кх. Хьо нийса ца кхетта. *(Ша-шега: «Хьо ваа ж1аьлеша, ма хаза а ву ван-м»). Малика йоблу, х1уьтту беснеш т1е к1аьгнаш. Хункар-Паша ши б1аьрг а ирбина хьобжу цуьнга).* Ахьа х1ун до, Хункар-Паша, кхокха а вина? Т1о гинчу цигиго санна беттах мотт ма хьобкху ахь, Хункар-Паша, Малике а хьобжуш. И ахь деш долу кьурдаш х1оккха схьахезаш ду-кх. Ларлолахь, туй легашка а иккхина садукьлур ду хьан.

*Хункар-Пашас Камета йолчу аг1ор куьг лестадо моза д1аьккхош санна,
Маликина т1ера ца боккху б1аьрг. Радиохула нохчийн эшар хеза.*

ХУНКАР-ПАША. Дависса, Малика, вижар-г1аттар а доцуш висина-кх со хьан ойланаш еш: х1ун дича х1ун хир дара-те, х1ун дича хьо сан хир яра-те, бохуш. Соьх кьахета мегар дац ахь? Сан деган зезаг, сан к1айн кхокха, сан сатедеш долу сирла шовда. Ма ялахьа дуьхьал, йолахьа соьга. Дерзийтахь вайшиь цхьаьна новкьа. *(Йиш локху)* «Баттал хаза ю сан Малика, малхал хаза ю сан Малика...» И локкху эшар вайшинна локкхуш ю-кх.

МАЛИКА. Ва-а, Дела, валалахь орцаха! Цо дуьйцург! Меттавола Хункар-Паша. Раз а ваьлла сеттинчохь ма виси хьо!

КАМЕТА. Делах тешна! Делах тешна! Ашх1ада деша Хункар-Паша. *(Малика йолчу аг1ор схьаг1урту Хункар-Паша).* Стой! Хьуо волччохь сацалахь! Ахь х1ун до хецаелла говр санна чуг1ерташ. Цомгуш-м ца хилла хьо, Хункар-Паша? Мерах шок ма йолаели хьан.

ХУНКАР-ПАША. *(соцу ши куьг вовшах а тухуш)* 1айт! Ц1е яла, Малика, хьо ца езачу кертахь! Куьйгаш т1е а йиллина лелор ю-кх ас хьо соьга яг1ахь. Делан дуьхьа йола соьга! *(куьйгаш схьакхарстадо).*

МАЛИКА. Делан дуьхьа хьобга еьча, маре маца г1ур ю, ва Хункар-Паша, а?! Ма ехьа и кьиза забарш. Со куьйгаш т1е а йиллина лелор ю боху ахь, ткьа хьайн Тумиша мича йилла волу хьо?

ХУНКАР-ПАША *(оьглазе куьг ластадо).* Делахь ма йийца соьга и! Стена хьехайо ахь и? 1адда шен берашца чохь 1аш ю-кх иза, вайшинна новкьа а яц. Т1аккха, Малика? Маца йог1у хьо соьга? Тховса вала хьо ца езарг! *(Куьйгаш вовшах а тухуш цергаи хьекхайо).* Хьуо маца йог1у алахь, доьху хьобга?

КАМЕТА. Когда рак на горе свистнет, олуш хезний хьуна, Хункар-Паша? Хьан нанас ма йоккха ц1е тиллина хилла хьуна, хьо шинна метта хир ву моьттуш ойла йина хир ю цо. Ткьа хьо вац цхьаннан метта а.

ХУНКАР-ПАША. Пешах тоьхна шиь ян езар-кх хьобх! Хьо д1асоций, шайт1а?!

МАЛИКА. Ахь цкьа яла ма йина Тумишийна т1е зуда. И х1унда яхара д1а? Тумишин куьг т1едаханчул т1аьхьа астаг1 а лелхаш «к1ур» беьхира боху цу хьан нускало. Ткьа цо хьуна ластийна шалгу хьо д1а а телна кертах дог1а а делла дисина бахара. Соьх-м летар яц Тумиша?

ХУНКАР-ПАША. Бакь дацара наха дуьйцурш-м. Т1е ма лецахь. Хьуна ас х1умма а дойтур дац цуьнга, тешахь.

Ши зуда цхьацца г1уллакхаш деш хыйза.

КАМЕТА. Цу шалгу буюхье а воьллина идон везаш хиллера хьо Тумишас.

ХУНКАР-ПАША. Хьо 1ад1ахьара и Малика суна реза хир яра, хьо ю-кх и суна берта ца йоуьйтуш ерг, маймал хьо ма дара! И Якъубе яхийта г1ерташ ма ю хьо. Цуьнан х1ун хазделла а хаац хьуна. Шалгу дера 1отта дезара хьуна.

КАМЕТА. Суна ца хазвелла иза, Маликина хазвелла. Хункар-Паша, схьахьажахьа цкъа: Якъуб бизнесмен ву, значит, цуьнан ача а ду, бохча а ду, зуда а яц. Ткъа хьан х1ун ю? Х1умма а яц и цхьа т1елхиг – зуда Тумиша йоцург.

ХУНКАР-ПАША. Хьо йисса и Якъуб велла! Хьуна х1ун хаьа, ахь дагар-м ца дина цуьнан ача? Со клезга теша цуьнан хьал ду аьлча. Сан хьолах дерг а ца хаьа хьуна.

МАЛИКА (*йоблу*). Хьуна иштта лууш хир ду?

КАМЕТА. Х1ан-х1а, ахь суна подарок ца эцца хьуна захало дуйцур дац. Якъуба ша подарок оьцур ю аьлла. Ткъа ахь х1ун оьцур ю суна? Шайшинна хьолах дерг-м шайна хууш дара шуна.

ХУНКАР-ПАША. Оьцур ю ас а. Хьуна матта т1е тасса ч1уг оьцур ю ас, и хьан мотт озийна ара а баьккхина ч1ениг т1е д1а а тоссуш. Сийна моьлкьа бу-кх хьо, шайт1анан нана!

МАЛИКА (*меллаша*). Д1аваха велара х1ара, Якъуб схьакхачахь х1ара бухахь а волуш реза а хир вац (*не1аре хьожу*).

КАМЕТА. Хьуо х1окху чохь вахвелча санна-м ца хетта хьуна, Хункар-Паша? Пора и честь знать, домой давай, жена зовет. Подарок Тумишина эца ахь.

ХУНКАР-ПАША. Хьо яра яцъян езаш. Вайн Делора ца вуьту ахь со Малике вистхила! Нитташ юккъе еттарг иманах-м тешне а яьллера хьо.

Ший а йоблу Хункар-Паших

КАМЕТА. Х1инцца... Тешаме вац хьо хьуо Маликица вита. Хьанна хаьа хьуна х1ун дагадог1у а? (*Чуйог1у юьртахь коьртаца дика яц бохуш юьйцуи йолу Тоита*). И мерах етта шок стамьелла хьан. Тешам боцуш вай хьо-м. (*Тоите*) Схьайобллахь, Тоита, хьо яр-кх т1е ца тоьаш ерг! Как твое дело, как твое тело? Х1ун деш ву Бач1а а, могошалла муха ю цуьнан? Хьо лан цунна-м хьаха еза ч1ог1а могошалла. Хьан могошалла кхин хийца-м ца елла?

ТОИТА (*Цхьаьна меттахь ца соцуш ши б1аьрг бу д1аса идош*). Х1ун до ахьа Бач1ин могошаллех, хьо лор-м яц? Ахьа стена сагатдо цунна? Сан майра 1адвиталахь ша волччохь.

МАЛИКА. Ма кхера хьо, Тоита, х1окхо забарш йо хьуна. Х1ара-м сацор яра вайшимма. Кхерам бац хьуна хьан Бач1а х1окхо хьеварна.

КАМЕТА. Со-м 1ад1аш ю, х1умма а ца боху аса-м. Хункар-Паша вар-кх корта д1акхетта йолу хьо д1а а яхийтина, Бач1ас шена жима нускал х1унда ца даладо-те, бохуш. Ша цхьа жеро лаха а лехна бохура Хункар-Пашас Бач1ийна ялон.

Тоита раз йоьрзий д1ахьожу Хункар-Паше, кхерабелла горгбелла ши б1аьрг, хье т1е а баьлла, схьахьоьжуш 1аш волчу. Меллаша т1ейолало цхьаь-ам дуййцуш ша-шена шабарш а деш. Хункар-Паша клегархуьлу.

ТОИТА. Бахара ахь?! Хьо вахьа беллараша! Хьо хьуьнан хьакха хьо ма ярра! Майра оьшуш хьан зуда ю-кх шена воцуш воу, 1ункар-паша хьо ма варра, Хункар-Паша аьлча а! Хьо ве седа дуюхьал! Хьайн зудчун, доьзалан дола дехьа х1окху туьканчохь а ца 1уьллеш. Хьан хьераьяьлчачу нанас д1асаетташ лелош ма ю иза ахь доккхуш г1о а доцуш, хьо кьаньелла г1абакх! Охьа а тоьхна ас т1е гош беттар ма бара хьуна...

Кхераелла дIа а тийна Тоите хьобжуш лаьтта Маликий, Каметий.

ХУНКАР-ПАША. ХIей! ХIей! Хьо хьабрдаьлла жIала ма йобллахьа суна тIе! Юха ца кхоче яха хьо! Цкъа а ма лойла хьан нана хьо яле ца елла йолу, бале ели-кх хьо. *(Раз а ваьлла пена юхехула неIарехьа гIерта Тоита а ларъеи).* ДIаяла ца боху ас хьобга?! БачIа хаа хьан докъана тIе хьо дIа а хецна Iаш волу. Ма йобллахьа суна тIе! ДIаяла!

Тешийтина неIарехьа хьоду Хункар-Паша. Иза аравалале, катухий схьа а оьций дохка охьадиллина долу доккха пластмассови бога кхуссу Тоитас Хункар-Пашина тIаьхьа, цхьана кога тIехь хьевзина охьакхетаза а йолуш. «БIамт» олуш доккха тата а долуш бога коьрташ а кхеташи, кхин юхахьажар доцуш араьккха Хункар-Паша. Мерачухула доккха са а доьлуш цунна тIаьхьахьобжуш лаьтта Тоита, къабрззий схьайоьрзу Маликий, Каметий йолчу агIор. Важа шиъ елаялар а дайна цуьнга хьабьжжичохь юьссу.

МАЛИКА *(меллаша)*. Дала ларве хьобх, Тоита! Сан пхьегIаш дIаса ма кхисса, ас йохка охьаехкина юй уьш-м. Хункар-Паша а лазий ахь бога а тоьхна, и вехь Iедало чуьоллур ма ю хьо. Хьо хIун эца еана ю? Хьайна оьшург алай сихха дIагIол.

ТОИТА. Суна указывать ма делахь, суна сайна хаьа хIун дан деза! ГIур ю сайна луьучу хенахь. Ека ма ека!

КАМЕТА. Сихха дIагIо. Хункар-Пашас милици ялон мега ахь шена тоьхна аьлла. И вийнехь хIун дан йоллура хьо?

ТОИТА. Ма зе ца хуьлура и вийча а. *(Ша-шена тIе кадета бедар нисъеи).* Я цуьнан милицех а ца кхобру.

МАЛИКА. Тхо обеде доьлхуш ду, ялал эций хьайна оьшург.

Чуволу Якъуб. Массо а цуьнга хьобжу.

КАМЕТА. Ма дика ду хьо веана *(къайлаха Якъубе хичаши йо Тоита араьккха бохуш).*

ЯКЪУБ. Вагга, Тоита, хьо яц иза? Цкъа юьззина къонах ю-кх хьо Тоита! Делора ю-кх. Со схьавогIуш БачIа гира суна, хьо лобхуш ву ша бохура цо, сихха дIаялолахь, и оьглазгIур ву-кх хьо хьелахь *(букъ тIера меллаша дIатотту неIарехьа).*

ТОИТА. ХIе-хIе-хIе! Стенна Iуьгту ахь соьх и хьайн куьйгаш?! Аса БачIийга дIа а дийцина и батт разйоккхуйтур ма ю хьан, нажжаз! Къонаха ю, тов, со! Хьо-м вац къонахаллех чо болуш а, еса хIума хьо ма ярра! *(Духььал тIамарш ластайо)*

КАМЕТА. Тоита, дIаяло хIинца дукха а ца луьйш, тоьар ду хьуна! Хьо ма чураели. Давай, до свиданья!

МАЛИКА *(эсала ала гIерта)*. Тоита, хьо хIун эца еана яра? Хьуна езарг вай лур-м ю. Алал хьайна хIун оьшу?

ЯКЪУБ. Сиха дIа а лой дIаяхийталахь!

ТОИТА. Суна сайна хаьа маца яха еза, ахь хан тоха оьшуш дац! Схьало суна саба! Аш-м хIумма а дага а ца доийта.

МАЛИКА. Лур дара хьаханора-м. Ахча а ца оьшу, ас сагIийна дуйту хьуна, хьо дIаяхьхьана хIинца.

ТОИТА *(ахча охьакхуссу Маликина хьалха)*. Ахь хIунда луш ду суна и сагIийна? Сан ворхIе да а ца лелла сагIа доьхуш! Хьан ерриг туйка а эцалур йолуш ю-кх сайна лиьча, ю КьорIанор!

КАМЕТА. Дика ду, дика ду. ХIинца дIагIахьара хьо, кхин бале а ца йолуш. Со оьглаз ма яхийталахь.

ТОИТА. Схъа ма екахъа! Хьобх мила кхьору (*катухий саба схъаоьцу*). Шен да хъакхийца воллийла цу Ынкар-Пашина! Со т'екхочур ю-кх цунна! Аса и туьта екор ю хьуна цуьнан юха а!

Сихха ара йолу. Чурчара доккха садоккху.

МАЛИКА. Дала хастам бу и д'аяхана. Камета, хьо ю-кх и карзахьккхинарг. Хьо 1а-м ца 1ий.

КАМЕТА. Суна х'лун хъара х'лара иштта дахлой (*елало*). Нана ма яла хъан, Хункар-Паша, ма вон вахар а хили тахана. Тоитас ма аллара, ван а ву Ынкар-Паша.

Малика а елало.

МАЛИКА. Виснарг а вуьйр ву ша ма боху цо иза (*йоблу*).

ЯКЪУБ. Хункар-Паши коча х'лунда яхана иза? Цуьнан ц'е ма йоху цо. И х'лунда хъехаво цо? Оьглазыхана ма ю иза цунна.

МАЛИКА. Х'локху чу веана вара иза, Тоитас чам а байина ваха-кх (*елар эккха*).

КАМЕТА. Ваха бохург, оьрсашна а дайна «слабо сказано» – к'лур бехьи! И боккха корта бекий цуьнан Тоитас бога а тоьхна. Малика, хъажахъа каг-м ца дина-те цо и? Докка охъадиллина дара и, ч'лог'ла тата-м делира цуьнан.

ЯКЪУБ. Г'лоза кхийда цуьнан куьйгаш!

МАЛИКА (*куьг ластадо*). Д'адаккхяхъа, х'линца х'лун до цунах кагделлехъ, иза д'аяхчхъана х'локху чуьра цу Хункар-Пашицане.

ЯКЪУБ. Малика, ас х'локху чу ма вайита ма яллера, х'лунда вайитина ахъ иза? Дика ду Тоитас иза эккхийна.

КАМЕТА. Иза х'локху чу ца вайита бакъо ма яц тхан – туька ма ю х'лара, шена луьург чу а воьлуш. Малика езаш ву-кх иза. Предложение руки и сердца ян веана вара иза, амма къамел чекхдаккха Тоитас ца вити-кх коьртах бога а тоьхна (*массо а вольу*).

ЯКЪУБ. Дика лаза ца вина-те? Бакъ цунна. На чужой каравай рот не разевай, оьрсаша ма аллара, Каметас ма дийццара.

КАМЕТА. Дика боху ахъа а. Ткъа хьуо муха ву? Себе ни «ам» – другим не дам, цу оьрсаша ма аллара.

ЯКЪУБ. Сихалла дика яц. Сиха дахана хи х'лордах ца кхетта, олуш хезний хьуна?

КАМЕТА. Хезна. Собардеш 1е хьо. Дукха цхъана меттахъ лаьттина хих х'лун хилла хъий хьуна? 1ам а хилла д'адаьлла. Кхийтин хьо?

МАЛИКА. Сихвала ца оьшу, Якъуб бакълоь. Собар де-еш д'ла 1ийр ду вайшиь.

КАМЕТА. Ну да, ну да. Какие ваши годы! Кхузза пхийтара волуш бен Якъуб а вац, цунна т'лаьхъахьиьна йобдуш хьо а ю. Сихалло садаьккхина – собаро лам баьккхина, олуш ду. Шайшинна лам боккхуш д'ла 1е. Хункар-Пашас тахана а д'лаюьгу Малика шега еьча. Суна сов'лат а до х'лара ас шега яийтахъ. Хезий хьуна, Якъуб?!

МАЛИКА (*йоблу*). Делан дуьхъа йола боху цо шега. Х'лара вара суна х'линца оьшуш.

ЯКЪУБ. Малика, шек д'ла ма ялахъа – вайшиь цхъаьна хир ду-кх (*шен даг т'ле куьг туху*). И Хункар-Паша вуьйцуш эрна хан яйа а ца лаьа суна. Вайшиь дуьйцур ду вайшимма. Ас т'лаьхъаре а и к'лумс йохор ю цуьнан Тоитас йохохъ йисина йолу.

КАМЕТА. Как раз хъайниг ша йохор ю бохуш вара иза а. Хъажа шайшиннан х'лун хуьлу (*радиочухула локхучу эшарна т'лаьхъара йиш локкху*).

МАЛИКА. Шен зуда а, бераш а лелийча тоьлу Хункар-Пашина а. Товш-м хир яра со цуьнга яхча. *(Камете)* Кхин болла сардам бац хьан?

КАМЕТА. Хьанна хаьа... Х1ара *(Якъубана т1е п1елг хьажабо)* 1ад1аш ву, важа каде хьийзаш ву. Под лежачий камень вода не течет, Якъуб, оьрсашна а дайна, метгах вала. Немножко туда-сюда давай, слушай.

МАЛИКА. Ма хьийзавехьа иза *(безамца хьожу Якъубе)*.

КАМЕТА. Хьийзаш вацара х1ара-м. Амма иштта 1ахь-м хи чу ши б1аьрг биллича санна вуйссур ву. «Х1айтт» алий хьовза Якъуб, «х1айт» алий. Хьо муха ву?

ЯКЪУБ. Тхойшинна юккье чим тасса г1ерташ лелаш ю-кх хьо, Камета. Тахана кьастор ду оха. Са ма гатдехьа.

КАМЕТА. Юккье цу тасахь а, зу тассахь а метгах вала дагахь вац хьо-м.

ЯКЪУБ. Цьхьаца г1уллакхаш ду сан д1адерзон дезаш. Машен хийца а дагахь ву со. Керла автозаправка а ю схьаелла езаш.

КАМЕТА *(Маликин лере меллаша)*. Х1окхунах кеста «жених» хир волчух тера дац. Х1ара дикка д1ататта веза.

МАЛИКА *(Малике)*. Муха? Ойла ян еза...

КАМЕТА. Стресс ян еза цунна метгах ваккха.

ЯКЪУБ. Шуьшиь х1ун шабарш деш ю? Соьга а дийциша.

КАМЕТА. Маликин кеста йина де ду. Х1ун лур ю ахьа цунна совг1атана? Там бара ахьа кхунна машин эца *(хуйьгаиш лестадо)*. Цьхьа иномарка.

ЯКЪУБ. Маликина-м мел доккха совг1ат дича а сов дацара. Амма зударий машин т1ехь товш бац. Со ду-кх х1окхунна совг1ат. Тобаш дац?

КАМЕТА. Машен т1е хууш яций иза-м, машин чу хууш ю. Т1ехь 1аш товш ца хилахь а, чохь 1аш-м товш хир ю хьуна иза.

ЯКЪУБ. Дукха лох хьо. Даима тхойшинна юккье г1урта хьо. Тхан барт бохалур бац хьобга. Ас машин юьгур ю, Малика суна юххехь хиьна 1ийр ю. Мегаш дуй, Малика? *(Лерина Малике хьобжу)*.

МАЛИКА. Со реза ю. Иштта товш хета суна а. Хьюо Камете лен ма вайта ахь.

КАМЕТА. Хахка шайна т1аккха. Дала бакьдойла иза *(шен месаш нисйо)*. Делахь а, Якъуб, расслабиться дей ма 1елахь, Хункар-Паша-м юха а вог1ур ву хьуна кхуза, коьртах бога кхетарх память д1а ма ца яьлла цуьнан. Кхуза бог1у некь бицбелла хир бац цунна.

ЯКЪУБ. Цуьнах-м к1езга кхобрура со. Юха а Тоита т1ехоьцур ю-кх. Цу Бач1ех а ца кхета со, и 1овдал зуда д1а а яхийтина шена зуда х1унда ца ялайоте цо? И зуда-м кхераме ю чуйита а.

КАМЕТА. Тоитас-м шен лулахо лелийна эккхийна цунна бел тоха г1ерташ, цо х1ара д1а а яхийтина кхин зуда ялае аьлла хилла боху Бач1ига. И хиьна Тоитина. Цундела цо кхин ала дага ца дог1ург вина-кх лулахо. Хункар-Пашина а 1итгарш йин шен зудчунна а, доьзална а дола ца до бохуш.

МАЛИКА. Юьйцуш ма ю Хункар-Пашиц нана несаца вон ю бохуш, г1ело йо боху цо Тумишина массо х1уманна т1ехь. Йист ца хуьлу боху важа марнене.

КАМЕТА. Жанета-м хьаха ю «палец в рот не клади». Цьхьа шех терраниг дуьхьал яьлча озалур яра иза а.

*Чуволу Бетар – вуткьа веха, хенал хьалха кьежбелла корта, б1аьрса дика доцуш санна б1аьргаиш хьебадеш хьажар, юткьа еха батт, хийра цергаиш.
Сих-сиха маларх кхеташ а ву Бетар. Тахана а ву мелла.*

БЕТАР. О-о х1ай! Х1окху чохь-м йовха компании ю. Здрасти вам! *(д1асалеста)*

МАЛИКА. Ой, и бохург х1ун ду? Хьюо а кхетта хилча, тхо а мела ду-м ца моьтту хьуна, Бетар?

БЕТАР. Вай! Мох хьакха вай цадезачу керта, дуй хьуна, деца хьуна. Суна моьттуш дерш-м генахь дара, Малика. Вон элира ахь суна, хьайн доттаг1чунна хьалхахь, кхетта ву аьлла, дуй хьуна, деца хьуна, вон элира.

КАМЕТА. Х1ета, ни в одном глазу, оьрсаша ма аллара. Хьобгара долу иштаниг? Не верь глазам своим ду-кх.

БЕТАР (*Якьубехьа вьорзу*). Салам 1алайкум, сан ваша! Ахь соьгахьа г1о а ма ца доккху.

ЯКЪУБ. Ва 1алайкум салам! Хьо-м хьуо а ларор волуш вара. Хьо лаа ваьллий х1окху аг1ор сьха?

БЕТАР. Хьуний бен ван мегаш дац х1окху чу? Со а веана-кх сайн г1уллакх хилла. Маликас грузчик балха оьгур ву аьлла веана-кх со а. Хьо лаа лелий?

ЯКЪУБ. Со а вар-кх Маликица г1уллакх долуш веана, амма х1окху со тергал-м ца во. Ца веза шена боху.

БЕТАР. Делора тоьлу Маликина а хьо тергал вича. Нитташ юккьехь карийна вац вайшиь. Бакьлоьй со? Дуй хьуна, деца хьуна.

МАЛИКА. Хьуна х1ун хаьа, суна тоьлу я ца тоьлу? (*Елакьежа*)

КАМЕТА. Хьо мичахь карийна а ца хаьа тхуна.

БЕТАР. Д1а теллича шу зударий тхол а дукха хилла, цьхана к1антана масийтта зуда нисло, дуй хьуна, деца хьуна. (*Камете*) Хьан матта т1е хаа ю туху моза. (*Камета шек а йоцуш йоьлу*)

ЯКЪУБ. Иштта кхетаел ахь Малика. Деш-м яц ас бохург т1аккха а.

МАЛИКА (*йоьлу*). Иштта дийца ахь. Ахь йига аьлча а ма ца юьгу со. Сох г1оьртина х1умма а дац.

БЕТАР (*когаш т1ехь нисвала г1ерта*). Делахь, Якьуб, ма юьхь1аьржа х1оттий ахь со, дуй хьуна, деца хьуна. Йига аьлча а ца йиги ахь иза? Д1авала. Ца моьттура хьо иштта ву.

ЯКЪУБ. Бакь дац, ша яц йола аьлчи а реза хуьлуш, кхиниг везаш юй а ца хаьа (*ца вешаш велаькежа*). Ву кхуьнан сьхалесташ цьхаь.

КАМЕТА. Ши шо ду хьо сьхалесташ кхуза, кхин багара дош ца дужуш. Хьо иштта кхоьруш хилча х1ара йига, хьайн цахь 1ен веза.

БЕТАР (*когаш т1ехь нисло*). Подожди, собар, иштта ма алал ахь а Якьубе. Тхо-м хьаха дац кхоьруш.

КАМЕТА. Дера аьр-кх сайна ма луьу-м. Массийта зуда йог1у шуна? Йолчуьнга цьхаь а ца лелало, цьха а йоцучуьнга цьхаь а ца йигало. Кьонахий мича бахана?

ЯКЪУБ (*Бетаре*). Гой хьуна цара вайна дуйцург? Алахьа цаьрга.

БЕТАР (*шина зудчуьнга*). Цьц! Совцае багош! Кьонахий бац бохург х1ун ду? Тхойшиь вац х1окхахь?! Х1ах1! Дуй хьуна, деца хьуна. Шуьшиь х1унда...

Чехка чуйог1у Тумиша. Кьамелаш а совцадой массо а цуьнга хьожу.

Тумиша оьг1аза яхана хилар гуш ду. Цьха а тергал а ца веш

Маликехьа йьорзу.

ТУМИША. Сьхаерзал цкьа. Ахь сан майрачуьнга х1ун де боху. 1адвитахьа иза, ялахьа цунна т1аьхьара. Шен зуда а, доьзал а болуш стаг ву-кх иза, хьо оьшуш а вац. Хьайна майра оьшуш хилча хьуо яханчохь 1ен езаш хиллера.

Малика цец а яьлла хьожу Тумишига йист а ца хуьлуш.

МАЛИКА. Ахь х1ун до, х1ай зуда, хецаделла ж1аьла санна х1окху чу а иккхина? Со-м яц хьан майра оьшуш ахь т1аьхьа кхийсича а. Д1аялолахь суна х1окху чохь мохь а ца хьобкхуш.

КАМЕТА. Х1ей! Юхаозал! Ваше добро и даром не надо, оьрсашна а дайна, кушайте сами себе на здоровье! Цу т1ехь галяьлла хьо.

ТУМИША. Сьбга наха аьлла, иза х1окху чу х1уьттуш ву аьлла, со 1овдал ма хетал х1инца.

КАМЕТА. И-м такхийна валош ваций х1окху чу, ма вола аьлчи а чуг1ерташ ву-кх. Хьо зуда елахьарий-м г1ертар вацара, шен цаахь 1ийр вар-кх.

ТУМИША. Хьо яц х1умма а олу а! Хьан майрачо хьо эккха ма йина.

МАЛИКА. Сан г1уллакх оццул к1елдисина ду-м ца моьтту хьуна хьан Хункар-Пашига ца еьча. Кхерам бац хьуна, д1аялолахь д1аг1олахь х1инца.

ТУМИША. И хабарш а дуьйцуш т1аьхьара ма ца довлу шу.

БЕТАР. Собар! Собар! Сацабел шайн т1ом. Хункар-Паша стенна вуьйцу цо? Велла вала со, дуй хьуна, деца хьуна. Долчул а хаза ду х1ара.

КАМЕТА. Хункар-Паша ца ца кхаьчча х1инца а? Х1окху чьура-м д1ахьажийна иза коьртах бога а тоьхна.

БЕТАР. Велла вала со дела1, и бохург х1ун ду? Х1ара г1уллакх-м гена даьлла ма хилла со вижина 1ашшехь, дуй хьуна, деца хьуна.

Цхьаммо а жоп ца ло Бетарна.

КАМЕТА. Х1инца кхийтин хьо? Цунах цхьа кьонах а вина еана х1ара а.

ТУМИША. Хьо яхана хиллачул оьшуш ву ала-м ца йоллу хьо иза? Вац хьуна! Шен девешин ахча а лачкьийна ма лелла хьо яхана хилларг, ша гучуваьлча шен деваша вен а г1ерташ. Ткьа хьо хьайн марнанас муха юьйцуш яра юьртана а хууш ду.

КАМЕТА. Хьо хьан марнанас муха юьйцу а хууш ду-кх вайна, хьан пусар а, хам а мел бо (*куьг ластадо*). Д1аг1о д1аяла. И хьан 1ункар-Паша оьшуш цхьа а вац кхузахь.

ТУМИША. Со хьобца х1умма а дийца еана а яц, со х1окхуьнга луьйш ю – сан майра 1адвита.

МАЛИКА. Ца витахь х1ун дан йоллу хьо? Х1умма а дац ахьа дан. Хьуна 1ад1ийча тоьла, со кега а ца еш. Сайна лаахь со тховса а г1ур ю-кх хьан майрчуьнга, амма со лууш-м яц ахь со х1инца 1адйитахь.

БЕТАР. Хункар-Пашина хууш дуй аш лелориг. Де йисса х1окху к1ента, и-м кьуйьсуш ма ву, шена а х1ун ду а ца хууш, дуй хьуна, деца хьуна (*туй а тухуш ши куьг вовшаххьакхадо*).

КАМЕТА. Д1асацахьа хьо а!

БЕТАР. Дера ма саца. Давай, буй-г1ара ел, хьо г1ур хир ма яц Тумиша хьайх цхьа чам ца бойбуш. Камета через колено кхоссал, Тумиша.

Каметас букъ т1е буй туху Бетарна. Важа, кхералой, кхоссало.

КАМЕТА. Через колено хьаха ду ас шуьший кхуссур. Тумиша, тоьар ду хьуна, хьайн концерт а эций д1аяло.

МАЛИКА. Сиха г1олахь. Хьо иштта дика зуда хилча хьайна т1е зуда вон ялайтигна-кх ахь. Со кхеро ма г1ерталахь, со кхерон да ваьлла а вац хьуна. Айхьа хьайн майрчунна кхоьссина шалгу а дагадайта.

ТУМИША. И шалгу-м х1инца а долуш ду. Хьуна а 1уттур ду, хьо сан керта яг1ахь. Ас аьлла – хьуна хезна (*сихха д1айоьду*).

Цхьа а вист ца хуьлуш хан йолу.

БЕТАР. И х1ун дара? (*куьйгаиш вовшаххьекхадо*) Цец ма ваьккхи цо со, дуй хьуна, деца хьуна.

КАМЕТА. Хьо-м даима а вара цеце, шиша гинчул т1аьхьа.

Малика йист хилар доцуш лаьтта, ойланашка а яхана.

КАМЕТА (*Якъубе*). Хьо мотт сецча санна лаьтташ ма ву вистхилар а доцуш. Г1о а ма ца даьккхи ахь Маликехь.

ЯКЪУБ. Хаза-м хир вара со зударийн дов юккъа г1ерташ. Во-от, ас ма бохха хили-кх, иза х1окху чу ма вайта цундела бохуш ма дара ас. Шайна бале великх иза.

КАМЕТА. Кхин ала х1умма а дац хьан?

МАЛИКА. Х1умма ала оьшуш а дац. Со суо ю дика ларор йолуш.

БЕТАР. Вистхила со а ваьхар вац, Каметас букъ т1е буй тоьхна сан дог когашка дожий-кх. Делор ю ас хьо сайн зудчуьнга д1ахьейийр сайх куьйгаш тоьхна аьлла. Цо хьайна х1ун до хьажа хьо.

КАМЕТА. Хьажа а ца оьшу. Хьо хьанна а д1алур волуш яр-кх иза, желающих нет. Такое добро никому не нужно.

МАЛИКА. Муха ца оьшу? (*ела а къежаши*) Хункар-Паша ма вара хьуна ша Бетарца захало дуйьцур ду бохуш.

БЕТАР. (*ца кхеташи*) Х1ун бахара ахь?

КАМЕТА (*Малике*). Деладахьа а саца д1а! Ма тасалахь и суна коча. (*Бетаре*) Хьо вуьйцуш дац тхо.

ЯКЪУБ. Дера дар-кх шу-м Бетар вуьйцуш. Хьо ле во цара, Бетар, хьуо т1еха ма вайталахь.

БЕТАР. Суна а-м хезира сайн ц1е йоккхуш. Схьадийцал, схьадийцал, х1ун дара и?

КАМЕТА. Хьан къаьркъа ду хьан коьрте дуйьлуш, «белочкаш» хир ю ахь луьйцуш.

БАТАР (*оьглазе*). Вагта, ахь-м соьх алкоголик ма вин, дуй хьуна, деца хьуна. Ма дийцалахь соьга и ца тов къамелаш. Малика, со балха оьций ахьа? Х1окхучуьра х1инца сихха д1аваха веза.

МАЛИКА. Юха схьакхетахьа. Хьо кхин мелла гахь балхе дог а ма даха.

БЕТАР. Все, чекхдаьлла цу т1ехь. Ахь бохучунна т1ехь соцур ду-кх вайшиь. Якъуб, хьо тахана вистхилар ма ледар долуш ву, х1умма а йожа-м ца йоьжна хьан?

ЯКЪУБ. Сан цкъа а х1умма а южур яц, са ма гатде ахьа цу т1ехь.

БЕТАР. Х1ан, со воьду, девчаташ. Цхьа пачка сигаьркийн лол суна. (*Пачка схьаоьцу, ахча д1а а лой*). Х1окху юьртара зударех ларлолаш ший а, шайн майранаш шух ларбийр болуш бу уьш-м.

КАМЕТА. Хьанна оьшу х1окхеран майранаш? Т1уьхкаш, къонахий аьлча а.

МАЛИКА. К1адда а дийра дацара х1окхарам. Ма генахь ду царна моьттург.

БЕТАР. Со воьду Якъуб, хьо лаш вуй?

ЯКЪУБ. Д1авало, со соцуш ву.

БЕТАР. Хьо кхин вистхуьлуш вацахь-м ахь лийна а дан х1ума дац. (*Д1авоьду*)

ЯКЪУБ. Малике хьоьжущ лийча а тоам хуьлу-кх суна, я к1орда а ца до.

Малика елакьежа.

КАМЕТА. Платонически любовь ю-кх шуьшинне, схьадийцарехь.

ЯКЪУБ. Тхан любовь ч1ог1а ю хьуна. Зезаге хьоьжущ санна хазахета-кх суна Малике хьоьжущ.

КАМЕТА. От слова *халва* во рту слаще не станет, оьрсашна а дайна. Айхьа йигахь йига, ца йигахь айхьа д1алецна некъ д1ахеца.

Хьухь а вулий, чувог1у Хункар-Паша. Массо а цуьнга хьоьжу.

МАЛИКА. Хункар-Паша, ахь х1ун до? Цхьамма эькхийна воьгуш-м вац хьо? Тоита-м яц хьуна т1аьхьяьлла? Я Тумиша ю?

ХУНКАР-ПАША. Ма хъехаেলাхъ соьга и Тоита боху боьха х1ума. Тумиша еарий х1окху чу? Бетара дийцира соьга. Цунах ца тешаш хоьттуш вара со.

ЯКЪУБ. Хункар-Паша, корта-м ца лозу хъан? Медпункт х1окху чохъ ма яц, некъал дехъа вала деза. Тоитас ч1ог1а-м ца лазий хьо?

ХУНКАР-ПАША. Хъайн корта ма лазийталахъ. Сан коьртана х1умма а ца хилла. (*Зударика*) Еарий Тумиша кхуза? Х1инца еанехъ а, кхин-м йог1ур яц хъуна и!

МАЛИКА. Хьо лобхуш яр-кх иза. Обг1аз ч1ог1а яхана а яра. Ц1аваха ваьхъар вуй хьо?

КАМЕТА. Шалгу а дара цуьнгахъ. Хьо шалгу т1е вог1а йоллуш хилла хир ю-кх иза.

ХУНКАР-ПАША. Шалгу т1е йог1а езаш дера яра хьо. Питунан нана ма ю хьо. Хъайна дагаеьнарг юьйцу-кх ахъ. Сан дагахъ дерг, Малика хъуна хууш ду-кх.

ЯКЪУБ. Бакъду иза-м, и хъан зуда кху чу а иккхина, Маликин коча яхана хъийзи, шена т1е ма йола бохуш. Хьоьх озалуш хилча и яхъар а яцара, и болх лелон. Дола де хъайн зудчуьнан. Хъайн дагахъ дериг а д1адилле дита хъайгахъ.

ХУНКАР-ПАША. Ахъ хъехарш дан ца обшу суна. Хъан-м яц цхъа зуда а, бер а. Хьо ма ца къуьйсу цхъаммо. Масса зуда ялийна ахъ? Хьоьгахъ цхъа а лаш а ма яц.

ЯКЪУБ (*реза воцуи*). Суна цхъа а езаш ца хилла, цундела д1аихна уьш. Малика ю суна езаш. Соьга ша йог1у боху х1окхо, х1ара юьгур йолуш а ву со.

ХУНКАР-ПАША. Хъайга яг1ахъ. (*Малике хьоьжу*)

ЯКЪУБ. Х1унда ца йог1у? Йог1ур ю дера. Соьга ца еана хъаьнга г1ур ю иза. Дукха хан ю-кх со кху чохъ лаьтташ сайна хан йилла бохуш Малике. (*Маликий, Каметий цец а йолий вовшешка хьоьжу*)

ХУНКАР-ПАША. Т1аккха? Хан йиллиний хъуна? Со шек ву-кх ахъ зурма лакхахъ.

ЯКЪУБ. Йиллина лара мегар ду-кх. Ас аьллачу дийнахъ соьга йог1ур йолуш ю-кх иза. Тобий хъуна? Ткъа ас иза сайна луьучу хенахъ эр ду.

КАМЕТА (*обг1азе Маликин лере*). Хъажахъ, юхавели-кх иза хьоьга баккъал а хан йилла ца олуш. Пустомеля ву-кх. (*Якъубе*) Хьо ма тешна ву Малика хъайга мичча а хенахъ йог1ур ю аьлла. Кхана д1айига, ас д1айоуьйту хьоьга.

Хункар-Пашас бина къаьхъа къурд ца хеза цхъанне а.

ЯКЪУБ. Собар, собар! Суна хъалхара жоп ма лохъа ахъ. Впереди паровоза едда йоьдуш хуьлу-кх хьо даима. Айса ойла йина-а цхъаь дер ас.

МАЛИКА. Якъуб, со-м ладоьг1уш лаш яра ахъ дуьйцучуьнга. Соьга лаьий, ца лаьий хоттуш х1умма а ма дац хъан. Дог тешна ву-кх хьо ахъ аьлча дийнахъ со йог1ур ю аьлла.

КАМЕТА. Амма и де, суна схъахетарехъа, къастон дагахъ а вац.

МАЛИКА. Уггара лекхачу дин т1е а хиьна, дешех-детех воьттина хьо веьча а хьоьх бан тамаша болуш яц со-м. Со хъена мила ю ца хаьа хъуна? Ас сайх забарш цкъа а ца яйтина, йойтур а яц. Ахъа аьллачу дийнахъ со цкъа а йог1ур яц хьоьга, суна луьучу дийнахъ бен.

Массо а, цец а волий, хьоьжу Малике.

МАЛИКА. Хункар-Паша, Якъуб! Соьга дикка ладог1ал шиммо а. Т1едог1учу к1ирандийнахъ суьйранна барх1 сахът даьлча со йог1у шуьшинге...

ЯКЪУБ. Ахъа х1ун дуьйцу? Ойла йой ахъ айхъа дуьйцучуьнан (*цецволий д1аса хъийза*).

ХУНКАР-ПАША (*вовшах хьовкху куьйгаи а Луьйдуи лаьтта*). Малика, дукхаяхарг, кхетавехьа айхь дуьйцучух. Со вуьйцу хир ву ахь.

Камета, разйолий, сатта а сеттий, бага а глаттайой, Малике хьовжу.

МАЛИКА. Аш х1ун до массо а цец а ваьлла? Со дийцина яллалц собар де. Ас ма аллара к1ирандийнахь барх1 сахьт даьлча цхьа миллион со арайолург а дахьаш шуьшиннех схьавеанчуьнга г1ур ю-кх со. Камета, ахь арайоккхур ю со, миллион хьайга со арайоккхург схьаделлачуьнга со д1алур ю ахь.

ЯКЪУБ. Х1ах1! И х1ун забарш ю ахь еш ерш? Хункар-Пашина юххе стенна х1иттаво ахь со?

ХУНКАР-ПАША. Ма кхера, ас хьо сайна юххе х1уттуьйтур а вац, хьайна меттхь 1елахь, цигахь товш ву.

ЯКЪУБ. Со реза волуш кьамел дац ахьа дийриг, Малика.

ХУНКАР-ПАША. Хьо реза хилале даг1ахьара кьемат шо, йомал кьемат шо маьхьшаре даллалц 1елахь реза ца хуьлуш.

ЯКЪУБ. Ахь х1ун дей, накьост... Ас и кьамелаш сайга...

КАМЕТА. Ашшимма х1ун до ши н1аьна санна, вовшешна чуг1ерташ?

ХУНКАР-ПАША. Къинт1ера яьллаш ший а. Малика, ахьа алларг ас кьобал а дина т1елаьчна-кх. (*Жимма ойла йо*). Рицкь дерриг хир ду-кх, дацахь т1аьхьа идча а эрна ду.

МАЛИКА. К1ирандийнахь барх1 сахьт даьлча х1окху чохь вовшахкхетар ду вай.

КАМЕТА. Цара шимма а дахьахь х1ун дийр ду ахь? Хьанна хаьа дагахь доццург хилахь...

МАЛИКА (*Каметин лере*). Якъуб яхье ваккха г1ерташ ю со. Со теша и вог1ург хиларх. (*Ч1ог1а олу*). Шимма а дахьахь ас шуьшинна юккьехь кьастам бийр бу-кх. Иштга ду-кх шуна.

ЯКЪУБ. Со кхийти ахь бохучух. Ас миллион ца дахьахь соьга ца йог1у хьо? И муха безам бу? Ахчанца боьзна хуьлуш хуьлу безам?

КАМЕТА. Ас дош ло хьуна, Якъуб, х1ара хьобга яийта ахча ца деьчи а. Схьавола хьо...

ХУНКАР-ПАША. Озийна мотт схьабаккха безара хьан Камета. Со мича хьо ахь?

КАМЕТА. Хьо Тумиша йолче вохуьйту. И подальше, оьрсашна а дайна.

ХУНКАР-ПАША. Хьо яха т1урнене! Суна ма доьхьал яьлла хьо.

Ши зуда лерина Якъубе хьовжу. Важа ойла еш лаьтта, вистхилар доцуш.

МАЛИКА (*юьхь реза йоцуш кхулу*). Ас аьллачу т1ехь ду-кх шуна. Миллион дахьаш схьавола ший а, т1аккха дуьйцур ду вай.

КАМЕТА. Ахь боххург дийр ду-кх вай т1аккха. Соьга хаьттича-м...

(Керахь г1аж а йолуш туькана чу эьккха Тоита. Ши б1аьрг т1е а баьккхина д1асахьовжу цхьа-ам лобхуш массо а цец а волий цуьнга хьовжу).

КАМЕТА. Картина называется «Не ждали»! Тоита, х1инца х1ун йиссина хьан х1окху чохь? Хьо дийнахь шозза гар даьленина а дика дац-кха.

МАЛИКА (*сиха дог1а схьавоьцу*). Тоита, со обеде арайолуш ю, туька д1акьовлуш ю, массо а д1аваха мегар ду.

ТОИТА. Хьайн бетана тоха ахь дог1а суна а ца тухуш! Соьга Бетара элира и Хункар-Паша аьлча а, и 1ункар-Паша х1окху чохь ву аьлла. Со и лохуш ма яра. Суна т1е зуда ялайта лууш вара хьо? Ас йийр ю хьан болх. (*Г1аж ирах а йохийтий т1ейололо*).

ХУНКАР-ПАША (*к1егар эьккха*). Хьо е седа дуьхьал! Кхуза а т1аьхьакхечи-кх хьо. Хьан а, Бетаран а ши дакьа текхадойла ж1аьлеша. Питана туьйсуш

и мотт бетташ лелаш ву-кх иза. Со а кхуза вайити, Тумиша кхузахь ю аьлла, ткъа хьо суна тлаьхьа яйити. Со кхочур ву цунна тле. Ма глергалахь суна тле, гломах схьадаьлла глам! Хьо суна тлеяглахь, ас и хьан керара глаж хьан букь тле йиттина кагийир ма ю, Делан мостаг1 хьо ма ярра! Д1аяла ца боху ас хьобга!

Хункар-Паши д1а а эккхий, Якъубана юххе нисло Тоита.

ЯКЪУБ. Тлехьяллахь суна, длогехь ву хьуна хьан доттаг1а (*Хункар-Пашина тле плег хьажабо*). Цхьатерра ду ший а. Тлеяхийта цунна глаж! Коьртаца цхьаь ду шу ший.

Тоита, саца а соций, Якъубе хьожу.

ТОИТА. Хьан х1ун ду сан коьртана ала?! Хьо х1ун ю ян-м тлаккха? Сан дега дечге дига вир доьхуш лелла волу хьан да! Х1инца хьо «крутой» а хилла д1ах1обьттина? И аьшпаш а буьттуш йолаелла лелаш йолу еса х1ума. Нецаш биьначу куйнах тера йолу и юьхь цоьстур ма ю аса хьан м1араш тиссина.

Глаж ойбу цунна тоха. Важа дуьхьал куьг а луййуши к1егароьху. Ши зуда а ладийча санна лаьтта, цуьнга хьобжуши. Якъуб Хункар-Паши волчу аг1ор д1аг1ерта шена тлаьхьа Тоита д1а а юьгуши. И ший лардеш лаьтташи волчу Хункар-Пашиас Якъуб шена тленислушишехь, бахбой схьа а бойтий, ког тосу Тоитина кога к1ел. Цхьа а ган а ца кхиаво цо и деш Важа когаши тлехь галл а йолий, глаж а керахь куйгаши а лаьтадой дег1ан дохала Якъубана тлеюжу. Ший а охьадужу бухахь Якъуб а волуши. Ша бехке воцуши санна шен когаши д1а а нисбой д1ах1утту Хункар-Паши воккхаверца цу шинге а хьобжуши. «Вай, Дела! – цхьанни мохь болу Малике а, Камете а. Якъуба кадетта шена т1ера Тоита д1аяккха г1ерташи. Эххар а кхуссий д1айохуьйту. Хьала а г1оттий шена тле куьг детта чан д1айоккхуши.

ЯКЪУБ. Х1окху чу варах дохковаьккхина-кх аш со. Д1аяккха х1ара кху чуьра! Ас ж1аьла санна арайоккхуссу иза!

ТОИТА. Вай сан Дела! (*Глаж лобху*). Ахь х1ун до суна т1еветталуш. Ва-а Бач1а! Велла вала хьо дела! Эхь ма деана хьуна тле! (*Глаж оьций т1ег1ерта Якъубана*). Бач1а схьавола! Ас хьанал дина хьуна х1окху ж1аьлийн ций, ве х1ара! (*Ши зуда тле а йодий Якъубана дуьхьал х1утту*).

МАЛИКА. Д1аяла, ахь х1ун до, хьераьялла хьо?

КАМЕТА. Д1ачудилла хьайн тур. Д1асаца!

Сихонца туькана чувозгу Бач1а.

БАЧ1А. Хьо х1окху чохь ю? Хьо лобхуш лелаш ма вара со. 1уййранна дуьйна араьялла ю-кх хьо. Ц1аерзахь. Бетара элира соьга хьо х1окху чохь ю аьлла. Х1ун гловг1а ю ахь х1окху чохь еш ерг? Ялол, ц1адоьду вайшиь. (*Тоитин пхьарс схьалоцу. Важа мал а лой д1атов*).

КАМЕТА. Делахьа йига и хьайн зуда д1а!

МАЛИКА. Тахана шозлаг1а еана-кх иза х1окху чу дов дахьаш. Д1аяккхяхьа иза х1окху чуьра.

ТОИТА (*дуьхьало ца йо*). Ахь суна тле зуда ялор ю бохура х1окхара, и соьга ла ца делира. Бакь ма дац иза, даций?

БАЧ1А. Хьобца забарш йина. Бакь ма дац иза. Хьо евзинчу дийнахь дуьйна зударех кьехкаш ма ву со, массо а хьобх тера ю моьттуш.

ТОИТА. Со лееш буй уьш? Ахь кхиниг ялор ма яц, яций?

БАЧ1А. Дера ялор яц. Хьай парг1ат хила мегар ду хьуна. Яло, яло, д1адоьду

вайшиъ. (*Чуърчаърга*). Бехк ма биллалаш. (Ший а дладоду. Массара а доккха садоккху).

ХУНКАР-ПАША. Хастам бу хьуна, Дела! (*Аихлада доьшу*).

МАЛИКА. И даяхийта цуънах къахеташ лелош ю боху Бачлас и зуда.

КАМЕТА. Бачлех къа хьанна хетар ду?

ЯКЪУБ. Къа дацара цуъна-м и ловдал кхобуш лаш волчу. И-м и дара? И суна тле хлунда юьйжира, дала даяккхарг.

ХУНКАР-ПАША. Хьо везавелла хир ву цунна.

КАМЕТА. Эццахь Бачла схьа ца кхаъчнехь глуплакх гена долуш-м дара. Ва Дела! Ма дара шуъшиъ гуьллуш. Хункар-Паша ву бехке, суна хаъа.

ЯКЪУБ. Даяла хлинца, тобар ду, йола ма лолахь!

ХУНКАР-ПАША. Хьан ций а хьанал динера цо Бачлийна (*велало*).

КАМЕТА. Бачлехь тур хиллехь дладаьлла глуплакх дар-кх хьуна, Якъуб. Специально тасса а елла Хункар-Паши когах тлеюьйжир-кх и хьуна.

ЯКЪУБ. Дийца а ма дийцалахь суна и. (*Киснара телефон ека. Къамел до цхьанне а ца хозуьйтуш*). Хлан, со ваха веза. ДобгІна делахь гурд у вай. (*Сихха араволу. Малика ойланашка йобдий цунна тлаъхьа хьобжу*).

КАМЕТА (*Малике*). Эсала вистхилла ма ца ваха иза. Ахча хьахийча реза воцуш ву те. (*Хункар-Пашина ца хозуьйтуш къамел до шиммо а*).

МАЛИКА. Цунна хаъа суна ша везий, цуьндеда ву и суна иштта амал соьца длакхьхьуш (*гІийла елакъежа*). Хуур ду-кх цо хлун до клирандийнахь. Проверка ю-кх цунна цу ахчанца.

КАМЕТА. Хункар-Паша, хлинца длавахча мегар ма дара хьуна а. Охашимма садогур дара.

ХУНКАР-ПАША. Малика соьца даяийта, тлаккха длагур ву со. (*Малика йист а ца хуьлдуш лаьтта шен ойланаиш еш*).

КАМЕТА. Мечтать не вредно, но бесполезно. Малика дага мосузза йоглу бетак мотт а хьокхуш ле хьо.

ХУНКАР-ПАША. Ас Бегаре йохуьйтур ю-кх хьо кхин лад ца лахь.

КАМЕТА (*туй кхуссу*). Тало хилла лахьара ша-м.

МАЛИКА. Длаглой вай. Таханлера дено корта хьовзийна-кх сан, длаглой вай сихха тховса дов дахьаш кхин цхьаъ вале кху чу.

Массо а араволу, Бетарна а лубийш.

Чаккхе хир ю.

Лейла Кусаева

Тихие ночи

Рассказ

Кап-кап...

Кап-кап...

Как меня раздражает этот звук! С неохотой вылезаю из-под одеяла, кручу вентиль, пытаюсь заснуть снова. Ворочаюсь, мну подушку, закрываю глаза. Где ты, Морфей?

Нет. Сегодня не мой день. Точнее – ночь. Такая тихая-тихая ночь. И кран, вроде, угомонился. Блаженная тишина... Сейчас засну, смогу...Нет...не могу... Не хватает...чего-то не хватает...Чего? Чего? Какая-то странная тревога гложет внутри. Опять встаю. Иду к окну на цыпочках очень осторожно. Девочки спят так безмятежно, не хочу будить. За окном беспросветная мгла, бледное пятнышко луны и постепенно угасающие окна, как будто кто-то играет в шашки. Вот еще одна фигурка выбыла из поля. Вглядываюсь. Боже, как тоскливо! Ни одного звука, шороха, крика, выстрела, канонады. Как в период затишья, когда не знаешь, насколько далеко идут бои, насколько близка опасность. Как страшно! Страшно...

Бред... Это Москва. Какие бои?! Все это осталось дома, в Чечне, в прошлом. Но почему, если это прошлое, то я не могу заснуть в настоящем? Неужели я привыкла к войне? Нет. Не может быть. Бред. Пустые мысли. Разве к войне можно привыкнуть? «А разве ты помнишь, что такое мир?» – спрашиваю себя. Да, чуть-чуть. Детский сад, первые три класса. А потом игра... непонятная, вроде, не в ромашку, но похоже: будет, не будет... будет, не будет... Родители были уверены, что войны не будет. Мы остались в Чечне. С чего же тогда началось? Эх! Какая каша в голове. Хотя зачем я вспоминаю, на ночь глядя? Дура! Лучше отоспись, завтра с утра лекции.

Спать, спать, спать – уговариваю себя. Не поддаюсь. Ну, ладно. Придется додумать. Сажусь на кровати. Смотрю в темноту. Эге! Да мой мозг уже всю диафильм крутит. Ну-ка, что там...

Так-так... Двое взрослых рядом со мной ведут диалог. Это мама говорит с отцом:

– Неужели что-то случится? Столько слухов, многие уезжают. Что нам делать, если...

– Я говорю тебе – ничего не будет. Все эти слова для острастки. Уверен, что власти между собой договорятся.

– Но...

– Ничего не будет. Если что-то случится, мы обязательно уедем, не переживай.

Смотрю на маму. Она такая печальная.

Даа... вот и не верь слухам.

Бжик... переключаю кадр...

Ах-ха-ха! Помню, помню... Очень удивлялась, что у взрослой женщины могут быть такие короткие волосы. Впрочем, песни Roxette мне в детстве все равно нравились. А вот и Fred Mercury с клипом песни Show must go on. Мой первый культурный шок. Я-то думала, что они дурачатся, переодевшись в женские одежды и напялив жуткие парики. Надоело. Хочу мультики. Прошу старшего брата переключить. Но он каждый раз упорно включает музыкальный. И репы уже перестают удивлять. Единственный достойный противник клипов – это новости, потому что их любит папа. Он смотрит их каждый день, а иногда несколько раз в день. Это не утешает, так как новости я переношу гораздо хуже клипов. Но я все равно смотрю новости. Сажусь рядом с отцом и смотрю, смотрю... Мне страшно скучно... Какие-то серьезные дяди и тети все говорят и говорят...

война... Дудаев... солдаты... русские... чеченцы... Смотрю на отца, надеюсь, что он тоже заскучает и переключит на что-нибудь другое. Увы! Тем не менее не уйду. Вздыхаю, остаюсь рядом с ним. Просто мне нравится сидеть рядом с ним. Так спокойнее, надежнее и все страшные слова – пустой звук. Но один раз не выдерживаю, спрашиваю у мамы:

– Мам, мам, а это правда, что русские хотят нас убить? Они плохие? Да?

– Боже! Да кто тебе сказал?

– По телевизору говорят, что они придут воевать, а на войне ведь убивают.

Мама притягивает меня к себе, нежно обнимает, гладит лицо:

– Глупенькая, да разве можно верить всему, что говорят по телевизору? Ну скажи... вот... тетя Вера, она разве плохая?

Соображаю: тетя Вера, соседка, живет этажом ниже. Доброе, светлое лицо, серые улыбочивые глаза. А какие пирожки печет! А праздничный пасхальный пирог – просто объеденье. И еще мне нравятся вареные яйца с веселой расцвеченной скорлупой. А сказки? Чудесные волшебные сказки в огромном картонном ящике и все мне... А еще она никогда нас не ругает, не рассказывает маме наши проделки. Когда брат баловался в отсутствие родителей и, вылив подсолнечное масло из бутылки с балкона, случайно испачкал ее только что выстиранное постельное белье, она ничего не рассказала маме. Ну, совсем ничегошеньки. Какая же она плохая? Очень даже хорошая.

Отвечаю маме убежденно:

– Тетя Вера – очень хорошая!

– Ну а Людмила Николаевна?

Это моя первая учительница. Обожаемая учительница. Она живет на втором этаже. У нее зеленые строгие глаза, курчавые рыже-золотистые волосы. Требовательная, но добрая. А как интересно и понятно все объясняет, а на переменах, чтобы мы не скучали, ставит пластинки с песнями из мультфильмов. И среди них есть моя любимая песня: «От улыбки станет всем светлей». Ее я знаю наизусть. Однажды она включила ее на перемене и вышла, а я сидела, уткнувшись лицом в парту, и подпевала. И только, когда меня дернула за рукав одноклассница, я оторвала взгляд от парты и увидела вокруг себя удивленно-улыбающиеся лица одноклассников. Оказывается, урок уже начался и пластинка была остановлена, только я, увлеченная собственным пением, не заметила. Больше всего меня удивила Людмила Николаевна. Она стояла возле доски и водила руками в воздухе, изображая дирижера.

Я смеюсь, вспомнив этот случай, и говорю маме:

– Мам, и Людмила Николаевна тоже очень хорошая.

– Ну, вот видишь? Нельзя говорить, что русские – плохие. Русские – это народ. А весь народ никогда не бывает плохим. В любом народе есть и злые, и добрые люди. Ты всегда должна помнить об этом. Когда я была маленькой, у меня было много подружек разных национальностей. Среди них была и русская, и армянка, и грузинка.

– Ну, тогда почему их солдаты хотят с нами воевать? Значит, солдаты плохие?

– Нет. Солдаты – такие же люди. Но у них есть начальники, которые им отдают приказы.

И, если начальник приказывает солдату, он должен воевать.

– Но почему солдаты слушаются? Я бы отказалась пойти, – допытываюсь упрямо.

– Они не могут ослушаться. Их могут наказать, могут посадить в тюрьму.

Я молчу. Я не понимаю. В моей голове не укладывается, почему я не могу считать плохими людей, которые хотят прийти воевать. Понимаю, тетя Вера и Людмила Николаевна и все остальные, которые не воюют, хорошие. А как может быть хорошим человек, который пришел убивать? Мне непонятна эта логика.

Мама успокаивает меня, говорит:

– Не переживай. Не факт, что вообще что-то случится. Мы очень надеемся, что войны не будет.

Бжик...

Тяжелый был день.

Я просыпаюсь и выхожу в зал. Все взрослые расхаживают по комнате и плачут. Бабушка умерла? Не хочу верить. Бегом в спальню. Бледное лицо, плотно закрытые глаза и легкая полуулыбка.

Женщины, много женщин в больших платках. Я рыдаю вместе с ними, когда выносят ее тело.

– Она была таким хорошим человеком.

– Говорят, переживала за детей и давление поднялось, сердце не выдержало.

– Мальчик, не плачь! – это они мне. Мы только что вернулись из Хасав-юрта, где были беженцами. Коротко остриженная голова, мальчишеская одежда.

– Я не мальчик... я... я девочка.

Некоторые не поверили. Как странно, что в такие мгновенья людей это могло интересовать больше, чем смерть моей бабушки.

Бжик...

А здесь и на себя-то непохожа...

На мне столько одежды, что формой похожу на капусту. И все равно холод пробирает до костей. Нет газа, света и воды. Научилась выпекать хлеб на костре в саду. Вначале сильно пригорал. Потом ничего – приспособилась.

Зимой жжем в котле пористые кирпичи, пропитанные в керосине, и дрова, чтобы трубы и батареи не лопнули. Дежури́м возле котла посменно часами. Плохая тяга, все наши комнаты полны дыма. Особенно кухни и коридор.

Мы с братом на кухне несем ночную смену. Нам отчего-то весело. Недостаток кислорода... кашляем, задыхаемся, глотаем дым, утираем слезящиеся красные глаза и говорим, говорим, чтобы не заснуть. Иногда идем к котлу, закрыв лицо тряпкой, чтобы подкинуть дров. В четыре утра смена должна закончиться.

Бжик...

– Смотри, смотри, как красиво! – За окном в ночи видны летящие огненно-красные искорки, будто рой светлячков плавно уходит по дуге в землю.

– Мам, пап, а что это?

– Отойдите от окон! Это осколки от снарядов. Они раскаленные и потому светятся.

Ложимся спать. Читаем хором молитву «Айятул-Курси». Я, засыпая, еще долго смотрю на «светлячков».

Утром показываю свои находки маме.

– Мам, смотри, что я нашла...

– Боже, откуда это у тебя?!

– Нашла во дворе, – виновато протягиваю ей.

– Выброси немедленно!

Катаю на руке и долго разглядываю эти продолговатые светло-болотного цвета пули. Вздыхаю: «Надо же, какие-то маленькие кусочки металла, а целого человека могут убить». Выбрасываю.

Бжик...

– Оружие есть? Покажите паспорта и метрики.

Несколько солдат осматривают комнаты, обыскивают шкафы, сбрасывая вещи с полок.

– Мам, пап, что им нужно?

Папа молча отдает паспорта, мама печально смотрит на испачканные затоптанные ковры.

Бжик...

Бомбить стали еще сильнее. В доме дрожат все окна и подпрыгивает мебель. Вертолеты все чаще и чаще пролетают так низко над домом, что иногда кажется заденут крышу. С каждым вертолетом мы обреченно ждем конца.

В конце концов идем к родственникам в аул, там есть подвал. Аул находится через дорогу. Бежим, пригнувшись. Папа размахивает белым флагом. Слышны звуки выстрелов. Добравшись до родных, узнаем, что убит какой-то парень, вместе с нами переходивший дорогу.

Подвал... такое ощущение, что здесь находится громадное раненое существо,

распластанное по всему помещению, издающее тихие звуки, стоны, шепоты. Приглядываюсь. Несколько минут, и начинаю различать отдельные силуэты. Люди лежат и сидят так близко, что вначале мы стоим в растерянности, не зная, куда присесть. Подвигаются. Теперь у нас тоже есть свой кусочек пространства. Многие тихо молятся, молодая женщина с ребенком, отвернувшись к стенке, беззвучно глотает слезы, слышны горестные вздохи стариков: «Йа Аллах!». Дети шепотом перебрываются загадками.

На второй день гнетущего ожидания не выдерживаю, выхожу на лестницу... Ступеньки: здесь так тихо, уютно и просто можно подумать о чем-то другом, кроме войны. Придумываю сказку. Главный персонаж – императорский пингвин. Про него я сказок еще не читала. Записываю половину. Читаю маме. Ей нравится. Пытаюсь дописать, однако вечером приходит весть, что город бомбят, и я теряю к ней интерес. Недописанная сказка... непрожитое детство.... Не помню из нее ничего, кроме императорского пингвина.

Бжик...

Урок русского языка. Разбираем предложение с Лидией Антоновной.

Взрыв... звон разбитых стекол... блестящие осколки на наших партах, коленях, на полу. Мы еще не поняли, мы оглядываемся вокруг. Еще взрыв, где-то совсем близко... Нарастающий гул самолетов над крышей школы. Странно, но у меня нет никакой реакции. Даже страха. Только минуту спустя замечаю, что девочки тихо глотают слезы, а мальчики нервно смеются.

«Господи, да у меня же братья в школе! Нужно срочно отвести их домой!» Вскрываю из-за парты, перебиваю успокаивающую класс учительницу:

– Лидия Антоновна... братья... мне нужно идти...

Но выйти не так-то просто. Дверь поддается с большим трудом. Протискиваюсь в гущу толпы из ревуших детей в коридор.

«Где же? Где же их классы?» Вижу, как учителя выводят детей на улицу. Они напуганы, очень напуганы... но мне некогда... «Где же их классы?» Дверь одного заперта. Только сейчас соображаю, что у них уроки во вторую смену и их нет в школе. Спешу домой. Школьный двор... чьи-то родители с застывшими от ужаса лицами бегут к школе, пытаются одновременно втиснуться в узкий дверной проем.

Узнаю их сразу... стоят при входе в школьный двор, задрвав головы и восхищенно глядя в небо.

– Что вы тут делаете?!

– Мы шли в школу... Смотри, какой красивый самолет!

– Какой самолет?! Нашли чем любоваться! Вообще с ума сошли! Марш домой!!!

Бжик...

А это мама. Со стороны бани был взрыв, и она бежит по улице в толпе других женщин, схватившись за сердце одной рукой, а другой толкая впереди себя тачку с дребезжащими пустыми флягами. Платок на голове сполз на одну сторону... испуганно-изумленное лицо...

– Мама, мам!.. – подбегаю к ней, пытаюсь забрать тачку. Она остановилась у соседских ворот, не отдает, пытается отдышаться. Наш сосед смеется, приговаривая:

– Хейт! А Эниса-то молодец! Не бросила, как многие, свою тару.

Мама смеется. Мы заходим в дом. Она садится в кресло.

– Мам...

– Что?... Я... А ведь и правда не бросила, – смеется, а потом внезапно обмякает, хватается за голову и плачет, плачет... приглушенно, горько...

– Мам... прошу... не надо...

Бжик...

А сколько интересно было нас в этом подвале на Минутке? Ну не менее тридцати человек. Это определено. Да. Там действительно было очень тесно, грязно и сыро. А этот гнилой воздух? Иногда кажется, что он еще не выветрился из моих легких.

В минуты затишья выходим подышать на полчаса свежим воздухом. В очередной раз не хочу спускаться. Брат тянет за руку вниз в этот заплесневелый мрак.

- Не хочу... не хочу!
- Не глупи, ты можешь умереть!
- Лучше на свежем воздухе, чем там...

Бжик...

Мечемся в поисках брата. Обыскали дом, осмотрели двор и улицу. Кто-то говорит, что видел группу детей, направляющуюся к центру города. Там минут двадцать назад был подорван автомобиль. Бегу к центру. Да, это – он! Нагоняю, хватаю за руку.

- Стой, ты куда?
- Хочу посмотреть на машину... туда все дети идут, – пытается вырваться.
- Мама сказала, чтоб ты шел домой.
- Не хочу!
- Она будет сильно тебя ругать!

Вырывает руку, насулленный и обиженный идет обратно. Проходим мимо квартирника. Нас внезапно обдает потоком плотного воздуха и слегка подбрасывает вверх. Чуть не падаю, ускоряю шаг, с удивлением вижу, что пространство вокруг наполняется летящими кусками металла, пластмассы и стекла. Оглядываюсь... искореженный остов автомобиля... всего минуту назад он был целый... Люди бегут от центра в нашу сторону. Такое ощущение, что смотрю замедленные кадры какого-то фильма. Фильма без хеппи-энда... вообще без «энда».

Бжик...

А это мы с папой на рынке. Вспомнили, что у моей двоюродной сестры день рождения. Рынок – одно название. Несколько лотков с продуктами и бытовыми товарами. Покупаем коробку конфет. Идем домой. За несколько шагов до наших ворот нас останавливает строгий окрик.

- Стой! Стой, кому говорят!

Какой-то грузный солдат с красным мясистым лицом подходит, обращается к отцу:

- Почему Вы в комендантский час на улице?
- Разве комендантский час наступил?
- Да. Только что. Откуда идете? Где живете? – внимательно разглядывает меня.

Мне не по себе. Напугана. Пытаюсь спрятаться от его взгляда за спиной отца.

– Мы живем в этом доме. Ходили на рынок купить подарок моей племяннице. У нее сегодня день рождения.

- На рынок?
- Да.
- Племяннице значит?
- Да.

– А это значит она и есть? – снова внимательно смотрит и будто что-то прикидывает в уме.

- Нет, дочь.
- Ясно. А документы?
- В доме. Может, пройдем?
- Нет, – смеется. – Больше не нарушайте комендантский час.

Мы дома. Меня еще час знобит от мысли, что нас могли задержать.

Бжик...

Воды нет уже много месяцев. Топим снег. Иногда воду привозят в огромных баках, и тогда возникает толчея и давка. Женщины, мужчины и дети с флягами, ведрами, большими кастрюлями и даже стеклянными баллонами создают огромную очередь. Часто воды на всех не хватает. Из-за этого многие стремятся нарушить очередь. Ссоры, ругань, а иногда дело доходит и до драк. Слава Богу, нам удается избегать этих ситуаций. Пресную воду нужно экономить для питья

и приготовления пищи, для остальных дел используется серная вода. В конце нашей улицы находится серная баня. Правда, здесь очереди еще длинней. Порой приходится ждать в очереди с утра до вечера.

Иду за серной водой с двумя флягами на тачке. Холодно... На мне мамино пальто... Пальто большое, а я маленькая. Я выгляжу в нем нелепо и из-за этого мне неловко. Ничего не поделаешь – из своего выросла. Где-то с окраин вверх клубящимися потоками уходит черный дым... Мужчина в военной форме перед воротами нашего дома зябко поеживается и весело обращается ко мне:

– Сестренка, подари мне свое пальто... А?

Останавливаюсь в растерянности. В голове: «Отдать? А что мама скажет? Это ж ее единственное пальто»

– Да шучу я! Шучу! – смеется, уходит, забросив за спину автомат.

Возвращаюсь домой под вечер. Вода закончилась, не успела набрать. Я очень замерзла, устала... так устала... А еще этот военный... А может, не шутил? Может, действительно, замерз? О Боже, как мне плохо! Когда же это закончится? Может, попросить? Может, если сильно-сильно попросить, что-нибудь изменится?

Хожу по комнате и бубню под нос: Боже, прошу, сделай так, чтоб не было войны... Боже, прошу сделай так, чтоб не было войны!... Боже, ну пожалуйста, ну пожалуйста, сделай так, чтоб не было войны!!!

А что, если не поможет, не поможет и тогда... это никогда не прекратится...

Спазм и слезы душат меня. Мне нужно выплакаться, просто необходимо. Даю волю слезам. Заходит отец:

– Что случилось?

– Ничего. Я просто очень устала.

Он кидает на меня взгляд. Всего один взгляд – жестко, хлестко. Читаю в нем – слабачка. Молча уходит. Уж лучше бы словом, чем взглядом. Но... он прав. Да. Прав. Многим было гораздо хуже – смерть близких, увечья, пытки... а раньше? Разве бабушка не пережила Отечественную войну и депортацию? Они были сильные. А я плачу. Даю себе установку – больше не плакать.

Кап-кап...

Кап-кап...

Что-то установка дала сбой. Благо дело – папа не видит. Или это кран проснулся? Неудивительно – светает.

Почему я не помню, как мы это переживали? Даже сейчас у меня ощущение, что там была не я. И эта девочка и подросток – все это не я. Теперь я понимаю, что всю войну нас не покидало чувство нереальности происходящего. Может, это была такая защитная реакция, чтобы не сойти с ума, не перестать бороться. Единственное, что я помню – это напряжение, ежеминутное, ежесекундное ожидание боли, смерти, конца и при этом странное равнодушие. Наверно, нас, вчерашних, можно сравнить с человеком, которому вынесли смертный приговор, но не указали сроки. Каждый день был смесью надежды и страха, что может быть сегодня – это последний день. Каждая ночь была прибежищем отторжения и апатии, когда уставший за день мозг отказывался бояться и надеяться и последняя мысль перед погружением в сон была: «А будь, что будет!» В те ночи тишина перестала быть признаком покоя. Это был зловеющий предвестник перемен. А теперь... теперь нам нужно учиться опять ей доверять.

Мгла в моей комнате почти рассеялась. И с первым лучом солнца, коснувшимся моего плеча, приходит мысль: «А может, все это записать?» Хотя зачем? Кому это нужно? Кто не читал про войну? Кто не знает, что война – это плохо, больно? И как объяснить другим, что война заканчивается не тогда, когда исчезает опасность, боль, потери, а когда человек перестает чувствовать опасность и боль от потерь? Нет. Война теперь не вокруг меня. Она во мне, кричит, надрывается и требует, чтоб другие о ней услышали. И я пишу о ней... да! я пишу о ней... не столько для других, сколько для себя. Чтоб излить ее из души на бумагу, чтоб замуровать ее в этих буквах, строчках, знаках, выгнать ее из сердца, изжить ее, уничтожить, победить! И тогда... тогда, быть может, наступит день, когда я снова полюблю... тихие ночи...

Фатима Джабраилова**Я не спрошу**

Я не спрошу тебя о ней.
Она тебя не понимала.
Любить должна была сильнее –
Но нет, всего ей было мало!

Ты нужен мне, какой ты есть.
Я в этой жизни все познала –
И горе, и любовь, и месть –
Но веру в жизнь не потеряла.

Я не спрошу тебя о ней.
Быть может, и она страдала,
Что в мыслях был с другой, не с ней.
Тебе ведь тоже было... мало.

Так пусть согреет солнце нас,
И дождь смывает все невзгоды,
Любовь встречается лишь раз
И не меняется с погодой.

Не предала

Прости, что не было любви,
Ведь я давным-давно простила,
И ложь, и все твои грехи –
Не предала, не обвинила.

Прости, я пленница судьбы,
И без любви я, как без силы,
Но совесть, честь моя чисты,
Хоть не зову тебя «любимый».

Прости меня, прости, прости –
Я не хорошая, плохая.
Ко мне закрыты все пути –
Ни для кого я не родная.

Прости, что не было любви,
Ведь я давным-давно простила,
И ложь, и все твои грехи –
Не предала, не обвинила.

Вот так всегда... не точки – запятые.
Не досказать, не дописать всего...
Тревожат мою душу зимы злые,
И мысли, словно снегом замело.

Одна сегодня и всегда одна.
В своих стихах лишь сердца
слышу стук.

Я не богата – но и не бедна,
Коль довелось пройти мне этот круг.

Круг жизни, боли круг, мои потери –
Где лишь мелькали радость и любовь,
А дни летели, месяцы летели,
И осень возвращалась вновь и вновь.

Мои мечты сливались с нею вместе,
Кружились, как осенний листопад,
Я сочиняла музыку и песни
И выходила в золотистый сад.

...Вот так всегда –
не точки – запятые...

Не досказать, не дописать всего.
Тревожат мою душу зимы злые,
И мысли... словно снегом замело.

Я чувствую

Я чувствую, ты пишешь обо мне,
Мои глаза читают твои строки.
И потому признаюсь при луне –
Что не одна, но тоже одинока.

Что жизнь моя сложилась не по мне,
Душа пуста,
с ней обошлись жестоко...
Одна среди толпы и лишь во сне
Я ухожу в прекрасное далеко.

Туда, где сила в слабости моей,
Туда, где не стоять мне у порога.

У берегов сияющих морей
Я, как и ты, ишу себе дорогу...

Я чувствую, ты пишешь обо мне,
Мои глаза читают твои строки.
И потому признаюсь при луне,
Что не одна, но тоже одинока.

Думаем с тобой по вечерам –
В дни, когда устанем и приляжем...
Знаем мы, как одиноко нам,
Но об этом никому не скажем.

В эту ночь уйдем, оставив все,
Позабыв и годы, и заботы,
А с собой любовь лишь унесем,
Музыку к стихам моим и ноты.

... Но куда? Куда уходим мы?
Думать не хотим или боимся?
Мы бежим от холода зимы,
Лишь теплу и солнцу отдадимся.

Об одном и том же мы грустим,
Об одном и том же мы жалеем...
Дай же Бог терпения и сил,
Дай же Бог, чтоб не было больнее.

Думаем с тобой по вечерам –
В дни, когда устанем и приляжем...
Знаем мы, как одиноко нам –
Но об этом никому не скажем...

Вдруг прошлое стало неважным,
А в будущем – солнечный свет.
Глаза приоткрыла однажды –
И день изменил свой цвет.

Деревья – живые, дышат...
Земля – все на ней цветет,
А небо – все выше и выше,
И птица с утра поет.

О жизнь, я в тебя влюбилась!
Вновь силы в себе нашла.
Когда-то с пути я сбилась,
Куда-то и долго шла...

Несчастья в пути встречались –
Прошла через тысячи мук.
Не пелось и не мечталось,
Казалось, – замкнутый круг.

Но ветер унес тревоги,
И боль, и печаль мою.
Опять предо мной дороги,
Опять о Любви пою...

Мой город спит, спят
птицы и деревья,
Лишь мне одной не спится по ночам,
Пишу о том, как быстро
мчится время,
Воспоминанья оставляя нам.

В руке перо, на сердце – боль и муки,
Но хочется и верить, и любить,
Кричит душа, не издавая звука...
Мне не забыть тебя, мне не забыть.

И только ночь меня поймет и примет,
В своих объятьях даст мне утонуть,
Раскрою свои тайны, словно крылья,
Ведь невозможно небо обмануть.

Мой город спит, спят
птицы и деревья,
Лишь мне одной
не спится по ночам...
Пишу о том, как быстро
мчится время,
Воспоминанья оставляя нам.

Любовь – красивая игра,
В ней проигравших не бывает.
Мы были счастливы вчера,
Сегодня – сердце остывает.

Мне ни к чему теперь, поверь,
Твои слова, твои признанья.
Закрою душу, словно дверь –
Исчезнут мысли и желанья.

Ты не увидишь моих глаз
И не услышишь голос тайный.
Пишу тебе в последний раз,
И эта ночь необычайна.

Луна ласкает мою тень
Загадочно, с какой-то новью...
А завтра будет новый день,
И встречу я его с любовью!

Хаджи Хизриев

Александр Чеченский

Под таким названием издательство «Тетраграф» выпустило новую книгу, автором-составителем которой является журналист М.А. Вахидова (Нальчик, 2013 год, 688 стр. или 56 п.л., тираж 1000 экземпляров). Солидная книга издана под грифом «К 200-летию подвигов А.Н. Чеченского в заграничных походах». Действительно, А. Чеченский 200 лет тому назад вписал свое имя в историю России, став ее героическим защитником в период первой Отечественной войны 1812 года. Он, командуя Бугским казачьим полком, участвовал в крупнейшем кровопролитном сражении против Наполеона под Бородино, затем участвовал в партизанском движении против него и, наконец, в его изгнании по Европе вплоть до взятия Парижа. Книга издана в твердом переплете с хорошими цветными иллюстрациями. Актуальность и необходимость подобной книги не вызывает сомнений.

Труд Марьям Вахидовой в классическом смысле не является ни сборником статей, ни сборником документов, ни чисто авторским исследованием. Здесь все, что касается генерала Чеченского, дано в совокупности: «Книга составлена так, что каждый материал в последовательности его подачи и по содержанию есть единое целое, дополняющее и уточняющее предыдущий источник и разъясняющее суть последующего. Справочный и архивный материал, поданный в одном ряду с основным, работает на научно-исследовательскую мысль книги, в которой отдельные линии главного героя впервые прослеживаются в единой связи с его эпохой, его боевым и гражданским окружением, среди которого известные люди своего времени: П.И. Багратион, А.Х. Бенкендорф, М.С. Воронцов, великий князь Константин, С.Г. Волконский, М.Ф. Орлов, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов и др.»

Удачным представляется подача материала в хронологической последовательности. Письменные источники, представленные в книге, различаются по видам, характеру и жанрам: начиная от эпистолярного жанра, т.е. писем правящих особ империи, кончая рапортами, формулярными списками, табелями о рангах, воспоминаниями и даже стихами, имеющими отношение к нашему знаменитому герою. Большой интерес представляет информация о наличии имени Чеченского в списках героев первой Отечественной войны в Галерее Воинской Славы Храма Христа Спасителя (на стене № 16, Москва). Более того, в списках впервые обнаружены чеченские фамилии, которые еще

предстоит исследовать. Даже автору этих строк, еще 45 лет тому назад впервые нашедшему его *Формулярный список* и написавшему статью о подвигах Чеченского, до последнего времени не были известны эти факты.

В «Энциклопедии заграничных походов Российской армии (1813-1815)», вышедшей в Москве в 2011 году, впервые приводятся подробности участия А.Н. Чеченского в Лейпцигском сражении, перенесенные и на страницы рецензируемой книги. Автор-составитель М. Вахидова совершенно правильно поступила, включив в данную книгу «Дневник партизанских действий 1812 года» Дениса Давыдова, который в нашей республике стал библиографической редкостью из-за разрушений многих библиотек.

В своих записках Давыдов подробно описывает партизанские подвиги Чеченского, не скупясь на весьма лестные отзывы о нем. В главе «Великие сражения, в которых участвовал А.Н. Чеченский» дано описание десятка кровопролитных сражений. При этом составитель перед каждым описанием сражения дает краткую выписку из *формулярного списка Чеченского* о его участии в данном сражении. Эта находка автора-составителя расширяет видение подвигов нашего героя до панорамного восприятия, словно становится соучастником описываемых событий.

И все же напрашивается слабый упрек в адрес составителя в чрезмерном увлечении материалом, без которого можно было бы обойтись. Например, можно было не включать в данную книгу «Записки Н.М. Коншина – 1812 год». Всего 24 страницы, не имеющих отношения к А.Н. Чеченскому и к этой книге. Также можно было сократить и изъять количество писем Екатерины II к Потемкину и обратно, не имеющих отношения к Кавказу и Шейху Мансуру (док. № № 796, 821, 833, 856, 859, 962, 999, 1001, 1092, 1095, 1096 – всего 21 стр.). Таким образом, можно было облегчить объем книги на 45 страниц или на 3 п.л., т.е. на небольшую брошюру. По методике исторического исследования и составлению сборника документов требуется отсекал ненужный материал, облегчать задачу восприятия читателю.

Переходя к комментариям исследовательского материала книги, хочу отметить, что у нас нет данных о месте рождения генерала Чеченского. Хотя составитель книги придерживается художественной версии У. Гайсултанова, что он родом из селения Алды, для нас этот вопрос остается открытым. М. Вахидова в предисловии пишет: «А.Н. Чеченский в своем кругу был той фигурой, вокруг которой происходили судьбоносные встречи и события, о чем можно прочесть в авторских статьях «Я стал взирать его глазами» и «Так вот он, этот герой!», вошедших в первый том».

Оставив эти статьи для литературоведов, хочу обратить внимание читателя на другую ее статью – «Родина бывает только одна!», содержание которой меня весьма заинтриговало. Речь идет о портрете П. Захарова, который выполнен в 1843 году, будучи уже в звании академика. Это широко известный портрет, до сих пор подписывается и как «Автопортрет», и как «Портрет неизвестного в бурке с ружьем. Масло. 1843. 75x59,6».

Меня все время смущало отсутствие сходства между известными портретами с изображением П. Захарова и его картиной под названием «Автопортрет», так как он имел привычку точно показывать лицо портретируемого. И вот Марьям Вахидова, сопоставив эти портреты с портретом «Генерал-майор свиты» (см. стр. 611), приходит к интересному выводу, что «Портрет неизвестного в бурке с ружьем» является портретом партизана А. Чеченского. Она подчеркивает удивительное сходство черт лица на обоих портретах: «Автопортретом

эта работа быть не может уже потому, что сохранился «Портрет Захарова (Чеченца)», написанный художником Р. Леоном в том же 1843-ом году. Черты лица на портрете Р. Леоном и юношеского автопортрета самого Захарова одни и те же и ничего общего с лицом человека, изображенного в бурке и с ружьем, не имеют. Это два совершенно разных человека, хотя и в одном, и в другом можно признать чеченцев».

Нам представляется, что догадка М. Вахидовой не лишена основания. Дело в том, что в 1843 году исполнялось 30 лет со дня занятия Дрездена А.Н. Чеченским и его заграничным походом, и П.Захаров решил, видимо, увековечить своего прославленного земляка. Теперь, надо полагать, мы имеем дело с двумя портретами А. Чеченского кисти П. Захарова: один в парадном мундире генерала со всеми наградами, а другой – в партизанской форме. Тогда почему в бурке и папахе? Д. Давыдов свидетельствует, что, став партизаном, он «надел мужской кафтан, стал отпускать бороду», а про национальную одежду А. Чеченского удачно отметил в своей незаконченной поэме «Партизан», посвященной нашему герою (стр. 317):

Начальник в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.

Волнующим является и репортаж об установлении памятника генералу Чеченскому в райцентре Бежаницы Псковской области, которым заканчивается книга. Вся коллизия заключается в том, что один из удачных памятников героям войны 1812 года установлен за счет семейных средств М. Вахидовой и ее мужа Султана Юсупова. От имени Чеченской Республики и ее главы Рамзана Кадырова на открытии памятника присутствовал председатель Парламента ЧР Дукваха Абдурахманов, что явилось важным событием. Памятник уже включен в туристический маршрут по Псковской области.

Презентация книги Марьям Вахидовой «Александр Чеченский» за пределами республики уже состоялась – 9 июля в Москве, 12 июля в Пскове, а 17 декабря 2013 года в Грозном и получила положительную оценку.

Юсуп Амаев

Об особенностях чеченской грамматики, или Несколько слов по материалам одного научного исследования

В ходе нашего исследования так называемой «звукознаковой» концепции сущности чеченского естественного устного языка под эгидой Академии наук ЧР и Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН вышел в свет (конец 2013 г.) I том научного (проектного) издания «Грамматика чеченского языка». Автор и научный редактор проекта – д.ф.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР А.И. Халидов. В данный том включены основные разделы: «Введение», «Фонетика», «Морфемика» и «Словообразование». В последующем к изданию предполагаются: II том – «Морфология» и III том – «Синтаксис». Автор проекта в предисловии пишет: «Настоящее издание является по существу первой фундаментальной грамматикой чеченского литературного языка, охватывающей все разделы, которые традиционно входят в подобные грамматики»¹. О столь серьезной работе для чеченского языка и литературы (считай – языка нашего будущего) у автора нижеследующей статьи есть свое мнение.

Несмотря на то, что «Грамматика чеченского языка» имеет академическую направленность, она, несомненно, является знаменательным событием не только для чеченского (нахского) языка и языкознания, но и для истории народа и его будущего. Привлекает обстоятельность и всесторонность освещения материала – обращение к этногенетической истории народа, его взаимоотношениям с определенными этническими сообществами в процессе формирования лингвистической иберийско-кавказской языковой семьи, в том числе нахской и дагестанской языковой групп, изучение их взаимоотношений в свете сложения отдельных языковых ареалов и систем. В работе освещен типологический анализ чеченского и других нахских языков на достаточно высоком уровне. Изложены основные направления и принципы формирования фонетического строя чеченского языка, характеризующие типичные и особые свойства звуковой системы нашего языка. Кроме того, удовлетворяет и то, что при изложении исторических материалов, в отличие от многих исследователей современного кавказоведения и наховедения, автор в своих оценках древней истории чеченского (нахского) народа и языка избегает необоснованных крайностей, превращающих некоторые аспекты нашего этногенезиса в некую недостижимую мистику, чем не гнушаются отдельные «патриоты». Ставится ряд актуальных проблем по чеченскому языкознанию, в том числе и по нормированию его литературного варианта.

Непосредственно «Грамматикой чеченского языка» связана разрабатываемая нами уже пять лет в частном порядке лингвистическая теоретическая концепция о «звукознаковых» свойствах естественного чеченского языка, построенная на признании звуков чеченского языка знаками (звукознаками) этого языка, имеющими самостоятельные смысловые значения, относящиеся к явлениям древнейшей чеченской (нахской) действительности. Положения данного исследования позволяют нам сформулировать немаловажное заключение о нашем языке, на которое мы пытались обратить внимание специалистов лингвистики и чеченской аудитории два года назад (2012 г. «Вайнах» № 7).

Не существует пока другой теории и не обнаружен другой язык, которые своим содержанием подтверждали бы непосредственную связь естественного языка человека и среды его существования – где звуки (звукознаки) языка своими формами и содержанием непосредственно представляют (указывают) естественный звук и смысл определенного явления природы. Исходя из этого, мы пришли к главному нашему лингвистическому тезису: звуки (звукознаки) чеченского естественного языка являются звуковыми знаками этого языка, представляющими собой знаковый союз (союз звука и смысла) сторон обозначаемых ими природных явлений.

Не все положения «Грамматики» нами разделяются. Обратимся к обсуждаемым автором аспектам реорганизации графики и орфографии чеченского литературного языка только в той части, которую предлагает сам автор. В частности, вот какие проблемные вопросы чеченской письменности А.И. Халидовым признаются актуальными.

I. Ставится вопрос о целесообразности применения в чеченской письменности графемы (графического знака звука, независимо от формы и состава), присутствие которой в алфавите не является особо необходимым... Это **я, яь, ю, юь, ё, ы, ф, щ**². В первую очередь, отметим, что неуказание в этом числе буквы – **е**, звука, который нужно трансформировать двумя буквами – **йэ**, а не – **йе**, что требует бесконечного продолжения *переведения* – **ййе...**, фонетически не оправдано. А.Д. Тимаев – также признает их проблемными и предпочитает «убрать из алфавита буквы...»³, не рассматривая другие варианты. Действительно, постановка подобного вопроса соответствует существующей проблеме. Для ее решения автор «Грамматики» рассматривает два варианта: их *сохранение* или *исключение*, из которых автором предпочитается первый. Мы с этим согласны, и к «сохранительным» доводам автора присовокупляем другой, на наш взгляд, наиболее «тяжелый» и востребованный аргумент, который заключается в том, что нецелесообразно выходить за рамки существующей кириллической графики, на основе которой построен язык многомиллионного Российского государства, он же – язык межнациональный и мировой.

Любые масштабы изменений в письменности, особенно в чеченской, не предполагают легких решений и последствий и, по всей вероятности и при любой привлекательности, нельзя торопиться и лоббировать графические и орфографические инициативы. Следует нам всем уяснить наконец, что вне традиционно практикуемых графических систем эффективной чеченской графики не получится. Сегодня мы можем иметь письменность, всего лишь отвечающую критерию «предпочтительная», но не «соответствующая».

Понятно, что, не все в состоянии национального литературного языка и письменности отвечает чаяниям народа и времени, однако, как полагают некоторые «обыватели», для создания эффективной графики в реальных условиях существования языка, желание и даже возможности народа-носителя далеко недостаточны. Как отмечает и сам автор, абсолютизация, то есть несопоставимость чеченской графики и орфографии, ни при каких условиях не допустима. Подобное графическое и орфографическое обособление письменности, действительно, чревато изоляцией национального языка, что по существу приведет к культурной изоляции народа.

II. «Обозначение дифтонгов – неперемное условие приведения написания в соответствие с произношением. Отражение дифтонгов на письме является необходимым и обязательным»⁴. В данном случае не указывается ни состав, ни численность дифтонгов, но, по словам самого автора, речь идет о всех дифтонгах, им признаваемых. С этим предложением можно согласиться

только в пределах *разумного* их количества и разновидности – например, *ограничиться введением всего двух дифтонгов: ие и уо*. Того же мнения и А.Д. Тимаев, который считает: «Необходимо ввести в алфавит дифтонги *уо, ие*. Нельзя считать нормальным, когда одной буквой обозначаются две, три, а то четыре, пять фонем...»⁵. Обосновать содержание понятия «разумное», в отношении числа и форм гласных звуков, в т.ч. дифтонгов и трифтонгов нашего языка по материалам исследователей чеченского языкознания едва ли удастся. Например, А.Г. Мациев выделяет и обозначает гласных звуков всего 25, из них дифтонгов – 10; Ю.Д. Дешериев – 35/16; Т.И. Дешериева – 30/16; Д.С. Имнайшвили – 27/13; И.Ю. Алироев – 32/16, А.Д. Тимаев – 30/13; А.И. Халидов – 41/19 Соответственно, в результате подобных разногласий нам самим недолго запутаться в этой письменности, что и поколениям нашим не только не прибавит охоты в ней разбираться – уже давно ее не хватает даже для сегодняшней формы.

III. «На письме, несомненно, следует отражать долготу гласных»,⁶ – пишет далее А.И. Халидов. Мы категорически против введения подобной практики. По поводу этой же проблемы нами уже было выражено свое отрицательное отношение в другом месте, в связи с аналогичными доводами, более обостряемыми А.Д. Тимаевым в работе «Чеченский язык. Фонетика»⁷, отдающими предпочтение наиболее сложному и недопустимому варианту обозначения долготы гласных путем их удвоения. В этой работе он пишет: «Необходимо решить принципиальный вопрос – вопрос обозначения долгих гласных». Наше отрицающее обоснование заключается в основном в следующем: письменный язык *не должен быть нагроможден* элементарными (примитивными) обозначениями, в том числе и обозначениями долготы гласных – ни в форме диакритики, и тем более, в виде удвоения гласных. Язык человека требует работы сознания, т.е. он абстрактен, поэтому нельзя письменность современного абстрактного языка вместо ее упрощения «обвешивать разными знаками – узелками». Таким образом, вопрос обозначения долготы гласных для современной чеченской письменности вообще нельзя признать актуальным.

IV. «В этом случае (удвоения гласных – Ю.А.) встает проблема разграничения обозначения долготы и написания следующих друг за другом гласных букв...»⁸, как отмечает сам автор, разрешение одной проблемы – обозначение долготы удвоением гласных – порождает новую проблему. Способ решения одной проблемы, вызывающий другую, пусть даже «решаемую», нецелесообразен в принципе.

V. «В чеченском языке есть звук, который мы обозначаем в печатном тексте через **I** или **І**. Встречается после согласных в словах типа *блӕьрг, нлӕьна, млара, длагло, злок*. Этот же знак используется для обозначения собственно **I** (**Ia** – «зима», **неI** – «дверь») ... Видимо, здесь не следует ничего менять: подобное использование знака **I** вошло в традицию...»⁹. Действительно, звук такой существует, он по своей звуковой форме не совпадает со звуком обычной буквы **I** и отдельного обозначения не имеет. Подобный звук в своих работах выделяют и некоторые другие исследователи: Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаев.

В связи с этим выносим на суд аналогично определяемый нами «другой» звук. Данный звук, предварительно обозначаемый нами маленьким назальным – ^h, как полный назальный звук, который произносится, не касаясь языком нёба, в противоположность звуку **h**, артикуляция которого без касания нёба языком невозможна, например, *хьонка* – *хьо^hка* (черемша), *томка* – *то^hка* (табак), *маьнга* – *маь^hга* (кровать), *хьонка* – *хьо^hка* (черемша) и т.д.

При всем этом, мы убеждены в том, что в любом случае графического

обозначения эти два звуки не должны получить. По нашему мнению, в речи (языке) они появились не как звукоподражание звуку реального явления природы в процессе естественного *звукознакообразования* языка, на которых основаны все чеченские звуки (звукознаки), а как результат различного рода упрощения процесса артикуляционного звукопроизводства как явления, присущего языкам.

VI. Далее автор проекта предлагает: «Знак **ъ** используется сейчас и для обозначения звука (хьйна), и для обозначения абруптивности – **къ**. Использование одного и того же знака в разных значениях – не самый оптимальный способ, поэтому, видимо, здесь следовало бы закрепить за **ъ** одно значение и ввести другой знак для обозначения второго. Представляется разумным оставить этот знак для обозначения собственно звука – ларингального **ъ, а ɸ**»¹⁰. Завершение данного предложения автора не совсем удачно, поэтому общая аргументация проблемы по этому вопросу в данном контексте не характеризуется основательностью и анализом вероятности ожидаемых последствий в случае реализации. Использование знака **ъ** имеет примерно те же проблемы, что и звукознак **Ӏ** для чеченской письменности, и не только. Например, автономное произношение гласных, а также гласных в начале слова и при следовании их за другим гласным, как в чеченском, так и в русском языках, без знака обозначения начинаются с единого звука – **ъ**. Однако знак **ъ** в чеч. языке в одной позиции обозначает звук – смычку **ъ, шийъ (два), хӀуоъ (ядро)**, в другой – без права произношения – обозначается как компонент сложной графемы – **къ, декъа (сухой)**. А по нормам русской орфографии знак **ъ** реализуется не совсем удачно, например, пишется объект, читается – *объект, въезд – вьезд*.

Реальный звук речи **ъ** ни для чеченского, ни для русского языков не имеет факта обозначения, что создает значительные проблемы. Перед гласными буквами в этих языках звук-смычка **ъ** никогда не пишется, но тем не менее в одних орфографических случаях его перед гласными нужно произносить, **ъийъа (поднимать), ъакт**, но в других случаях – перед ними же – нельзя произносить, **дийна (живое), факт** и т.д. Таким образом, мы не одни с этими проблемами, поэтому нельзя их решать в абсолютном отрыве от тех графических систем, которые применяют единообразную графику. Очевидно, с решением этой проблемы торопиться нельзя.

В общих чертах заметим, что многие аспекты научного освящения чеченского литературного языка в «Грамматике» пока что остаются в черте видения (концепции) самого автора проекта, и тем самым в ней недостает определенной научной консолидации. К этому нас приводит то обстоятельство, что в ней слабо просматривается конкретная аналитика (обзор) мнений и аргументы других действующих ученых-языковедов чеченского языкознания. Не удовлетворяет отсутствие в среде чеченского (нахского) научного языковедческого корпуса консолидирующей тенденции сближения взглядов по наиболее актуальным проблемам чеченского языкознания, которая, при непосредственном взаимодействии с практическими оценками заинтересованных специалистов-филологов в области науки, образования, литературы, поэзии, школы и т.д., могла бы создать необходимую почву для рационального развития и совершенства языка для грядущих наших поколений. Даже разработка примитивного анкетированного способа оценки актуальных проблем языка, подобно рассматриваемым, среди указанных категорий филологов могла бы выразить, на наш взгляд, очень полезную статистическую информацию (базу) для анализа и принятия ответственных решений. Остается надеяться, что «Грамматика», как фундаментальное проектное издание о чеченском (литературном) языке, обратится к существующему чеченскому (нахскому) лингвистическому

научному мнению, тем самым проявив большую насыщенность взглядов и свежесть научного материала. Поскольку «Грамматика чеченского языка», как и сам язык, имеет для всех нас чрезвычайно важное значение и является достоянием всего чеченского народа. В данном вопросе право слова имеют все носители языка.

Каким бы критическим ни казалось наше отношение к «Грамматике», мы в ней непременно заинтересованы, поэтому в своих оценках пытаемся быть объективными и, независимо от всего прочего, безусловно, выражаем свою искреннюю благодарность создателям I тома «Грамматики» за труд, вложенный во имя чеченского языка и народа, и желаем им дальнейших успехов.

Далее автор «Грамматики» пишет: «В настоящее время начата планомерная работа по совершенствованию графики и упорядочению орфографических норм чеченского литературного языка: Правительством ЧР создана исследовательская группа во главе с проф. А.Д. Тимаевым, которая в течение двух лет выработает свои предложения и представит их в Правительство ЧР для утверждения.

Совершенно ясно, что определенные изменения в системе орфографических норм чеченского литературного языка необходимы. Также необходимо усовершенствовать чеченский алфавит, который, во-первых, включает некоторые буквы, не имеющие в языке звукового содержания, во-вторых, содержит в себе обозначения, не соответствующие реальному звучанию, в-третьих, не имеет знаков для обозначения некоторых звуков»¹¹.

Со слов автора представляется, будто все это нужно решить безотлагательно и непременно. Мы все знаем, что подобная необходимость реорганизации чеченской письменности всегда была, есть и впредь сохранится. Поэтому, прежде чем обострить подобным образом ситуацию в нашей письменности, непременно следует напомнить всем, что эта проблема в большей или меньшей степени присущая почти всем языкам и что с этим люди живут без всяких «обострений». Именно в решении подобных, наиболее сложных и ответственных ситуаций, в роли судьи всегда выступала чеченская мудрость: «Хаза неха санна» (дословно, «Красиво по-людски»).

Ответственность и роль указанной комиссии по выработке инициатив по реформе чеченской письменности чрезвычайно велика. Для носителей языка не столько важно, кто «воспользуется» правом инициативы или сама «отметка» о проведении реформы, важнее суть самой инициативы – ее целесообразность и своевременность. Думается, что в любом случае не следует *реформаторски опережать* те же проблемы чеченской графики и орфографии, которые также существуют и в более совершенной русской письменности, на которую мы опираемся; мы пользуемся почти единой графикой, поэтому оторванность от базовой графической системы или опережение предстоящих в ней реорганизаций чревато непредвиденными проблемами. Считаем, что указанная комиссия должна быть в курсе готовящихся инициатив по русскому правописанию, продемонстрировать суть ее предложений и вариантов, провести собственный сопоставительный анализ, в результате которого мы могли бы реально оценить и осознать предполагаемую орфографическую ситуацию для чеченского языка. Например, уже более двух десятков лет «работа над упорядочением русского правописания продолжается. В настоящее время обсуждаются предложения созданной в 1991 г. Орфографической комиссии при Институте русского языка Российской Академии наук, направленные на уменьшение количества исключений, устранение накопившихся противоречий в орфографических рекомендациях»¹². Из этого для нас следует, что во-первых, проблемы, подобные нашим, существуют и в других языках, даже в более совершенных

в орфографическом отношении; во-вторых, существуют они не один год, а десятки лет, но никто не «бежит» их решать. Впрочем, прав А.И. Халидов, когда говорит, что, проблема не столько в нашей орфографии, сколько в несоблюдении ее правил. При всем этом, нам необходимо иметь в виду, что, как говорится, весь мир движется в направлении упрощения формы и усложнения (абстракции) содержания средств языка как в национальном общении, так и в сфере межкультурной коммуникации. Реформа языка непременно должна быть ментально взвешена и направлена в ее будущее.

Нужно было бы обратить особое внимание на используемую нами азбуку (алфавит), с чего начинается наш язык и письменность. Речь идет о тех свойствах этой системы и некоторых признаках ее элементов, благодаря которым она может быть охарактеризована как самостоятельная чеченская национальная азбука. Этим самым мы выносим на обсуждение следующие, на наш взгляд, существенные вопросы по облегчению усвоения чеченского языка.

Язык и его грамматика начинаются, по нашему мнению, с познания философии языка непосредственно через природу самих звуков (звукознаков), что их связывает в ту или иную этническую систему (азбуку). В том числе, и в первую очередь, их природу и связь с явлениями человеческой действительности и т.д. Допустим, современная наука языкознание не может обосновать для студента и школьника и объяснить, почему, например, буквы **б, в, к, х, н, р, с**, соответственно, называются **бэ, вэ, ка, ха, эн, эр, эс**, не только в русском языке, но и в чеченском. Все самостоятельные звуки (азбуки) чеченского языка, как звукознаки явлений природы существования этого народа, имеют естественно-краткие формы произношения, которые получают естественное или физиологическое (артикуляционное), т.е. неумышленное сопровождение внутреннего голоса – **а**. Например, **ьа, ба, ва, ка, ха, на, ра, са, къа, т1а, ц1а, 1а** и т.д. Это – самые правдивые *природные* их имена.

Свои звукознаковые положения мы строим именно на познании природы непосредственно самих звуков языка (азбуки). Главными в языке есть и остаются звуки (звукознаковые формы); из них складывается язык, в них и смысл его; все это доказывается простейшим путем: нет звука – нет языка. А на основе положения науки языкознания о произвольности языковых знаков отдельные звуки и звуковые оболочки слов до сих пор остаются «пустыми», не связанными с их смыслом. А в разрабатываемой нами звукознаковой концепции они признаются первичными и непосредственными *мысленесущими* знаками (звукознаками) языка.

По результатам указанного исследования мы надеемся получить новые теоретические положения, благодаря которым чеченский естественный язык будет *понят* на уровне его звуков, что не было достигнуто никогда и ни в одном языке. И только чеченские звуки языка, обладающие *естествозвукознаковой* сущностью, заново раскрывают (восстанавливают) удивительную и древнюю нахскую философию языка и сознания, сложившуюся на простых истинах познания природы существования народа. Только подобный «звукозначимый» язык, состоящий из звуков явлений природы, способен играть роль наилучшего методологического инструмента в толковании древнейших звукознаковых памятников истории культур.

Поэтому, при достаточном и заинтересованном научном анализе и освящении положений этого исследования, считаем, что чеченский (нахский) язык обретет солидную методологическую ценность по изучению естественных звуковых явлений языков народов и тем самым обретет широкую известность. Мировые лингвистические и философские научные платформы, базирующиеся на классических положениях науки семиотики, изучающие знаки и их системы,

построены на отрицании (произвольности) объективной связи между смыслом и звуком знака или слова естественного языка – когда звукознаковые свойства чеченского естественного языка безупречно доказывают объективность этой связи. Знаменательные звукознаковые свойства чеченского языка науке еще не известны, но востребованы. Таким образом, *чтобы понять сущность естественного языка, нужно знать свойства чеченского, языка, поэтому, его необходимо вывести в мир и показать.*

И, наконец, вкратце отметим недостатки «Грамматики», которые в основном состоят из технических опечаток. Именно «Грамматика» в грамматическом отношении должна выглядеть безупречно, однако, к сожалению, этого достоинства ей не дали и сделать это нужно безотлагательно. В нынешнем виде выдавать ее за «Грамматику» никак не получается; к примеру, на начальных 200 страницах материала допущены около 40 опечаток, в т.ч., на стр. 98 – в действующем алфавите пропущена буква *ц*; вся 114 стр. повторяет стр.108; стр. 152, строка 2 – в ней допущены 2 опечатки и т.д.

¹ Халидов А.И. Грамматика чеченского языка. Грозный. 2013. С. 15.

² Там же. С. 102.

³ Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика. Грозный. 2011. С. 21.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Халидов А.И. Грамматика чеченского языка. Грозный. 2013. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Там же. С. 113.

¹² Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону «Феникс». 2010. С. 331.

Руслан Ясаков

Шайх Мансур: штрихи к портрету

О первом имаме Кавказа Мансуре, возглавлявшем в конце XVIII века северокавказские народы в их борьбе против экспансии царской России, вдохновенных романов не написано. Есть, правда, повесть «Шейх Мансур», изданная в 1934 году советским писателем Анатолием Виноградовым. В 1991 году известный чеченский ученый, доктор исторических наук Ш.Б. Ахмадов издал свою монографию – «Имам Мансур». А через 16 лет, в 2007 году, из-под пера доктора юридических наук Алауди Мусаева в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая биография шейха Мансура.

Следует сказать, что огромный интерес к личности Мансура у образованных россиян и европейцев возник еще до его пленения в Анапе в 1791 году. После завершения русско-турецкой войны 1787-1791 годов в Европе издаются «Мемуары шейха Мансура», составленные якобы из письменного наследия имама Кавказа. На самом же деле наш знаменитый земляк не имел к этим эпистолярным изыскам никакого отношения. О непричастности Мансура к изданным от его имени в Европе «Мемуарам...», в частности, свидетельствует и то обстоятельство, что последнее письмо в указанной книге помечено датой 15 сентября 1798 года (Соловецк, 15 сентября 1798 года). Имам Мансур, скончавшийся 13 апреля 1794 года вблизи Санкт-Петербурга, в Шлиссельбургской крепости, не мог осенью 1798 года находиться в келье Соловецкого монастыря и рассылать с того света письма по европам.

Анонимные публикаторы «Мемуаров шейха Мансура» без тени смущения представили первого имама Кавказа как итальянца Джованни Баттиста Боэти, «выдающегося искателя счастья». Слухи об итальянском происхождении чеченского героя в свою повесть «Шейх Мансур» транслировал и Анатолий Виноградов. Позже большой успех у европейских читателей имели и другие, не менее экзотические, тексты о жизни и подвигах «великого итальянца». Судьбой знаменитого чеченца интересовались и о нем писали французский философ Дени Дидро и выдающиеся русские литераторы Л.Н. Толстой и А.С.Пушкин.

Так кем же на самом деле был этот знаменитый предводитель северокавказских народов, известный всему миру под именем шейха Мансура? В сознании европейцев, во все времена считавших культурным пупом земли Западную Европу, и только ее, не укладывалось, что столь прославленный военный стратег Мансур мог быть выходцем из среды «невежественных, диких» племен Северного Кавказа. Сегодня весь мир знает, что имам Мансур был сыном чеченского народа, у которого, по убеждению известного чеченского поэта и писателя Магомеда Мамакаева,

Любовь к Отчизне, совесть, долг и честь
Здесь сыновьям внушались с колыбели.
И прежде чем учили пить и есть,
О мужестве им мамы песни пели.

Хитросплетения жизненных ситуаций человеческих судеб приводят к тому, что даже совершенно беспринципные личности, как это ни странно, помимо своего желания, порой приносят определенную информационную пользу будущим поколениям. Этот тезис относится и к кизлярскому татарину Али-Солтану, агенту русской администрации в период героической деятельности шейха Мансура. Посещая по торговым делам чеченские селения, в том числе неоднократно и аул Алды, Али-Солтан по заданию русских властей

собирал всевозможные сведения об умонастроениях местных жителей. Из его сообщений коменданту Кизляра полковнику Вешнякову следует, что отца Ушурмы (Мансура, родившегося около 1760 года) звали Шебесса (Шаабаз) и что у будущего героя Кавказа было несколько братьев.

Шаабаз был родом из чеченского села Элистанжи. Вместе с семьей он некоторое время жил в селе Хаттуни, а затем перебрался в аул Алды вблизи Сунжи, где и появился на свет будущий первый имам Кавказа. Легенда гласит, что когда в детстве Ушурма пас в горах овец, рядом с ним неожиданно появились два всадника на белых скакунах, которые подхватили мальчика и чудесным образом пронесли его над снежными горными вершинами. Когда мальчик пришел в себя, он почувствовал, что в его груди застыл чистый холод вечных снегов. И Ушурма понял, что таинственные всадники (видимо, это были посланные Аллахом ангелы) очистили навечно его душу от всякой скверны. Повзрослевший Ушурма научился отлично владеть оружием и, по сообщениям его «биографа» Али-Солтана, даже участвовал в набегах молодых чеченцев на русские военные посты близ Терека и казачьи станицы.

Среди своих сверстников Ушурма выделялся огромным ростом, силой и невероятной храбростью. Все говорили о том, что этому великолепно сложенному юноше суждено стать знаменитым воином. Однако где-то в возрасте 17-18 лет в его жизнь вновь «вторгаются» два таинственных всадника, после чего Ушурма надолго уединяется и прекращает всякие контакты со своими воинственными сверстниками. Миф о том, что молодой Ушурма покинул родной аул Алды для духовного образования в одном из медресе Дагестана или же отправился в горы Курдистана для участия в национально-освободительном движении курдов, был порожден богатой фантазией его многочисленных «биографов».

Русский историк Г. Прозрителев также способствовал легендарным «транспортировкам» будущего имама Кавказа в Курдистан. О нереальности заграничных вояжей Ушурмы свидетельствует тот факт, что, уже находясь в заключении в Шлиссельбургской крепости, на допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщил: «Я никогда не путешествовал и, кроме Анапы, никакого другого города не знаю». Скорее всего, поверхностное исламское образование имам (имам – араб. «Стоящий впереди») Мансур получил в родной Чечне. О том, что первый имам Кавказа не являлся ученым (улемом), свидетельствует и словесная характеристика, данная Мансору третьим имамом Чечни и Дагестана Шамилем: «Шейх Мансур имел мужественную, увлекательную наружность и, несмотря на то, что не знал грамоты, владел необыкновенным даром слова». По словам Шамиля, имам Мансур был «так высок ростом, что в толпе людей казался сидящим верхом на лошади». Шамиль родился в 1797 году, через 3 года после смерти Мансура в заточении и, естественно, прямых контактов с чеченским имамом он иметь не мог. Однако имам Чечни и Дагестана живо интересовался судьбой Мансура и получал сведения от людей, лично знавших алдынского шейха. Личность самого Шамиля вызывала живой интерес у россиян. После пленения бывший имам был устроен русским императором Александром II на жительство в Калуге в прекрасном особняке. В отличие от Мансура, заточенного в самую жуткую русскую темницу за то, что он «имеет дух, готовый к новым мятежам», Шамиль на чужбине жил припеваючи. Его несколько раз в месяц посещал офицер-графоман Руновский, готовивший жизнеописание Шамиля. Как-то Руновский задал почетному пленнику вопрос: «Кто был имам Мансур?». Шамиль, с огромным уважением относящийся к памяти чеченского шейха (араб. шейх – «вождь, князь» или «глава духовного ордена»), назвал Мансура родоначальником духовного и политического возрождения мусульман Северного Кавказа. В заключение своего рассказа о первом имаме Кавказа, Шамиль сказал: «Мансур был человеком, одаренным от природы всеми высочайшими достоинствами – моральными и физическими... Он владел необыкновенным даром слова, который, при его мужественной, увлекательной наружности, имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза или поражает слух».

С воцарением в 1762 году императрицы Екатерины II Россия усиливает свою экспансию как на Кавказ, так и против Турции. В 1763 году на кабардинской территории по приказу Екатерины II воздвигают крепость Моздок. Эта недружественная акция России приводит к длительной войне с кабардинцами (1765-1779 годы), за время которой Кавказская военная линия была продлена. Вслед за тем на притеречных кабардинских землях было образовано новое Моздокское казачье войско. Экспансионистская политика России приводит к очередному осложнению русско-турецких отношений. И в 1768 году Османская империя начинает против России военные действия. Однако после целого ряда проигранных морских и сухопутных сражений Турция была вынуждена в июле 1774 года подписать с Россией крайне невыгодный ей Кючук-Кайнарджийский мирный договор, в соответствии с которым Кабарда вошла в сферу влияния Санкт-Петербурга.

И почти сразу же, без всякой оглядки на побежденную Турцию, русское командование на Кавказе начинает ускоренное строительство крепостей на кордонной линии от Моздока до Азова, заселяя их волжскими казаками. Эти новые русские военные форпосты на Кавказе (Прохладная, Константиногорская, Кисловодская и другие), помимо прямого своего назначения, должны были также отгородить Кабарду от других северокавказских народов. Суть политики Екатерины II в отношении горских народов Кавказа выражалась в инструкции, данной императрицей генералу Медуе в 1769 году при его назначении командующим Кавказской линией. Медуе предписывалось: «Остерегаться более всего объединения горцев» и «...стараться возжечь между ними огонь внутреннего несогласия». Практически эта инструкция полностью соответствовала принципу Римской империи «*divide et impera*» (лат. «разделяй и властвуй»). Политика колонизации Северного Кавказа Российской империей приводила к ущемлению интересов местных народов. На тот период времени обширный регион между Черным и Каспийским морями, кроме казачьих военных поселений (станций), не имел оседлого русского населения. И все недовольство местных горских племен действиями русской военной администрации выражалось в форме набегов на казачьи посты и поселения.

Немаловажную роль в обострении противоречий между горскими народами Кавказа и царской Россией играло и то обстоятельство, что военное командование Кавказской линией принимало все меры к тому, чтобы ограничить традиционные торгово-экономические и политические контакты северокавказских народов как между собой, так и с Персией, Крымом и Турцией. Помимо экономической блокады горских племен, русская военная администрация на Кавказе проводила и прямой захват земель, принадлежавших местному населению. Попытки кавказцев сопротивляться произволу колонизаторов пресекались с помощью беспощадных карательных экспедиций русских войск против «немирных» горцев. В ходе колонизации Кавказа в отношении некоторых горцев царское правительство применяло и более действенный метод давления: продовольственную блокаду. Жестокий метод «замирения голодом» мятежных башкир в 1730-е годы в карательных экспедициях широко использовал царский полковник Тевкелев. Этот «крещеный азиатец» приказывал своим карательным отрядам сжигать созревшие хлебные поля, сенокосы и жилища башкир, из-за поборов царских властей и отчуждения пастбищных земель часто возмущавшихся против империи кровавыми мятежами. Сжигая посева и заготовленное на зиму сено мятежных башкир, угоняя их скот, Тевкелев докладывал начальству, что «в большую покорность приводит их голод». Тевкелевский метод «умиротворения голодом» в 1773-1774 годы, при подавлении крестьянского восстания, руководимого Е. Пугачевым и башкирским вождем Салаватом Юлаевым, использовали и царские карательные войска Михельсона. Как известно, в ходе восстания Емельян Пугачев был выдан предателями царским властям и казнен в Москве. А его сподвижник Салават Юлаев после пленения был проведен по всем крупным башкирским поселениям и, для назидания землякам, в каждом из этих сел Салавата публично

били кнудом. Затем палачи вырвали у башкирского лидера ноздри и сослали его на каторгу.

Благодарные земляки чтят память Салавата Юлаева как национального героя Башкирии. Ему посвящены многие художественные произведения различных жанров. Имя Салавата присвоено огромному числу культурных объектов Уфы и других городов и поселений Башкортостана. Из числа материальных памятников, посвященных Салавату Юлаеву, своей монументальной величавостью выделяется конная статуя, воздвигнутая в Уфе вблизи реки Белой. Семидесятые годы XVIII столетия ознаменовались не только подавлением царскими войсками восстания Пугачева и победой России над Турцией в войне 1768-1774 годов, но и осложнением обстановки на Кавказе, в том числе и в Чечне. Русские военные укрепления и посты подвергаются в 1774 году атакам со стороны чеченцев, и для их наказания в марте 1775 года царские войска во главе с полковником Кохом вторгаются в Чечню и сжигают село Старые Атаги, уничтожая при этом и продовольственные запасы местных жителей.

Надо отметить, что полковник Кох, бригадир Кнноринг и многие другие царские военачальники проявляли чрезмерную жестокость в деле «цивилизации диких, хищных» кавказских народов. Карательный поход полковника Коха на атагинцев вызвал озлобление чеченцев, что привело к их новым набегам на казачьи станицы и военные посты русских. В это сложное для чеченского народа время Ушурма (проведший несколько лет вне родного аула) возвращается в 1781 году в Алды. Здесь он женится на девушке по имени Чеча, дочери Этти Батырмурзина. После пленения на допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщит о том, что он женат и имеет троих детей: сына и двух дочерей.

Каких-либо письменных свидетельств об участии Ушурмы в нападениях чеченских отрядов на казачьи станицы и военные русские посты в период с 1781 года до начала 1785 года не имеется. Более того, будущий имам до 1785 года и своих земляков призывал не враждовать с казаками и русскими военными поселенцами, а вести честную жизнь, отказавшись от дурных привычек: хмельных напитков и табакокурения. После победы над Турцией в войне 1768-1774 годов в Петербурге уверовали в то, что Кавказ уже часть российской империи. Командующим Кавказской линией в 1776 году был назначен 33-летний Павел Сергеевич Потемкин, который являлся родственником всесильного светлейшего князя Григория Потемкина, фаворита императрицы Екатерины II. Чтобы защитить новые территориальные приобретения России на Кавказе от вражеских нападений, и для управления горскими народами, Кизлярско-Моздокскую линию было решено продолжить через кабардинские земли на запад.

И от впадения реки Малки в Терек до устья Дона было сооружено десять военных укреплений, некоторые из которых (Азов, Ставрополь и Георгиевск) вскоре обрели статус городов. В новые крепостные сооружения, образовавшие Азово-Моздокскую линию, были заселены сотни волжских и донских казаков с семьями. После включения Крымского полуострова в 1783 году в состав России и присоединения к империи населенного в основном ногайцами степного Прикубанья, начинается массовая колонизация Предкавказья русскими переселенцами из центральных русских областей.

Укрепление позиций России на Северном Кавказе сделано возможным присоединение к империи также и Картли-Кахетинского царства. В соответствии с подписанным в июле 1783 года в крепости Георгиевской (Георгиевский трактат) договором грузинский царь Ираклий II принял протекторат России. Так как проход через Дарьяльское ущелье в Восточную Грузию был сопряжен для русских экспедиций с опасностью нападений местных горцев, на пути от Моздока до Дарьяла воздвигли четыре крепости, в число которых входил и Владикавказ. В течение нескольких месяцев трудами полутора тысяч русских солдат вьючная тропа, ведущая через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал в Закавказье, была расширена, и в дальнейшем будет известна как Военно-Грузинская дорога.

Практику войсковых карательных экспедиций против непокорных чеченцев проводил и генерал-поручик П.С. Потемкин, командующий Кавказской линией. По его приказу весной 1783 года для приведения в покорность свободолюбивых чеченцев была проведена крупномасштабная военная операция. Наступление на немирные чеченские селения началось с двух сторон: с запада от Карабулака двигались драгуны, казаки и пехотинцы майора Рика, а через Ханкальское ущелье с севера шли войска во главе с полковником Кеком. 3 марта карательные отряды Кека атаковали село Атаги и близлежащий аул Алды. Местные жители вступили в бой с карателями, но из-за подавляющего превосходства противника в вооружении и в численности понесли крупные потери и отступили. Селения Атаги и Алды были разграблены и сожжены «воинством» полковника Кека.

Осенью того же 1783 года генерал П.С. Потемкин организовал новый поход против восставших атагинцев и жителей других непокорных сел, располагавшихся на лесистой Чеченской равнине. Из Малой Кабарды на усмирение чеченцев во главе шести рот гренадеров, двух батальонов егерей, двух эскадронов и Донского казачьего полка выступил генерал Самойлов. Одновременно с ним из Наура в сторону Ханкальского ущелья в сопровождении нескольких тысяч егерей, драгун, казаков и пехотинцев двинулся и сам командующий П.С.Потемкин. В ходе этого карательного похода местные чеченцы неоднократно нападали на колонны русских войск, но из-за неравенства сил одержать решающую победу над карателями они не смогли. По официальным данным, только в одном сражении с чеченцами, происшедшем в окрестности села Атаги, царские войска потеряли убитыми 18 человек, число раненных солдат составило 49 человек.

Количество погибших чеченцев не зафиксировано, но потери среди них, видимо, были значительными. Ушурма вернулся в родное селение незадолго до карательного похода русских войск. Он провел в горах много времени, обучаясь там у своего духовного наставника премудростям жизни и основам коранического учения. Молодой чеченец стал если не участником, то живым свидетелем боевых столкновений своих соотечественников с русскими войсками, вторгшимися на их землю. И вполне естественно, что разорения и насилия, произведенные незваными пришельцами в его родном краю, вызвали у будущего имама Кавказа ненависть к русским карателям и желание отомстить им. Он неоднократно слышал от старых чеченцев, умудренных опытом долгой жизни, что русские завоеватели не оставят в покое кавказские народы до тех пор, пока не овладеют всем Кавказом. И, скорее всего, именно глубокие переживания за судьбу своего народа и впечатления от кровавых столкновений осенью 1783 года его земляков с русскими колониальными войсками и породили у 23-летнего Ушурмы страстное желание отстоять свободу чеченцев от вражеского порабощения.

Более года он ждал какого-то знамения свыше, ведя тихий замкнутый образ жизни. И это откровение свыше Ушурма получил в начале 1785 года; к нему вновь явились два ангела, принявшие облик всадников. И они, посланцы Аллаха, открыли Ушурме его высокое предназначение: он должен привести к истинной вере – исламу – все народы Северного Кавказа. Когда Ушурма сообщил родственникам о повторном явлении двух божественных посланцев, по воле Творца возложивших на него высокую миссию борца за кораническое учение, те стали в изумление отговаривать его от поспешных действий.

Но, не прислушиваясь к советам близких людей, Ушурма с крыши родного дома обратился к созванным им алдынцам со следующим призывом: «Правоверные! Изо дня в день мы отступаем от слов Аллаха, будто забыв, что Он, Единственный и Всемогущий, сотворил всех нас и что к Нему нам предстоит вернуться. Мы отдаляемся от заветов священного Корана, будто не знаем о страшной каре, приготовленной Всевышним для всякого отступника. Опомнитесь, люди, ибо я возвещаю вам о гневе Аллаха, который вы навлекаете и на свои головы, и на весь наш народ!» Сообщается, что местный мулла, выслушав горячую речь Ушурмы, задал ему с язвительной усмешкой вопрос: «Кто ты, святой, ангел или, может быть, пророк?»

На что оратор ответил: «Я – Ушурма, сын Шабаза, которого вы все знаете. Я не ангел, не пророк и не святой, но один из тех, кого Аллах облагодетельствовал истинной верой. Я – раб Аллаха, не признающий никакого другого рабства, кроме этого. Я призываю и вас освободить свои души от низменных страстей, а ваши тела – от власти неверных!»

Весть о том, что в Чечне объявился имам, призывающий северокавказские народы к соблюдению чистоты ислама и к борьбе с гяурами – русскими колонизаторами – быстро распространилась по всему Кавказу. Через несколько недель после «алдынского воззвания» у Ушурмы появляется множество сторонников. Уже известный нам царский агент, кизлярский татарин Али-Солтан 8 марта 1785 года докладывал коменданту Кизляра, полковнику Вешнякову: «Ушурма приказал сделать себе знамя и копье... караул при нем находится весьма великий, а жители Алдынской деревни расположились по дороге, ведущей к российским границам».

В эти же дни старшина Сактач из ингушского селения Шолхи, расположенного около Владикавказа, доносил подполковнику Матцену о том, что «якобы в Чечнях появился пророк, приводящий магометан к своей присяге. Кроме того, хотят чеченцы в наши деревни приехать и к оной присяге всех принудить, а если не согласимся, то нас всех хотят разорить». Напряжение на Кавказской линии с началом деятельности Ушурма возросло невероятно. Лояльные России местные владельцы, старшины и специально завербованные агенты доносили командованию Кавказской линии о все возрастающем влиянии Ушурмы не только в Чечне, но и в среде соседних народов. В донесении брагунского (кумыкского) князя Росланбека полковнику Вешнякову сообщается, что жители ближайших к селению Брагуны деревень Аксаевская, Андреевская и Девлетгиреевская покорны Ушурме и «по немалому числу убегают жители, которым Мансур приказывает, чтобы, когда будет он выезжать из своего обиталища, то они следовали бы за ним вооруженно. Все, кто приезжает к Ушурме из горских деревень, дают ему присягу и отъезжают обратно единственно с той целью, чтобы разорять российские селения. Достоверно известно, что сей Ушурма имеет стремление напасть, разделяя войска свои на части, сразу на многие русские поселения, в том числе и на Кизляр...»

Авторитет алдынского имама среди северокавказских народов рос с каждым днем. Личную покорность Ушурме в апреле 1785 года объявили многие кумыкские владельцы. С уверениями в своей преданности посланцев к нему направили и дагестанские правители. Фактически весной 1785 года весь Северный Кавказ стал ареной политического размежевания местного населения на сторонников Ушурмы и его недругов. Опасаясь русских властей, часть местных владельцев и старшин всеми силами удерживали своих подданных и сельчан от перехода в лагерь Мансура, другие князья и мурзы из Кабарды и Кумыкии, видимо, недостаточно облагодетельствованные русской администрацией Кавказа стали активно сотрудничать с чеченским имамом. Простой же народ из Кумыкии и Кабарды переходил на сторону восставших чеченцев целыми отрядами. При этом отношение мусульманского духовенства к новоявленному имаму было неоднозначным. В общем соглашаясь с призывами Ушурмы к мусульманам соблюдать предписания Корана, помогать нуждающимся и готовиться к войне с гяурами-колонизаторами, некоторые муллы и кадии постоянно пытались уличить имама в слабом знании коранического учения.

И все же многие муллы Северного Кавказа одобряли деятельность чеченского имама и охотно становились его помощниками. Будучи неграмотным, Мансур не мог собственноручно писать письма на арабском, русском или турецком языках, вести переписку с русским военным командованием и местными кавказскими князьями и старшинами. Под диктовку Ушурмы эти письма и документы составляли хорошо образованные местные муллы и кадии. Самым авторитетным помощником имама Мансура был Умар-Хаджи из Шали. Известны и другие соратники чеченского шейха из числа ученых людей. Эти муллы – Нагай-Мурза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамбе-Хаджи. В основном именно эти религиозные

деятели исполняли роль секретарей имама Кавказа, записывая и распространяя его проповеди и послания по всему северокавказскому региону.

Проповеди Ушурмы за какие-то полгода изменили нравственный климат в Чечне. Жители большинства равнинных чеченских селений перестали изготавливать и употреблять хмельные напитки и отказались от табакокурения. По инициативе имама в центре каждого чеченского села были установлены специальные шесты находок, к которым местные жители привязали найденные вещи и ценности. Укрепив предписания ислама в равнинных чеченских поселениях, шейх Мансур начинает вести проповеди в горной Чечне, где формально приняты горцами ислам «разъедался» древними языческими верованиями и традициями. Алдынский имам налаживает также контакты с карабулакскими, ингушскими и осетинскими обществами.

Множество сторонников, особенно из бедняцкой среды, у чеченского имама появляется в Кумыкии, Дагестане, Кабарде, а затем и в Черкесии. В своих проповедях и письменных посланиях к кумыкам, дагестанцам, кабардинцам и другим народам Северного Кавказа шейх Мансур призывает их всех к мусульманской солидарности и следованию единым нормам шариата. Неизбежность исторической судьбы готовила северокавказским мусульманским народам жестокое и длительное столкновение с христианской Россией. Карательные экспедиции царских войск в Чечню и их злодеяния побуждали чеченцев к активному противодействию царским колонизаторам. И могучий дух, и религиозное рвение Мансура выдвинули его в руководители народного движения северокавказцев против экономической и военной экспансии царской России. Командование Кавказской линии, убедившись из регулярных донесений агентов в том, что возглавляемое имамом Ушурмой религиозное движение становится крайне опасным для империи, решило оклеветать руководителя народного движения.

Ко многим владельцам северокавказских народов были разосланы письменные послания, содержащие клеветнические измышления на имама Мансура. В частности, 24 марта 1785 года кизлярский комендант Вешняков направил к аксаевским князьям и владельцам письмо, в котором утверждалось, что «именующийся имамом – есть не кто иной, как вкравшийся со стороны турецкий шпион...» Здесь следует сделать некоторые пояснения относительно турецкого влияния на освободительное движение шейха Мансура. Дело в том, что широко растиражированные рассказы некоторых российских историков о широкой материальной и прочей поддержке турками кавказских повстанцев в конце XVIII века не соответствуют действительности. К концу XVIII столетия Османская империя не только растеряла свою хваленую воинственность, но после нескольких проигранных войн с Россией, Стамбул фактически находился в состоянии военно-политического тремора перед военной мощью императрицы Екатерины II.

Следует подчеркнуть также и то обстоятельство, что северокавказские мусульманские народы не проявляли к своим единоверцам-туркам особых симпатий, прекрасно понимая, что все действия последних на Кавказе мотивированы не братской любовью к черкесам или чеченцам, а проистекают единственно ради выгоды Оттоманской империи. Примечательно, что при всей своей военной мощи командование Кавказской линией очень скоро почувствовало силу религиозных фанатиков шейха Мансура. Имя алдынского имама было известно уже и в столице империи, Санкт-Петербурге. Светлейший князь, командующий всей русской армией генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин посылает на Кавказ письмо: «Повторяемые известия о появившемся лжепророке и народном от него волнении, как бы ни были темны и необосновательны, тем не менее требуют уважения... Не оказывая, впрочем, наружной заботы, которая может послужить к одобрению восставших горцев, прикажите стянуть некоторое число войск к реке Сунже, где находится главное сборище. Единный страх, таковым движением произведенный, будет удобен к разогнанию бунтовщиков...»

И по предписанию главнокомандующего русской армии, к реке Сунже к маю 1789 года стягиваются два пехотных полка, один егерский батальон, Уральский казачий полк и несколько эскадронов драгун. Генерал-майору Шемякину, командиру этой войсковой группировки дана установка действовать решительно с тем, чтобы не допустить эскалации движения шейха Мансура. Однако поступающие в Кизляр донесения и рапорты указывали, что предпринятые перемещения войсковых частей к Сунже не умиротворили горцев. И в конце июня светлейший князь Г.А. Потемкин приказывает направить во главе сильного отряда «в самое сборище Ушурмы лично известного ему своими качествами полковника Пиери».

Перед 35-летним тщеславным Пиери (греком по происхождению) стояла задача пробраться ночью незаметно в аул Алды, схватить там главаря мятежников Мансура и доставить его в ставку командования Кавказской линией. Для блокирования района нахождения алдынского имама к аулу Алхан-Юрт выдвинули отряд генерал-майора Шемякина, а Московский пехотный полк расположили вблизи границы Кабарды, в крепости Григориополис. Как известно, поход многотысячного отряда полковника Пиери для поимки Ушурмы завершился полным провалом. Незаметно окружить родное селение Мансура экспедиционному отряду не удалось. Поэтому солдатам Пиери удалось взять Алды только после упорного боя с местными жителями. В этом сражении и каратели и защитники чеченского села понесли значительные потери. Среди убитых чеченцев оказался и старший брат Ушурмы, самого же имама враги в его доме не нашли. Вождь алдынцев вывел из аула в густой спасительный лес стариков, детей и женщин, после чего предпринял искусный военный маневр.

Мансур вместе с боеспособными мужчинами незаметно зашел в тыл противника и перекрыл отряду Пиери лесную тропу, по которой русские солдаты проникли в Алды. И когда, подпалив огнем жилища алдынцев (предварительно очистив их от ценных вещей), русские каратели начали отходить по лесу к переправе через Сунжу, они оказались в плотном окружении чеченских ополченцев. Укрываясь за стволами деревьев, чеченцы открыли массированный огонь по противнику со всех сторон. От пуль алдынцев пало множество русских офицеров, егерей и гренадеров. Ранение в голову получил и «славный эллин» Пиери. Атака чеченцев на экспедиционный отряд была столь неожиданной и сокрушительной, что карателей охватила страшная паника. Вид объятого огнем родного селения, подожженного «воинством» Пиери, ожесточил сердца алдынцев, и они с яростью вновь и вновь бросались на отходивших к сунженской переправе русских солдат и офицеров.

В очередной рукопашной схватке атаковавшие повстанцы ранили Пиери повторно, и эта рана оказалась для полковника смертельной. Молодой поручик по имени Петр, отпрыск грузинской царской династии Багратидов, выполнявший обязанности ординарца полковника Пиери, храбро защищал своего раненого командира, но весь израненный попал в плен к чеченцам. За один день 6 июля 1785 года отряд Пиери потерял убитыми 300 солдат и 9 офицеров, число раненых составило несколько сотен, в плен к чеченцам попало около 200 человек. Прорваться к переправе через Сунжу удалось только остаткам русского экспедиционного отряда. По поводу этого бесславного для русского воинства сражения генерал-поручик П.С. Потемкин рапортовал своему всесильному родственнику, светлейшему князю Г.А. Потемкину: «...тут, видно, наши егеря совершенно (?!– Р.Я.) побежали. Горцы их резали безоружных и брали шатающихся по лесу в плен».

Победа алдынского ополчения над экспедиционным отрядом полковника Пиери чрезвычайно возвысила Мансура в глазах чеченцев. Они искренне уверовали в то, что он истинный имам и ему покровительствует сам Аллах. Удивительным образом Мансуру удалось объединить и дисциплинировать огромное число вольных кавказских джигитов, главным образом чеченцев и дагестанцев. За короткий период слава новоявленного имама возросла настолько, что по его призыву на жертвенный подвиг были готовы до десяти

тысяч мюридов из многих селений Чечни, Дагестана и Кумыкии. Консолидация туземного мусульманского населения вокруг фигуры Мансура чрезвычайно обеспокоила командование Кавказской линией. И для усиления трех главных военных баз на Кавказской линии – Екатеринограда, Моздока и Кизляра – русское командование вывело солдат из других мелких укрепленных пунктов и передислоцировало их в вышеуказанные главные военные центры.

Архивные документы свидетельствуют, что ополчение шейха Мансура главным образом состояло из малоимущих мюридов. Под знамя чеченского имама вставали и некоторые князья и владельцы Кумыкии, Дагестана, Большой и Малой Кабарды и Осетии. В одно время к движению Мансура примкнули также сыновья шамхала Тарковского, сын Казикумуховского хана и другие знатные люди Дагестана. Но как только в стане имама Кавказа возникали проблемы, все эти представители северокавказской правящей элиты покидали ряды восставших и изъявляли покорность России. Смиренно склоняя головы перед русскими властями, свою поддержку Мансура эти перебежчики обычно объясняли тем, что иначе «самозванец поджег бы деревни и угнал их скот...»

Воодушевленный победой над отрядом Пиери, после которой число мюридов чеченского имама увеличилось многократно, Мансур в июле 1785 года решается на штурм Кизляра. Разгромив Каргинский редут, находившийся в пяти верстах от Кизляра, пятитысячное ополчение шейха Мансура 15 июля начинает испытывать стойкость кизлярского гарнизона. Но, несмотря на яростные атаки осаждавших, длившиеся несколько дней, этот русский бастион на Тереке устоял. И чтобы избежать лишних жертв, шейх Мансур отвел своих мюридов от Кизляра. В конце августа того же года отряды чеченского имама повторно и вновь неудачно попытаются овладеть Кизляром. Безуспешной оказалась и двухдневная осада сподвижниками Мансура русской крепости Григориополис, предпринятая имамом 29 июля 1785 года. Военно-тактические проблемы имама Кавказа Мансура заключались в том, что, как правило, побеждая противника в партизанской войне, кавказские горцы не имели ни опыта, ни специального оборудования для взятия укрепленных крепостей, которые защищались хорошо обученными регулярными войсками, имевшими на вооружении артиллерию. Успешному развитию повстанческого движения шейха Мансура препятствовало и то, что русская военная администрация на Кавказе наладила широкую сеть агентур из числа местных владельцев, старшин и прочих «гибко» мыслящих личностей. И это обстоятельство позволяло командованию Кавказской линии быть в курсе намерений мятежного имама, чтобы заблаговременно усиливать живой силой и вооружением те объекты, на которые готовились напасть местные мятежники. Несмотря на провал второй атаки на Кизляр (22 VIII 1785 г.), имаму Мансуру все же удалось сохранить свое ополчение.

Историк П.Г. Бутков сообщает: «Ушурма снова приобрел расположение умов, воспаленных мщением и восстанием... многочисленные толпы опять отовсюду стекались к нему». Далее П.Г. Бутков пишет: «По распоряжению Ушурмы горцы одновременно сделали нападения на все места, занятые войсками кавказского корпуса. Так, кабардинцы напали в августе месяце на отряд генерал-майора Шемякина, стоявший в вершинах реки Малки у Бештовых гор. Вторгались неоднократно большими силами на пограничную линию, производя грабежи, опустошения и убийства. В это же время закубанцы вторгались на Линию и покушались овладеть Прочноокопской крепостью. Дагестанцы, в числе 20 тысяч человек, подушенные ахалцихским пашою и подкрепленные турками, производили опустошения в сентябре, октябре и ноябре, в Грузии и Имеретии... Возмущение на Кавказе распространилось до такой степени, что полностью прекратилось сообщение Грузии с пограничной линией...»

Изменчивая фортуна начинает отворачиваться от Мансура в конце 1785 года именно в Чечне. По свидетельству все того же П.Г. Буткова, когда поздней осенью имам вернулся из Кабарды в родное селение Алды, он «был принят без того энтузиазма, какой питали к нему прежде». Опасаясь карательной экспедиции русских войск против аула, старшины Алдов посылают 8 декабря 1785 года

верноподданническое письмо полковнику Савельеву. Примерно в это же время к кизлярскому коменданту Вешнякову от многих чеченских старшин поступают такие же письма с уверениями в дружбе и лояльности. Свою преданность России высказали и жители села Атаги. Почувствовав смятение в рядах туземного населения и участников антирусского движения имама Мансура, генерал-поручик П.С. Потемкин обращается к восставшим горцам с воззванием. Командующий Кавказской линией предлагает мятежникам сделать выбор между пряником и кнутом в следующих словах: «Обещаю, что если народы кумыкские и чеченские, обратясь на путь истинный, принесут раскаяние и, поймав возмутителя, выдадут его в руки мои, то будут во всем прощены, оставлены в покое. Дано будет тем, кто приведет его (Мансура – Р.Я.) живого, три тысячи рублей, за голову же от мертвого – пятьсот рублей. Но если и за сим народы не раскаются, и паки к нему прилепляться будут, тогда подвину я гром оружия и меч острый на поражение преступников».

Настали дни, когда шейх Мансур, опасаясь предательства со стороны своих же продажных односельчан, был вынужден жить не в собственном доме, а в укрепленном подвале под защитой верных мюридов. Своих сторонников имам призывал беречь силы и не складывать оружия. А тем временем русское командование на Кавказе усилило военное давление на кабардинцев. Угрожающее выдвижение царских войск к реке Баксан на исходе 1785 года вынудило владетелей Большой Кабарды Мисоста Бамата, Атажуки Хамурзина и других выразить преданность Российской империи. Покорность императрице Екатерине II высказали и многие князья Малой Кабарды, за исключением князя Дола, являвшегося верным сподвижником имама Мансура. Чтобы уберечь родной аул Алды от атаки русских войск и разорения, Мансур на время перебирается в селение Шали к своему шуруну.

По призыву шейха Мансура в начале 1786 года горцы Северного Кавказа вновь выступают против российских колонизаторов по всей военной линии от Черного до Каспийского морей. Имам Кавказа планировал собрать большое войско своих сторонников и идти с ним в Большую Кабарду. Здесь, соединившись с кабардинцами и закубанскими адыгскими племенами, Мансур намеревался атаковать Кавказскую линию. Созвав в конце июля 1786 года религиозных и военных активистов от всех северокавказских народов, имам Кавказа указал время и место сбора горского ополчения для предполагаемого похода на Владикавказ. Командование Кавказской линией, регулярно получавшее от агентов донесения о замыслах Мансура, предприняло превентивные меры для недопущения объединения сил восставших горцев. Чтобы удержать кумыков Андреевской и Аксаевской деревень от соединения с отрядом Мансура, от Кизляра к Каргину была выдвинута бригада генерал-майора Соломина. А крупный отряд полковника Нагеля двинулся в Малую Кабарду для усмирения князя Дола – самого стойкого кабардинского союзника шейха Мансура.

Приказав солдатам угнать скот Дола и его крестьян, полковник Нагель приготовился к разорению кабардинских селений и сожжению хлебов на полях, ожидая «раскаяния» князя и его подданных. И действительно, Нагель добился таким способом «раскаяния» Дола и его народа. Вслед за кабардинскими князем, в августе 1786 года шейха Мансура предал также и андреевский владетель Чепалов Хаджи Муртазалиев. Если до этого времени большинство северокавказских владетелей и князей занимали выжидательную позицию, то в конце лета этого же года почти все они отмежевались от движения имама Мансура и обратились к русским властям с покаянными письмами, заявляя, что «будут служить отныне российской империи с усердием».

Измена кумыкских, дагестанских и кабардинских владетелей и князей расстроила все планы имама Кавказа. С трудом собрав из чеченцев, аварцев, тавлинцев и кумыков ополчение численностью в тысячу человек, Мансур решается принудить карабулаков примкнуть к антирусскому восстанию. Надо отметить, что на тот момент проживавшие в междуречье Ассы и Фортанги карабулаки не являлись приверженцами ислама и поэтому призывы чеченского

имама вступить в борьбу с русскими гяурами воспринимали с прохладцей. Поход Мансура в земли карабулаков встретил неожиданное сопротивление со стороны местных жителей. И во второй половине июня 1787 года с помощью русских соединений карабулаки вынудили мюридов Мансура отступить, и эта неудача еще больше ослабила силы сторонников имама.

После тщетных попыток собрать в Чечне и Дагестане новое мощное ополчение горцев Мансур был вынужден в начале июля 1787 года покинуть пределы Российской империи переходом на левый берег Кубани. И с этого времени имам Кавказа начнет новую войну против России во главе закубанских адыгских племен и ногайцев. Чеченский имам имел огромное влияние на черкесов. С появлением в Черкесии Мансура атаки северо-западных кавказских горцев на Кавказскую линию усилились многократно. Сильные столкновения закубанцев с русскими были у села Новосельцево, где черкесы пленили более двухсот жителей и угнали девять тысяч голов скота. Вскоре две тысячи черкесов во главе с Мансуром перейдя Кубань, уничтожили русский пост Безопасный и нанесли удар по Донской крепости. Дойдя до города Черкаска, отряд Мансура атаковал близлежащий Болдыревский редут, где располагались три полка казаков. Разбив в бою противника, черкесы пленили полковника Донцова и сто пятьдесят казаков.

9 сентября 1787 года начинается очередная русско-турецкая война, и имам Мансур из турецкой крепости Суджук-Кале во главе своих мюридов направляется к черкесам для организации мощного вторжения в пределы Российской империи. В ходе всей этой военной кампании отряды Мансура нанесли огромный урон живой силе и престижу Российской империи. Так, в феврале-марте 1790 года военное искусство имама Мансура и стойкость его мюридов привели к полному провалу закубанского похода войск генерал-поручика Бибикова. Есть сведения о том, что в ноябре Мансур вернулся в Чечню и пытался поднять чеченцев и дагестанцев на новую борьбу с российскими колонизаторами. Но, не добившись успеха, имам вновь вернулся в Черкесию.

А между тем к концу 1790 года военно-политическая обстановка на Кавказе складывалась явно не в пользу Блистательной Порты (Турции). 30 сентября в сражении близ реки Тохтамыш (около совр. Черкесска) сравнительно небольшая группировка русских войск под командованием генерала Германа разгромила экспедиционный турецкий корпус и пленила его командующего Батал-пашу. После этой победы над турками генерал-поручик барон Розен перешел со своим отрядом на левый берег Кубани и предал огню множество адыгских селений. И закубанские адыгские племена, разочаровавшись в турках и не имея сил противостоять русским войскам, на некоторое время покорились России. Ногайцы же, кочевавшие вблизи реки Лабы, по собственному желанию переселились на правый (российский) берег Кубани. Через некоторое время около двух тысяч ногайских семейств были отправлены во внутренние российские губернии. В декабре 1790 года генерал Булгаков, не отличавшийся особой прытью, был снят с должности командующего Кавказским корпусом, и на его место назначили генерал-аншефа И.В. Гудовича. Новому командующему приказали срочно выехать на Кавказскую линию и приступить к «открытию самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турков, положить навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила». Располагавшаяся на северо-восточном берегу Черного моря Анапа имела чрезвычайно важное значение для Турции. По указанию султана Абдул-Хамида I приглашенные французские инженеры перед самой войной возвели тут настоящую крепость, на стенах которой было установлено 83 орудия и 12 мортир крупного калибра.

Гарнизон Анапы состоял из нескольких десятков тысяч турок, 15 тысяч татар, ногайцев и закубанских черкесов. Командиром гарнизона был трехбунчукный Мустафа-паша. С моря Анапу защищал турецкий военный флот. Пытаясь поднять против России мусульманское население Кавказа, в марте 1791 года султан посылает очередной фирман, в котором осуждал тех мусульман, кто уклонится

от участия в войне «правоверных» с «беззаконниками». Находившийся в Анапе шейх Мансур также рассылал собственные воззвания к горским народам, призывая их к непримиримой борьбе с русскими колонизаторами. Осаду Анапы русское командование начало 10 июня 1791 года. Командующий Кавказским корпусом генерал Гудович подвел свои войска к Анапе и расположил их таким образом, чтобы отрезать крепость от ожидаемой помощи как от турецкого гарнизона Суджук-Кале, так и со стороны горцев.

На рассвете 18 июня русская артиллерия начинает массированный обстрел Анапы, в результате которого во многих кварталах крепости вспыхнули пожары. Пожар продолжался всю ночь до рассвета, сгорело множество домов, были уничтожены провиантские склады Анапы и многие крепостные здания. Вполне резонно предположив, что разрушительный обстрел русской артиллерией Анапы подавил волю турок к дальнейшему сопротивлению, генерал Гудович 20 июня через парламентаря предлагает Мустафе-паше сдать крепость, гарантируя безопасность ее гарнизону и жителям. В случае отказа от капитуляции Гудович угрожал Мустафе-паше разрушительным штурмом Анапы. Начальник гарнизона крепости склонялся к выполнению ультиматума русских, однако имам Мансур, имевший огромный авторитет среди защитников Анапы, добился игнорирования требования генерала Гудовича. Лишь после длительного ночного обстрела русским солдатам удалось утром 22 июня прорваться в Анапу. Мансур вместе со своими мюридами-горцами активно участвовал в отражении атак неприятеля. Однако упорство атаковавших русских солдат и большие потери сломили дух турецкого гарнизона крепости. И спасая жизнь, турецкие янычары стали сдаваться русским в плен целыми отрядами. И только горцы, возглавляемые имамом Мансуром, все еще держали оборону Анапы. О «героизме» хваленого янычар свидетельствует то, что количество турок, сдавшихся в плен, составило 13532 человек, тогда как убитых янычар было только около 8 тысяч. Для сравнения: число местных горцев, попавших живыми в руки русских солдат при взятии Анапы, не достигало и полусотни.

Имам Кавказа сражался с ворвавшимися в крепость русскими егерями и казаками как лев до последней возможности. Оставшись один на один с атаковавшими его врагами, Мансур спустился в пороховой погреб и продолжал отстреливаться, держа в руке зажженный факел и угрожая взорвать пороховой склад. По поручению генерала Гудовича русский парламентар, знавший чеченский язык, предлагал шейху Мансуру сдаться на весьма достойных условиях. Но, не веря ни единому слову и обещаниям русских гяуров, имам продолжал отстреливаться до тех пор, пока у него не кончились патроны. Подрыв склада явился бы актом самоубийства, что совершенно недопустимо для истинного мусульманина, поэтому и стало возможным пленение русскими первого имама Кавказа. Мансур и другие знатные пленники были под усиленной охраной доставлены 4 июля 1791 года в столицу Российской империи.

В дневнике секретаря Екатерины II А.В.Храповицкого записано: «6 июля 1791 года привезли в Царское село шейха Мансура, взятого в Анапе. С 17 лет он начал проказничать против России и сделал большую смуту. Нам он стоит 30 тысяч войска. После обеда водили его близ колоннады, и Государыня изволила его видеть». Прекрасно сложенный горец с мужественным лицом произвел на императрицу сильное впечатление. И Екатерина II издала тайное распоряжение добиться раскаяния мятежного красавца-имама с тем, чтобы вынести ему мягкий приговор. Однако будучи человеком кристальной честности, Мансур четко осознавал различие между компромиссом и бесчестьем и не шел на сделку со следователями из Тайной экспедиции.

В первое время при допросе Мансура, начальник Тайной экспедиции Шешковский пользовался услугами толмача-чеченца. Имя этого человека неизвестно, но, переводя слова пленника, он всячески пытался приуменьшить вину своего соотечественника Мансура. Более того, чеченский переводчик даже вкладывал в ответы имама несуществующее раскаяние последнего. Но когда к следствию подключили коллежского советника Константинова, знавшего язык

чеченского узника, ложность переводов земляка Мансура раскрылась, и толмач этот был отправлен в Чечню. Во время последней встречи с пленным имамом чеченский толмач дал Мансуру слово передать его послание соотечественникам. Привожу некоторые выдержки из последнего обращения нашего великого предка Мансура к землякам:

«...Сейчас я нахожусь в руках гяуров, которые пытаются сломить меня. Мне то угрожают, то обещают свободу и все житейские блага, требуя за это отказаться от нашей борьбы и признать все, что мы делали ошибкой и заблуждением. Они готовы отпустить меня, если я признаю их действия на нашей земле законными. Враги хотят, чтобы мы встали перед ними на колени и выполняли все их приказания, чтобы они распоряжались нами как скотиной, продавали в рабство и убивали, когда им вздумается... Если бы врагу не помогали некоторые из вас – продажные, алчные, трусливые, соблазненные земными благами, – мы смогли бы намного раньше избавиться от врага. Этих людей нужно остерегаться. Враг привлекает их подкупом, ложью, хитростью, и они такие же враги нам, как и захватчики... Мои дорогие братья! Не успокаивайтесь и не гонитесь за земными благами! Помогайте друг другу, давайте милостыню нуждающимся, молитесь Богу и храните чистоту веры!..»

В этих словах заключена вся боль души Мансура, великого чеченца, на троне сердца которого никогда не восседали трусость, подлость и прочие низменные чувства. Все плененные руководители антироссийского восстания 1787-1791 годов под пытками и издевательствами царских тюремщиков «раскаялись в своих злодеяниях» и были помилованы «просвещенной» Екатериной II. И только несгибаемый духом Мансур наотрез отказался признать свою борьбу против царских колонизаторов «злодейством по заблуждению». В соответствии с секретным рескриптом императрицы от 15 октября 1791 года шейх Мансур был объявлен бунтовщиком и государственным преступником и приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба Империи».

Комендант крепости Михаил Колюбакин поместил бывшего имам Кавказа в 11-тый «номер» нижнего этажа казармы с дневным довольствием в 25 копеек. В одиночной камере без окон, в постоянной темноте и гнетущем безмолвии чеченский узник провел около трех лет. Нечеловеческие условия заключения и невыносимая тоска по воле вселили в могучее тело Мансура скоротечную чахотку. Наш национальный герой скончался 13 апреля 1794 года и тело его, как и других умерших заключенных крепости, без всякого обряда было погребено в безымянной могиле вблизи города Шлиссельбург на Преображенской горе. Мансур наш славный ушел в Вечность 220 лет назад.

P.S.: Однажды имам Кавказа приснился мне: он стоял на «береге» Сунжи и с тоской вглядывался вдаль. И со своим ростом под 220 см Мансур даже стоя выглядел, как на коне. Печаль в его глазах передалась и мне. Когда сон покинул меня, перефразируя римское «что позволено Юпитеру, не позволено быку», я невольно воскликнул: «Если позволено башкирам славить Салавата и ставить ему памятники, что мешает нам, чеченцам, отдать должное памяти Мансура?»

Литература:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1-2. Тифлис, 1868-1904 г.
2. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. История, география и этнография Дагестана». – Москва, 1804 г.
3. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Москва, 1823 г. Ч. 2.
4. Будков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. 1-3. СПб., 1869.
5. Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к

Оттоманской империи с 1192 года по 1202 год Хиджры. (1775-1784). Русский архив. – Москва, 1888 г. Кн. I.

6. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – Москва, 1957 г. Т. 1-2

7. Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1958 г. Т. III. Ч.1.

8. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. Издание полное, с примечаниями Г.Н. Геннади. – Москва, 1862 г.

9. Александров Н. Шейх Имам Мансур. Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56. Симферополь, 1919 г.

10. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. – Грозный, 1991 г.

11. Мусаев А. Шейх Мансур. – Москва, 2007 г.

12. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне XVIII в. Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии XVI-нач. XX в. – Грозный, 1980 г.

13. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991 г.

14. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. – Москва, 1888 г.

15. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. (Священная война шейха Мансура. 1785-1791 гг.). Пер., комментарии В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994 г.

16. Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Тифлис. 1859 г.

17. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974 г.

18. Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVII-XIX вв. Тбилиси, 1988 г.

19. Букалова В.М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII века. (Вопросы истории). Москва. 1961 г. № 10.

20. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939 г.

21. Виноградов А.К. Шейх Мансур. Москва, 1934 г.

22. Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х годов XVIII в. Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1988 г.

23. Георгий И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799 г. Т. 1-2.

24. Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. (По документам Кизлярского комендантского архива). Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ. 1914. №.11.

25. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга. //Археолого-этнографический сборник//. Т. III. Грозный, 1969 г.

26. Дубровин Н.Ф. Кавказская война. СПб., 1871 г. Т. 2.

27. Корольков М.Я. Шейх Мансур Анапский. (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа. Русская старина. СПб., 1914 г.

28. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. Москва, 1963 г.

29. Гордин Я. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва, 2011 г.

«Нохчмохк – моя «болевая» точка на карте мира...»

Программа развития горных районов Чеченской Республики живет еще с советских времен. Тема возрождения села, деревни, аула, кишлака и т.п. – тема глобальная. Урбанизация – это не только угроза материальному существованию сельского хозяйства вообще, но и угроза существованию языка данного этноса, его фольклорной самобытности, традициям, духовности. Ведь село всегда являлось хранителем этих вышеперечисленных ценностей в живом, а не задокументированном виде. Юрт или аул стремительно теряет свой сложившийся веками облик, уклад, способы ведения хозяйства и т.д. Проникновение «благ цивилизации» в самые отдаленные и труднодоступные сельские поселения меняет не только быт крестьянина, но и образ его мышления, мировоззрения, характер поведения и многое другое. Проблема оттока населения из дальних и ближних сел в города является злободневной для всех регионов.

Сегодня Правительством Чеченской Республики во главе с молодым лидером Рамзаном Ахматовичем Кадыровым проводится планомерная работа по возрождению горных районов Чечни – даже в самые отдаленные и малонаселенные места проведены дороги, водопровод, линии электропередач, во многих отдаленных уголках есть газ. Построены мечети, новые школы, административные здания – словом, созданы все удобства, которые могут быть в современном сельском поселении. Желающим поселиться в вновь возрождаемых аулах руководством республики оказывается всемерная помощь – в первую очередь, с жильем, в обзаведении хозяйством и т.д.

Один из самых густонаселенных и больших районов Чеченской Республики – Ножай-Юртовский радует нас не только живописными пейзажами, но и темпами социально-экономического и культурного обновления и развития района. За послевоенное десятилетие район, как и вся республика, приобретает новый облик – заасфальтированы дороги, осуществлено водоснабжение сел, большинство населенных пунктов газифицировано, построены прекрасные по своему архитектурному исполнению мечети, восстановлены «зиярты» – захоронения мусульманских святых подвижников. Открываются новые школы, больницы, дома культуры, административные здания.

Рассказать об истории края, о его людях, о перспективах социально-экономического развития Ножай-Юртовского района мы попросили одного из известных выходцев из этого региона, зав.кафедрой теоритической физики ЧГУ, доктора физико-математических наук, профессора, вице-президента Академии наук Чеченской Республики Райкома Хасимхановича Дадашева. Именем ученого с мировым именем названа средняя школа в его родном селе Хочи-Аре Ножай-Юртовского района.

– Райком Хасимханович, как нам известно, Вы родом из Ножай-Юртовского района, закончили там школу, оттуда начался Ваш трудовой и творческий путь. Это родина предков, Ваш Даймохк. Расскажите об истории этого живописного края, ведь Вас знают не только как

выдающегося ученого-физика, но и как краеведа-историка, филолога-исследователя родного языка.

– Район, называемый теперь Ножай-Юртовским – регион древнейшего расселения вайнахского этноса, носителей культуры, условно названной советскими учеными «каякентско-харачоевской», следы которой ведут из третьего-второго тысячелетия до нашей эры. Находки эпохи бронзы свидетельствуют о высокой материальной культуре проживавших здесь древнейших этнических образований. Эта благодатная земля, по-видимому, всегда привлекала к себе внимание всякого рода захватчиков и была ареной борьбы за обладание ею. Нохчмохк – Ичкерия – колыбель крупных, основных чеченских родов – тейпов. Беной, центарой, гendarгенной, алирой, зандакой, билтой, чермой и многие другие издревле проживали на этой территории, называемой «Нохчмохк» – в основном территория нынешнего Ножай-Юртовского и Веденского районов. Почти все села Ичкерии носят одноименные с тейпами названия. Сам этноним «Ичкерия» – тюркоязычного происхождения, переводится как «Внутренняя страна, территория».

Нашествие татаро-монгольских полчищ вынудило нохчмохкхойцев покинуть эти места в поисках временного укрытия от истребления. Наши предки, оказывая героическое сопротивление, отступили в труднодоступные горные районы, вверх по Аргунскому ущелью и в сторону озера Галанчоуж, в Нашха. Когда татаро-монгольские полчища Тохтамыша были разбиты на берегах Терека в тысяча триста девяносто пятом году армией более грозного завоевателя – Тимура, началось постепенное возвращение вайнахов на равнинные земли, с которых они были вытеснены нашествием. Процесс этот был долгим, шел не одно столетие. Постепенно из района Нашха стали мигрировать предки нынешних нохчмохкхойцев на территорию нынешнего Ножай-Юртовского и Веденского районов, вновь закладывая хутора и аулы. Возраст основных тайповых поселений Ичкерии – пятьсот-семьсот лет. Земля Нохч-Мохка всегда была ареной основных исторических судьбоносных событий, происходивших в Чечне.

Наиболее освещенными являются исторические события восемнадцатого-девятнадцатого веков – это десятилетия борьбы за независимость, за сохранение своей религии, обычаев. Личность Бейбулата Таймиева еще недостаточно раскрыта исследователями. Эта была фигура общекавказского масштаба, он, по сути, подготовил договор о добровольном вхождении в Россию, выражаясь современной терминологией, «на федеральной основе, с разграничениями полномочий». Этим можно было бы избежать тех огромных жертв, которые понес чеченский народ в долгой, кровопролитной Кавказской войне против великой по территории, военной и экономической мощи Российской империи. И, как чаще бывает в таких ситуациях, предательское убийство устраняет этого выдающегося лидера, и путь великому злу и насилию был открыт.

– Райком Хасимханович, какие перспективы развития Ножай-Юртовского района видятся вам в будущем? На что нужно обратить внимание в первую очередь в деле социально-экономического развития района? Какие природно-климатические, гуманитарные факторы могут влиять на направление развития района?

– Ножай-Юртовский район обладает всеми природными и трудовыми ресурсами, резервами для успешного развития многих отраслей промышленности, сельского хозяйства – животноводства, земледелия,

садоводства, пчеловодства и т.д. Живут здесь люди, славящиеся своим гостеприимством, веселым, миролюбивым характером и трудолюбием. Прохладный, умеренный климат региона позволяет выращивать здесь экологически чистые фрукты – в горах почти не бывает садовых вредителей. Хорошие урожаи дает здесь картофель, кукуруза, бобовые, различные овощные культуры. Богатые водные ресурсы позволили обеспечить все населенные пункты чистой родниковой водой. За последнее послевоенное десятилетие из верховьев реки Аксай проложены водопроводы, по которым питьевая вода самотеком, без использования электронасосов и других вспомогательных средств поступает в села. Газификация населенных пунктов позволила возродить лесное хозяйство, чьи ресурсы были истощены варварской вырубкой на дрова и другие нужды. Здешние леса, образно выражаясь – в основном, дикий плодово-ягодный сад, бери, ничего не вкладывая. Здесь обитают многие виды диких животных, есть охотничье хозяйство. Нужно еще вспомнить и об отгонном животноводстве, веками бытовавшем в этих краях. В жаркие летние месяцы скот отгонялся на высокогорные пастбища, где он выпасался на зеленеющих все лето альпийских лугах. Из-за прохладного климата там не бывает насекомых-паразитов, от которых так страдают животные в жаркое время в долинах.

В советское время по спущенному сверху плану многие плодородные земли были отданы под табак – культуру неблагоприятную, неперспективную и вредную для здоровья человека. Бедные наши горянки, не имея других источников дохода, трудились от весны до осени, сдавая эти табачные тюки государству за плату, несоизмеримо меньшую по сравнению с затраченным трудом. Мужское население в большинстве своем занималось отхожими промыслами, выезжая в другие регионы Советского Союза. Но это уже в прошлом, сегодня широкая свобода для предприимчивого человека, лишь бы не отпугивать его бюрократическими перегибами налоговых и других органов власти. Проблема отъезда молодежи поближе к городам, в другие регионы страны, особенно за границу в поисках призрачного благополучия – это проблема не только нашего района, но и других республик. Благополучие находится под ногами – это родная земля, на которой жили и кормились десятки поколений твоих предков и на которую везут хоронить с чужбины, из любого уголка планеты с огромными материальными затратами.

– А как обстоят дела с людскими ресурсами в районе? Помните, Ножай-Юртовский район был, если не ошибаюсь, самым многолюдным из горных районов, был переизбыток рабочей силы, и многие уезжали на заработки по всему Советскому Союзу.

– Да, действительно, в шестидесятых – восьмидесятых годах прошлого века Ножай-Юртовский район был одним из самых густонаселенных в Чечено - Ингушетии. Было много колхозов, совхозов, был ковроткацкий цех в Ножай-Юрте и другие небольшие предприятия. Но люди ездили на заработки, в основном не от безработицы, ее не было в Советском Союзе, их привлекали за тунеядство. Дело было в том, что нам, в силу нашего менталитета, уклада жизни не хватало советских зарплат. Одно было хорошо – все «шабашники» возвращались осенью домой, в свои семьи. Теперь едут далеко и надолго – в Европу и даже за океан. К сожалению, за знаниями и науками уезжают немногие.

В конце восьмидесятых годов начали происходить оползни в некоторых населенных пунктах, которые потом периодически повторялись. Жители

вынуждены были переселяться на равнинные места Гудермесского, Грозненского и других районов, закладывая там Новый Центорой, Новый Энгиной и др. Затем последовали известные всем нам военные события, которые усугубили исход людей с насиженных мест. Сегодня села Ножай-Юртовского района сильно сократились в людском отношении. Многие довольно крупные некогда села сократились почти вдвое. Это проблема не только нашего района, но и других, более-менее отдаленных от городов. Нужно привлекать туда людей. В верховьях реки Аксай есть места для развития туризма, и в перспективе это учтено руководством республики.

– Нохч-Мохк, как известно, это край, откуда вышли многие эвлия, устазы – духовные наставники народа. Они несли свет людям, своим образом жизни показывая, каким должен быть истинный мусульманин, не давая сбиться с пути в годы мрачной реакции царизма и большевизма. Лидеры военные и вожди духовные – можно ли рассматривать их дела раздельно? Ведь разжечь пламя войны легче, чем его потушить. У нас часто получается, что начинают войну пришлые, а заканчивают ее свои, спасая народ от полного истребления.

– На территории района находится много святых мест, связанных с жизнью и деятельностью великих устازов. Зиярты, культовые сооружения на могилах святых эвлия, разрушенные Советской властью, восстановлены, и туда идут тысячи паломников со всего Кавказа. Многие из них находятся на территории Ножай-Юртовского района. Воккха-Хъажа Саясановский, Гъеза-Хъажа из Зандака и другие святые подвижники стали духовной опорой, маяком для народа в мрачные, трагические годы истории всего чеченского народа. Некоторые из них были еще и воинами, соратниками имама Шамиля в Кавказской войне, основная тяжесть которой легла на Нохч-Мохк. Много славных наибов имама Шамиля вышло из Ичкерии. И главные события этой многолетней войны происходили на территории Ичкерии. Вспомним героическое имя сына этого края – легендарного полководца Байсангура Беноевского, вся жизнь которого прошла в боях и походах, который, потеряв глаз и половину своих конечностей, сражался привязанным к седлу и не сложил оружия даже после пленения имама Шамиля в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году.

Великий духовный подвиг Кунта-Хаджи Кишиева показал людям, что война только убивает, ведет к постепенному уничтожению нации. Он явился как спасение для чеченского народа, доведенного до полного уничтожения долгой Кавказской войной. Конечно, война – это зло, вечно сопровождающее человечество, и пути военных предводителей и духовных наставников идут параллельно, а потом пересекаются в точке истины. У нас часто бывает, что развязывают войну пришлые, останавливают ее свои. В конце двадцатого столетия, когда чеченский народ вновь был втянут в очередную трагедию, явился еще один великий сын Нохч-Мохка – Ахмат-хаджи Кадыров. Его кредо: «Моя задача не остановить войну, а покончить с ней навсегда!» С войной покончено, и надемся, навсегда. Сегодня республика идет по пути созидания, сын Ахмата-хаджи, Рамзан, сплотив вокруг себя верных и грамотных соратников, достойно продолжает дело отца.

– Да, республика очень быстро возродилась и развивается невиданными темпами. Нам нужно только помогать, каждому на своем месте занимаясь тем, что он умеет делать. Наверное, то, что делается с именем Аллаха и во имя процветания ислама не может не иметь такого успеха. Может быть,

в этом и есть секрет быстрого расцвета Чечни, еще с десятков лет назад лежавшей в руинах?

– Нохч-Мохк считается родиной талантов. Бек Эльмурзаев с его вокально-инструментальным ансамблем в начале шестидесятых годов привнес много радости неизбалованному тогда чеченскому слушателю и зрителю песнями и мелодиями. Мастерство гармониста высоко оценил сам Умар Димаев. Маша Амаева пела в Москве, ее «Зандакхой зезаг» не увял до сих пор...

– Потом пришли Имран Усманов, Тамара Дадашева и другие любимые и сегодня исполнители. Поэты Шайхи Арсанукаев, Алвади Шайхиев, Шаид Рашидов, Мусбек Кибиев и Саид Гацаев воспели природу Ичкерии. Но без имен великого Абузара и Магомед-Салаха Гадаева многое было бы недосказано. Райком Хасимханович, скажите несколько слов об этих больших для всего чеченского народа личностях.

– Абузар Айдамиров был больше, чем великий писатель. Это был и историк, и общественный деятель, и великий патриот. Он первым в годы мрачной коммунистической реакции и строжайшей идеологической цензуры собрал огромный исторический материал о самой яркой странице героического прошлого чеченского народа – борьбе против российского самодержавия за независимость и свободу в девятнадцатом веке. Роман «Долгие ночи» разваливал навязываемый кремлевскими шовинистами миф о «добровольном вхождении» Чечни в состав Российской империи. Родное село Абузара, Мескеты, его гостеприимный дом стал для многих молодых начинающих писателей местом встреч и творческих вечеров, как называют такие мероприятия теперь, «мастер-классов».

Трагическая фигура Магомед-Салаха Гадаева, его имя и творчество являются примером борьбы с всепильным коммунистическим режимом, примером личного и гражданского мужества и великого патриотизма. Проведя не один десяток лет за колючей проволокой ГУЛАГа, он оставил после себя большое творческое наследие как поэт, публицист, философ. Его стихи «Стою я обелиском в песках Азиатских...», «Красная скала» и другие полны пронзительной, безысходной тоски по отнятой Жестокой Силой родине – Кавказу, Чечне, Нохч-Мохку, Чурч-Ирзе... Их имена, их гражданский, патриотический подвиг должен быть увековечен более достойно.

– Райком Хасимханович, Вы наверное не теряете связи с родным селом. Часто бываете в местах своего детства и юности?

– По мере возможности, приезжаю в родное село Хочин-Ара, что по-чеченски значит «Сливовая долина». Новая дорога почти вдвое сократила расстояние от Грозного. Места живописные. Исхожены все дороги и тропы в окрестностях. Школа в нашем небольшом селе была неполной и я продолжил учебу в Саясане, в школе-интернате. Приходилось почти полтора часа по спускам и подъемам идти пешком.

Недавно заложил у себя на приусадебном участке фруктовый сад – яблони, груши, сливы... Призываю и других держаться своих корней, как держатся деревья за землю корнями, радуя людей сладкими плодами. Чем старше дерево – тем глубже корни. У человека должна быть своя «болевая точка» на карте мира. Тогда, я уверен, он не покинет родину надолго...

Беседовал ИСА ОКАРОВ.

Книжные новинки**Долг любви**

В Грозном при поддержке Союза писателей Чеченской Республики вышел сборник стихов и очерков чеченского поэта, писателя и журналиста Алвади Шайхиева «Долг любви» («Безаман декхар») на чеченском языке. Книга издана в начале текущего года, в твердом переплете и тиражом в одну тысячу экземпляров. В нее вошли избранные стихи, литературные очерки и рассказы, написанные им в разные годы.

Творчество А. Шайхиева (а он одинаково хорошо владеет как родным чеченским, так и русским языками) вот уже много лет хорошо известно не только в нашей республике, но и за ее пределами. Достаточно сказать, что его первым наставником и редактором ранних поэтических опытов был Абузар Айдамиров, один из самых известных чеченских писателей, автор знаменитого исторического романа «Долгие ночи». Стихи А. Шайхиева неоднократно публиковались во многих литературных журналах и газетах Грозного, Ростова-на-Дону, Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга); переводились на японский, французский, английский и немецкий языки. Нынешнее издание – этого своего рода благодарность и способ отдать дань памяти (или «долг любви») – всем тем чеченским поэтам, писателям и другим деятелям культуры, чье творчество и личное участие в судьбе автора повлияли на его становление.

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Мысль и холст**

Албастова Луиза родилась в 1987 году в Кустанае (Казахстан), а выросла в городе Оренбурге, куда родители переехали через два года. Там же получила художественное и музыкальное образование. С 2008 года Луиза живет в Чеченской Республике. В 2012 году вместе с сестрой Элизой открыла художественную школу-студию, где обучает детей и взрослых живописи и музыке. Пишет, в основном, маслом по холсту в разных стилях.

Работами Луизы заинтересовались не только в Чечне, но и далеко за ее пределами. С раннего детства девочка мечтала рисовать и стать не просто рисовальщицей, а знаменитым художником. Благо, родители не запрещали разрисовывать обои. Она ходила в первый класс обычной школы, когда мама отвела ее в музыкалку, класс фортепиано. И не могла девочка спокойно пройти мимо класса, где творили художники. Да, именно так в школе искусства называли учащихся. Живя вдали от Родины, девочка выплескивала на холст свою тоску: среди первых ее сюжетов были горные теснины, грациозные горянки с кувшинами на плечах, подтянутые джигиты на скакунах и, конечно же, холодные памятники вечности – высокие каменные башни. Сейчас она пишет, в основном, городские пейзажи: ночной город, мегаполис и, конечно же, портреты на их фоне. Ей интересно творчество современников, так как стоит посмотреть, кто чем пользуется, как решает те или иные задачи на холсте, какие приемы использует. Луиза не перестает восхищаться жизнью и творчеством великого итальянца, представителя эпохи Возрождения, Леонардо да Винчи (1452-1519) – человека, который посвятил себя науке и искусству. Ей близка техника «быстрой живописи», когда на создание произведения не уходят месяцы, а то и годы. «Предпочитаю писать пальцами – так я чувствую холст, к которому прикасаюсь, чтобы передать свои мысли». Помимо живописи, работы в студии Луиза занимается иллюстрированием первого модного чеченского глянцевого журнала «RUMORS». На днях в залах Государственной галереи им. А.А. Кадырова состоится ее первая персональная выставка художественных работ.

На обложке журнала представлены следующие работы: 1 стр. – «Восход над морем», 2 стр. – «У врат обители святой», 3 стр. – «Король», 4 стр. – «Прекрасна и дика».

Зура Итсмалорд

Сведения об авторах и переводчиках

Зарина Алиева. Окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Работает заместителем главного редактора литературно-художественного журнала «Орга». Пишет литературоведческие и литературно-критические статьи на чеченском языке. Старший преподаватель кафедры чеченского фольклора и литературы ЧГУ.

Шамсудин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Валид Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам. редактора в газете «Кавказский дом» (1995 – 1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда».

Фатима Джабраилова (1971). Родилась в с. Ермоловка, Чечено-Ингушская АССР. Образование среднее. Пишет стихи и рассказы с детства, на русском и чеченском языках. Публикуется в местной периодической печати (в журналах «Орга», «Нана» и др.).

Хаджи Хизриев (1941). Кандидат исторических наук, профессор ЧГУ. Известный специалист по древней и средневековой истории Чечни и Северного Кавказа. С 1987 года работает в Чеченском государственном университете, успешно сочетая преподавательскую работу с научно-исследовательской. Является автором 130 научных, а также 120 научно-популярных и учебно-методических работ, в том числе монографии «Кавказцы против Тимура» (1992). Соавтор трех глав «Истории народов Северного Кавказа», т. 1 (М., 1988), академической «Истории Чечни», т. 1 (2006), учебников «История Чечено-Ингушетии» для 7–8 кл. (1991), «Рассказов по истории Чеченской Республики» для 5 кл. (2005), «Программы по истории Чечни» для 6–11 кл. (2004), энциклопедических статей «Чеченцы» (1995), «Аккинцы» (2005), соавтор коллективной монографии «Чеченцы» и др. работ. Его статьи опубликованы в центральных журналах «Вопросы истории» и «История СССР». Входит в состав авторского коллектива готовящегося Академией наук ЧР 4-х томного труда «История Чечни» и подготовленных к изданию учебников «История Чечни» для 6-го класса и для 10-го класса. За многолетнюю научно-педагогическую деятельность (более 45 лет) и вклад в подготовку специалистов высшей квалификации и безупречный труд награжден медалью «Ветеран труда», Почетными грамотами Президента ЧР, Правительства ЧР, Министерства образования и науки ЧР, научных учреждений.

Юсуп Амаев (1956). Родился в Киргизской ССР. Окончил экономический факультет ЧИГУ в 1982 году. Пишет статьи публицистического характера. Публикуется в журнале «Вайнах» с 2012 года.

Руслан Ясаков (1948). Родился в Карагандинской области Жана-Аркинского района Казахской ССР. В 1990 году окончил зоотехникум в г. Дубовка Волгоградской области. Пишет статьи публицистического характера, литературоведческие, а также прозу. Публикуется с 1968 года (газета «Красное знамя» Северо-Кавказского военного округа). Автор исторического романа «Отшельник и соловей» на русском языке (Санкт-Петербург, 2010. Переиздан в Уфе в 2012 году).

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и
в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.